

«Мне кажется, я больше не буду тебе писать. Да, кстати, привет и всё такое, да.

Знаешь, с каждым разом мои сообщения к тебе всё реже и короче. Но не думай, что я тебя забуду. Я никогда тебя не забуду, ни за что. Просто знай это, знай это так же просто, как ты забыла меня»

И забавно, и стыдно. В 1948 году Советский Союз купил американский фильм «Гроздья гнева», чтобы показать советским зрителями все язвы и пороки капитализма. Через несколько дней фильм был снят с проката, потому что люди обращали внимание на то, что бедный, разорившийся фермер одевался лучше советских колхозников, мог купить себе подержанный грузовичок и держал дома оружие. История содержит безумное множество таких печальных «упс»ов, которые показывают настоящую глупость человечества.

А.Б. Андрей Болконский. Алекс Бэй. Забавное совпадение. Над человеком на миллиарды километров простирается бескрайнее голубое небо, глубина которого перехватывает дыхание вместе с заполнившей глотку кровью. В клубящихся облаках летала птица. С высоты лились нескончаемые потоки холодной воды, падающие прямо на горячую кожу.

-Он жив вообще?

-Боже мой!

-Рразойтись!!!!!!!!!!

Голоса тонули в пелене, стремительно охватывающей моё яркое бескрайнее небо. Нет, не уходи!!!!!!!!!! Мой крик увяз где-то в бульканье, длившемся бесконечную долю секунды.....

Всё? А как же ананас? Я его так и не попробовал.....

Серый голубь пролетел мимо возвышающейся статуи отважному человеческому солдату и исчез в глубине бескрайнего неба притихшего после боя Аустерлица. Ни одного облачка не было в синем безграничном пространстве. Всемогущее, оно простиралось над землёй и всем, что было приклеено к ней на время своего недолговечного существования. Большинство из окружавшего меня в тот момент уже окончило это существование. И только огромное небо покровительственно обнимало всё вокруг. Послышалась возня, и через несколько минут на синем фоне появилось пухлое лицо под огромной треугольной шляпой. Задумчиво всмотревшись, человек произнёс:

«*Voila la belle mort*», - были слова Наполеона.

Глава 1

Бип-бип-бип-бип

Бип-бип-бип.

Какой безумно раздражающий звук.

Бип-бип

Да вырубите же его кто-нибудь!

Я попытался открыть глаза. Небо исчезло. На месте моего безграничного глубокого неба был теперь серый, плоский ограниченный потолок. И ни одной глупой птицы. И ни следа Наполеона. Изображение вновь размылось и стремительно померкло, погрузив меня в темноту.

На этот раз звука уже не было. Остался потолок. Как и комната, в которой я лежал.

-Спасибо. Можете идти, дальше я справлюсь сам,- прозвучал рядом голос неопределённого пола. Я с трудом повернул ватную голову.

На стульчике сидел человек необычной, но по удивительному свойству не запоминающейся внешности. Мой несфокусированный взгляд резанул яркий оранжевый платок, который он усердно мямлил в руках.

-Здравствуй, Алекс,- вновь произнёс этот вдруг знающий моё имя голос,- полагаю, я должен представиться. Ты, наверное, меня не помнишь – мы виделись мельком на церемонии открытия реставрационных работ. Меня зовут Юсиф Альбертович, я член городского совета по вопросам культуры.

Стараясь скрыться от его щебетания, я закрыл глаза. Но это едва ли помогло: человек в фиолетовом твидовом костюмчике умудрялся влиять своим присутствием сразу на все органы чувств: нос щекотал сильный цветочный запах и даже во рту ощущался приторный сладкий привкус.

-Мой мальчик, отдаёшь ли ты себе отчёт в том, что с тобой случилось?

Я открыл рот и будто со стороны услышал низкий старческий скрип:

-Я... - воспоминания неохотно возвращались в опухшую голову,- меня сбила машина?

Voila la belle mort

-К нашему огромному сожалению. Но, к счастью, всеобщими усилиями нам удалось тебя подлатать. Скажи-ка мне, ты помнишь, какой сейчас год?

-Тысяча восемьсот.. аааааааа ээээээ 2064.

Мужчина с подозрением помял в руках свой платок.

-Я, конечно, понимаю, что сейчас попрошу глупость, но можешь ли мне назвать своё полное имя и профессию?

Я открыл глаза и вновь уставился в потолок. Теперь он казался каким-то не таким, словно я видел его в первый раз. Странное ощущение охватило меня, что-то помимо невыносимой тяжёлой слабости и головной боли. Я поднял руку, чтобы почесать нос, и поморщился, когда кожи коснулось что-то холодное. Не медля ни секунды, я резко вскочил и сел на кровати, сбив почти всё, что было вокруг. Ноющая голова резко закружилась, и её пронзила новая волна боли. В ужасе я уставился на мешанину проводков и искусственных полимерных мышц, опутывающих железный каркас руки.

Voila la belle mort

Это началось в Иерусалиме. Неожиданная авария на одной из самых оборудованных АЭС мира. Всего за несколько часов огромные территории, резко ставшие не пригодными для проживания, были полностью уничтожены паникой. Спустя ещё три четверти суток толпы людей невообразимыми потоками эвакуировали в безопасные районы. Казалось бы, один очередной несчастный случай, подобные которому в истории случаются каждые полсотни лет. Но происшествие и не думало уходить в тень. С течением времени СМИ всё чаще и чаще делали акцент на точных цифрах потерь; теперь на каждом углу, на каждом канале, каждой странице социальных сетей было упоминание об Израильских пострадавших. Не переставая открывали новые и новые благотворительные счета для сбора средств погибающим от лучевой болезни детям, оставшимся без родителей, дома и «светлого надёжного будущего». Очень скоро всех захихикали этой катастрофой до того, что люди начинали раздражённо морщиться и отпускать едкие комментарии в сторону ничем не виноватых израильтян.

Но никто и не думал, что это было начало. Маленькое начало огромного конца. Потому что дальше был Китай. Спустя всего четверть года после иерусалимской трагедии вдруг затопило подземную лабораторию Цзиньпин на юго-западе китайской провинции Сычуань

– одну из глубочайших подземных лабораторий на Земле, работающую для обнаружения чёрной материи путём эксплуатации тонн жидкого ксенона. Медицинский научно-исследовательский центр в Японии – смешение выделяющих ядовитый газ реактивов; срыв самого оборудованного автобуса канатной переправы на горнолыжном курорте Германии Гармиш-Пантеркирхен и, под конец, утечка газа на русской военной базе.

Началась неразбериха. Многие начали грешить подозрениями на Соединённые Штаты, как всегда остававшиеся на удивление не тронутыми этой странной роковой цепочкой. Особенно обострил политическую ситуацию последний случай.

И тогда в Белом Доме прогремел взрыв.

И началась война, продлившаяся впоследствии долгих семь лет. Война, получившая название Железной войны. Тогда люди думали, что они воюют с машинами. Они безумно ошибались, эти глупые, глупые люди.

Но эта история, вообще-то, должна была быть совсем про другое.

Я любил свою семью. И сейчас, оглядываясь назад по общей привычке всех живых людей, я с полной уверенностью говорю, что она была самой идеальной из всех идеальных семей.

Когда мне было три, мама решительно начала полнеть. Она много кушала, раздувалась спереди и очень этому радовалась, что было совсем, совсем необычно. "Это чудо",- отвечала она на мой вопрос, чем же она заболела. "Внутри мамы сидит твоя маленькая сестренка",- пояснял папа. И правда, скоро из неё вылезло целое маленькое существо.

Этот день я запомнил надолго. Мы с папой сидели в коридоре. У меня в руках был букет хризантем - маминых любимых. Перед нами бегали люди в халатах. Одна беременная женщина, медленно переваливаясь с ноги на ногу, проходила по коридору. Поймав мой растерянный взгляд, она весело улыбнулась и подмигнула мне. Я покраснел, растерялся и устался в пол. Мой живот пел возмущенные серенады.

-Папа,- я потянул его за рукав,- я хочу кушать.

Папа дернулся, как от шокера, и посмотрел на меня:

-Терпи, сынок, совсем немного и мы пойдём домой.

Я не хотел терпеть. Я хотел посмотреть, как ломаются цветы, если на них с силой закрыть дверь. Потому что букет мне мешал, просто откровенно мешал. Его не помешало бы выкинуть. Замуровать прямо в стену роддома.

Но тут появилась медсестра.

-Бэй?- спросила она, указывая пальцем на папу.

Папа вскочил и, кивнув для точности, вслух подтвердил, что его фамилия Бэй.

Медсестра кивнула, наверное, тоже для уверенности, и сказала:

-Следуйте за мной.

И мы встали и пошли по коридору, папа взял меня за руку, что мне приходилось даже выпрямиться и даже слегка подняться на носочки. Мы шли, и я почти бежал за своим взволнованным папой, спотыкаясь о собственные ноги и сжимая в руке слишком большой для моей маленькой руки букет. Тот бился о мои пятки с характерным шелестом, так что скоро отец отобрал цветы и понес их самостоятельно. Скоро - ну наконец-то, мы прошли, наверное, уже полгорода - мы остановились возле двери, к которой были прибиты две цифры: 1 и 5. Мама уже учила меня цифрам и буквам, я путал только 3 и 8, и иногда 7 и 1, но эти две я почему-то понял чётко. Папа повернул ручку и открыл дверь.

Мама сидела на кровати с большим шевелящимся свертком в руках. "Наверное, это гав-гав",- почему-то подумалось мне. Это была первая и единственная мысль, которая могла прийти и пришла мне в голову. Обрадованный, я побежал к ней, широко раскрыв руки, чтобы потаскать свою собаку, обнять маму, и чтобы она сделала как раньше, когда была совсем худая, любила поднять меня на руки и, приложив рот к моей шее резко начать выдувать воздух. "Пердунки", как мы их называли. Но мама лишь высвободила руку и,

улыбнувшись, потрепала меня по волосам. Сверток издавал неприятные звуки, совсем не похожие на собаку. Покряхтывания очень быстро переросли в душераздирающий крик. Я испуганно зажал уши, не в силах выносить этот ужас.

-Папа, что это?- закричал я.

Мама принялась успокаивать существо, а папа поднял меня на руки, так что я теперь мог видеть лицо - большое, красное, морщинистое лицо. Папа подождал, пока звук утихнет, и сказал:

-Это твоя сестренка. Знакомься, дружок, это Майя.

* * *

Я стал, не в силах двинуться дальше. Машина взревела и уехала, оставляя за собой облака пыли и стоящего в растерянности посреди двора парня с цветочным горшком в руке. Я кинул ей вслед быстрый взгляд. И принялся за остальное.

Дом был деревянный, двухэтажный. Большие высокие окна делали его похожими на замок, но лишь немного. Темно-зеленые стены все еще сохранили свой цвет. По ним как-то уже даже лениво вился густой плющ. Стоящее прямо рядом с крыльцом дерево норвило проделать пару дыр в крыше.

Солнце нещадно палило, под солнечными очками лицо вспотело. Вокруг не было видно ничего живого. Не хватало только перекасти поле.

Рюкзак упал с моего плеча, громко шлепнувшись на землю в полной тишине. Я понял, что пора двигаться, вздохнул, поднял его и направился к калитке. Та вяло скрипнула, жалуясь на то, что её потревожили.

И вот настал ответственный момент: я достал ключ и засунул его в замочную скважину. Повернул. Внутри что-то тяжело щелкнуло и, кажется, упало. Дверь открылась, и я вошел в царство полумрака.

Направо и налево находилось пространство. Пространство, заполненное пылью, еще раз пылью и редкими лучами освещающего ее солнца. Я скинул вещи на пол и прошёл в зал, что был справа. Это было что-то вроде столовой. Там было так же тихо, как и везде. Мебель, стоящая нетронутой на своих местах, была накрыта сверху пленкой, перевернутые стулья изящными ножками смотрели в потолок. Создалось впечатление, что кто-то просто оставил все и ушел, не забрав с собой совсем ничего. Я попрыгал на полу. Тихо. Не скрипит, хорошо. Затем я аккуратно поставил на край ближайшего пыльного подоконника горшок с чайным деревом.

«-Подними руки.

Я поднял и задержал их горизонтально на уровне груди.

-Но ты же сам понимаешь, что по-другому нельзя. Это политика. Современное положение и всё такое...

-Подними вверх.

Я поднял. Юсиф ушел из моего поля зрения, и я начал ворочаться.

-Не вертись. Сожми и разожми кулаки. А теперь коснись пальцем левой руки носа.

-Политика? Какого черта?

-Ну как?- готов поспорить, он затеребил свой платочек,- В соответствии с законом о робототехнике...

-Робототехнике?!- мой возглас заглушил возмущения и вскрики медсестры,- неужели ты хочешь сказать, что я теперь одна из этих чертовых железок?

Юсиф торопливо подсеменял ко мне, успокаивающе вытянув ручки.

-Тише-тише, сядь. Согласно указу о киборгах 2047 года, понимаешь, все, в ком содержится больше двадцати процентов техники.... Поверь, на самом деле ничего особо не

меняется – киборгам тоже дают права, лишь надо будет выполнять кое-какие... Обязательства. Сядь, сядь, кому говорю!

Он так резко рявкнул, что я сел. Медсестра опять меня повернула и принялась светить карманным фонариком в левый глаз.

-Ты пойми... Мы все сделаем на лучших возможностях. Подберем тебе самый хороший дом...ну, из, конечно же, имеющихся. На работе – а я же очень надеюсь, что работу свою ты не бросишь – никто даже и не узнает. У нас самые лучшие врачи, они сделают все просто самым лучшим образом. Никто даже ничего не заметит.

Медсестра неожиданно что-то сделала, и я почувствовал, как руку что-то пронзило. Я взвыл, схватившись за бедную конечность. И тут понял.

-Я её чувствую,- я поднял глаза на девушку,- я чувствую ее.

-Дом я выберу сам. В техзоне есть много замечательно подходящих домов. Правда, не исключено, что понадобится небольшой ремонт...

Но я был отвлечен. Я трогал ноги, ткань штанов, футболку, стол – все, что попадалось под руку. Ведь я чувствовал. Я её чувствовал!»

Я присел и заглянул внутрь. Как и ожидалось, в камине не оказалось ничего драгоценного или интересного – ну, если, конечно, вы не увлекаетесь кучками совершенно неживописной золы. Встал. Прошелся вдоль зала. Остановился. На стене что-то висело, скрытое куском ткани. Какое-то время я постоял, рассматривая силуэт предмета, а затем взял за край и резко сдернул её.

На меня уставилось мое отражение. Немного новое и даже непривычное настолько, что, проходя мимо застекленных магазинов, я не мог понять, что за придурок на меня косился.

Новое отражение, если присмотреться, не обладало никакими существенными отличиями от прежнего. Разве что глаза теперь были разных цветов. За это Юсиф дико передо мной извинялся и даже предлагал мне носить линзу, но я отказался. Тоже мне, морока. Сверху лоб пересекал еле заметный шрам, который, если присмотреться, вообще исчезал.

Но выражение изменилось. Стало каким-то новым, что ли. Я поднял руку и провёл пальцем вдоль этого шрама. Дошёл до брови и одернул ладонь. Странно.

«Серый пасмурный день. Возле хлебного магазинчика «Хлеб от Банни» стоял большой розовый крендель в костюме и раздавал листовки. Недалеко маленький мальчик выпрашивал у мамы кремное пирожное. Люди вокруг торопились, подняв воротники и спрятавшись под капюшонами. В руке теплел свежескупленный кофе, а в голове сидел нестыкующийся квартальный отчёт...

Проблеск красного с белым, чей-то вскрик, яркая вспышка боли и... Ничего. Совершенно. Никакого чертового туннеля со светом, никаких ангелов, демонов... Ничего»

Ничего. Мне в голову пришла мысль. Ни разу я этого не делал. Но любопытство взяло верх. Я закрыл натуральной рукой правый глаз. Как там это делается? Закрыть глаз и мысленно о чём-то подумать.

«На самом деле это несложно. Вскоре ты сам не будешь замечать, как будешь это делать. А пока придумай себе какой-нибудь рычаг или сигнал. Ну не знаю, слово какое или картинка. Можешь представлять переключатель – это поначалу всегда работает. Нужно просто немного потренироваться»

Я начал представлять. Почему-то в голове у меня возник образ стоп-крана, такого, который обычно бывал в старых электричках ещё 2010х-20х годов, с красной пластиковой ручкой. Вших! – и красная пластиковая ручка переместилась вниз.

Пора открыть глаза. На счет три. Раз, два, три! Не получилось. Раз... Ах, черт возьми, как маленький ребёнок!

Я открыл глаза. Правый все ещё оставался под ладонью, но левый...

Я выдохнул. Выглядит устрашающе. Цвета пропали, оставив только оттенки и тона серого. Так вот как видит рентген... Учитывая то, что излучение вообще ничего не видит.

Вся левая рука, как и ожидалось, была не моя. Она состояла из железа, проводков, искусственных мышц и ещё бог знает чего. Третью лица была заменена. Чувство, будто смотришь на недозамаскированного робота.

Я зажмурился и потряхнул головой. Изображение вновь пришло в норму.

* * *

«Привет, дорогая Майя. У меня всё хорошо.

Хм... Давно я тебе не писал.

Представляешь, меня поселили в новый дом. Оказывается, тут совсем не так, как я думал. Он двухэтажный. Тут все такое заброшенное, тихое, уютное. Тебе бы, наверное, не понравилось. Знаешь, у меня во дворе растёт груша. Я сто лет груши не ел. Сейчас весна, и она цветёт...

Здесь почти никого нет. Такая тишина... Только птицы поют. Тут недалеко есть такое место, там бревно поваленное, оттуда было бы так классно в банки стрелять! Я в подвале старое ружье откопал. Правда, патроны закончились»

* * *

Кто-то умный как-то сказал, что в четвёртой мировой войне люди будут воевать уже дубинками, и он оказался просто чертовски проницательным. Когда война закончилась, всё стало предельно просто. Никакой умной техники, навигаторов, компьютеров, даже телефонов. Торжественно был сбит последний спутник мобильной связи.

Ты помнишь, мы сотни раз слышали, как это случилось. Это походило на сюжет фантастического фильма, так говорили взрослые. Можно было подумать, что люди сами ждали этого. Одно за другим технические изобретения взрывали всеобщий интерес. Экранизированные стены, домашняя иллюминация, поисковик ключей, онлайн-управление тостером, волновой передатчик сигналов, домашняя заправка паровых сигарет, домашняя миниэлектростанция, работающая по принципу потенциальной энергии заряженного газа и прочее. Люди сами изобретали и копили своих врагов у себя дома. А затем связали их огромной сетью и предоставили доступ ко всему, что их окружало.

Солнце в техзоне палило нещадно. К жаркому климату я привык ещё с детства, когда мама заставляла меня таскаться в панамке каждую поездку на поле. Целыми днями я шатался под греющими лучами, полон морковку со свеклой, окучивал картошку, присматривал за Майей и даже находил в себе в перерывах силы бешено поноситься со сверстниками. В панамке моя голова запотевала настолько, что пот водопадом стекал за шиворот и на лицо, но снять её, по словам мамы, было равносильно смертельному приговору. Как бы то ни было, панацеей от всех болезней панамка не являлась: на следующий же день мое лицо пересекала горизонтальная граница обгоревшей кожи, которая непременно потом замазывалась прокисшим молоком.

Я всегда ждал время посева и сбора урожая ради того, чтобы покататься на тракторе. Каждую поездку я жутко доставал тракториста дядю Женю, доброго усатого мужчину с механическим протезом вместо ноги. Часто на рабочем перерыве мы сидели с ним на ступеньке его трактора и поедали горох, бутерброды из хлеба с салом или варёные яйца,

принесённые с собой на обед. Ветер трепал длинные листья кукурузы. Мы обычно молчали, но наши редкие разговоры казались мне чем-то особенным, делающим меня взрослее по сравнению с глупыми бегающими между картофельных борозд мальчишек.

-Вчера я видел, как мама Владика прятала под перчатками и тяпками в своём ведре кукурузу с полей.

Дядя Женя качал головой, вздыхал и говорил:

-Ты кому-нибудь ещё об этом рассказывал?

-Нет.

-Даже маме?

-Да.

-Молодец. И не говори.

Мучимый одной навязчивой мыслью, не отпускавшей меня уже не первую неделю, я нервно пережёвывал сальную шкурку и следил за шмелём, задумчиво кружащим над клевером.

-У нас дома нет тыквы. На полях её растёт очень много. Почему мы не можем брать с поля то, что нам нужно?

Дядя Женя вытирал от крошек усы, срывал травинку и прикусывал её край.

-То, что растёт здесь, потом поедет в город. Там живёт много голодных людей, которые тоже хотят есть.

-Но нам много не нужно! Всего одну тыкву, нам хватит её надолго. Мама готовит замечательные пирожки, а ещё оладушки, сушёные кусочки в сахаре, а ещё там много-много вкусных семечек, и...

Я занулся, когда дядя Женя грустно посмотрел на меня своими тёмными глазами.

-А теперь посмотри, как много вокруг людей. Если каждый возьмёт по тыкве себе домой, представь, как много останется тем, кто живёт в городе?

Я вернулся к рассматриванию шмеля. Я понимал, что то, что говорил дядя Женя, правильно и очень умно, но мне казалось жутко несправедливым то, что мы не можем есть то, на выращивание чего тратим так много времени и сил. К тому же большинство семей с города были там же, с нами на полях, но ведь им тоже нельзя было брать ничего из урожая. Приходилось ждать, пока фрукты и овощи попадут в магазины и на рынки, чтобы потом платить за них большие деньги.

Вдруг дядя Женя громко хлопнул себя рукой по коленке и произнёс:

-Так, муравей!

Он называл меня муравьём. Я любил это прозвище, хотя и не понимал, чем его заслужил. Муравьи все чёрненькие, маленькие существа с тоненькими тельцами и лапками, я же был скорее похож на соседского кота Мистера Фигглса, полного животного с короткой шерстью дымчатого цвета. Как и я, он просто терпеть не мог рассольник. Дядя Женя встал, залез в кабинку трактора и принялся искать что-то в бардачке. Спустя несколько минут лазанья в ненужных бумажках, коробках от спичек, шурупах и непишущих ручках он достал что-то слегка помятое и подтаявшее и передал его мне. Я удивлённо принялся рассматривать новое нечто. На яркой обёртке молоко заливало орехи и какао-бобы, окружавшие надпись AlpenGold.

-Это...

Я поверить не мог. Я никогда раньше не пробовал такой деликатес. Настоящий шоколад до этого появлялся в моём доме лишь два раза, и оба из них я был слишком безумно возбуждён диковинкой, чтобы толком его распробовать. В магазинах на полках лежали лишь приторные кондитерские плитки, от небольшого кусочка которых дико хотелось пить. Настоящий же шоколад на вкус был гораздо лучше. О таких удивительных сладостях, как популярные когда-то шоколадки Alpen Gold с йогуртовой, кофейной начинкой, солёным крекером, арахисом, шипучкой, вкусом диковинного шоколадного

печенья Oreo с молочной начинкой, белом шоколаде с кокосовой стружкой и орешками; таинственной серией шоколадок с белой молочной начинкой KinderСюрприз и её шоколадных яйцах с игрушкой внутри, батончиках Snikers, Mars и KitKat я слышал от мамы с папой, но никогда не достаивался счастья видеть или – о боже мой!- пробовать их на вкус.

-Тише. Спрячь аккуратно в карман, чтобы никто не видел. Съешь дома. А теперь беги, тебя мама зовёт.

Мама и правда подавала мне активные знаки с того конца кукурузного ряда. Я засунул коробочку поглубже в карман своих шорт, обнял наскоро тракториста и ринулся к ней.

Дома я положил шоколад в самое холодное место комнаты - в угол под кроватью, подалее от стены с батареей. После того, как мама отключила вечером свет, я достал её, медленно, с возней, освободил от обертки краешек и откусил кусочек. Тут же все планы на долгое, неторопливое наслаждение полетели в дальний угол. Уже через минуту я был весь в липкой подтаявшей массе, тщетно пытаюсь слизать все улики. Увлёкшись, я даже забыл поделиться с сестрой. Извертевшийся и уставший окончательно, я уснул. Когда я не выдержал и полез за своим лакомством на следующий день, рядом со мной оказалась Майя. К слову сказать, вскоре после этого я понял, что полторагодовалым детям шоколад есть нельзя.

Однажды весной дядя Женя не появился. Завидев знакомый трактор, я привычно побежал поздороваться, но из открытой двери с места водителя неожиданно вылезла взрослая, серьезная женщина в широких спортивных штанах, заправленных в старые ботинки. Тетя Зоя, которая никогда потом не разрешала мне садиться за руль.

Я спрашивал родителей, куда пропал наш тракторист с механической ногой - мне отвечали, что он переехал в другое место. Но я так и не мог понять, почему он со мной не попрощался. В том году, 2047, вышел указ о транспортировке всех людей, содержащих в своем теле больше двадцати процентов техники, на территорию технической зоны - пустующих после войны ограниченных земель с повышенной радиацией.

Глава2

Первое, чем я занялся после первичного исследования отведенного мне дома, была, естественно, уборка. Точнее, его распаковка. Начал я, безусловно, со спальни как самого часто используемого места. Кровать я раскрыл от пленки ещё вечером в день приезда, но незамедлительно обнаружил, что даже под прикрытием матрац умудрился стать жертвой пыли. Придирчиво исследовав его со всех сторон, ракурсов и даже ощущений, я твердо решил потратить последние деньги на покупку нового и отправился на диван, который внушал мне больше доверия.

Я пододвинул диван к огромному окну гостиной, разложил его и устроился со всеми возможными удобствами. На всех правах единственного хозяина дома я вандально поужинал прямо на нём и теперь полулежал, облокотившись на подушки и спинку, попивая чай и смотря в открытое от шторок окно. Привычно под пальцем щелкнула кнопка диктофона.

-Привет, дорогая Майя. Завтра у меня первый рабочий день после моего больничного.

Какое-то время я помолчал, думая, как сформулировать мысли. Хотел ли я на работу? Ощущения были смешанными, совершенно непонятными, лениво ворочающимися под моей грудной клеткой.

-Насыщенный выдался отпуск.

Дальше последовал нервный смешок. Я задумчиво смотрел в простирающееся надо мной ночное небо. Небо, ещё недавно бывшее для меня так близко. Это вечное небо, видевшее Аустерлиц и все три мировые войны. Сейчас оно сияло множеством ярких звёзд.

Восьмиконечная звезда с распускающимся посередине ярко-красным цветком. Рельефные грани его на солнце заселяют отблески.

-Дай мне посмотреть! Я тоже хочу померить шляпу!

-Не дам! Ты её помнешь!

-Не помну!

-Все равно не дам!

-Папка! Скажи ему!

-Алекс, дай сестре померить фуражку.

-Не дам. Её доверили мне, как самому главному. А она ещё маленькая.

Майя яростно топнула ножкой.

-Я не маленькая! Папка! Скажи ему!

-А ты отбери!

Началась возня.

-Успокойтесь все! Мы так опоздаем! Алекс, не бегай в форме, я только что тебя привела в порядок. Майя, не испачкай платье. Все готовы? Идём!

Пятнадцатилетие окончания войны отмечалось с величайшим торжеством. Все люди в городе, даже с самых дальних окраин, приходили утром на главную площадь, где устраивался большой парад. В центре ее стояла огромная статуя в память об отважном человеческом солдате, навеки застывшая в победной позе над поверженной машиной. Избранным мальчишкам-школьникам, в числе которых был и я, выдалась удача стоять по краям, отдавая честь участникам парада. Все мы были в торжественной форме с накрахмаленными воротниками рубашек, вычищенными до блеска чёрными туфлями, фуражками и значками-звёздами, приколотыми на нагрудные карманы. Под торжественную военную музыку припекаемые лучами осеннего солнца мы неподвижно стояли несколько часов подряд, ограничивая толпу собравшихся для почитания памяти горожан. У меня затекла рука, но каждый раз, когда я замечал, что слишком расслабился, я тут же вновь вытягивался в струнку, выставляя локоть в сторону.

И вот началось. Длинная колонна больших военных машин, оборудованных по самым передовым технологиям. Танки, внедорожники, всякие и всевозможные Су- и Ту-, некоторые похожие даже на коробки на колёсах. А за всей этой грудой передвижного железа шли они. Огромный строй солдат в строгой форме с почти такими же, как у меня на кармане, звёздами. Я как мог вытянулся в приветствии, охваченный яркой мешаниной нахлынувших чувств. Стражи, или, как их называли некоторые, защитники. Они шли, смотря ровно вперёд своими строгими серьёзными взглядами. Толпа за моей спиной притихла. Они шествовали, совершенно синхронно маршируя по высланной кирпичом мостовой, и ни один мускул не дрожал на лице каждого. Владик говорил, что им запрещено смотреть на нас, пока они в строю. С каждым их шагом сердце в моей груди взволнованно подскакивало. Я не знал почему, но солдаты особых подразделений армии Защиты пугали меня и приводили в трепет. Владик много рассказывал мне про них, восхищаясь каждой устрашающей подробностью. Говорил о том, что каждому солдату по вступлению на учёбу удаляют память об их семьях, друзьях, знакомых и всём, что происходило до этого. Оставляли только базовые знания вроде тех, как ходить в туалет или держать в руке ложку. Говорил о том, что регулярно им устраивают диеты, на протяжении которых месяцами давали им из еды только несколько кореньев и кусок сырого мяса по утрам. В Защиту набирали детей и подростков. Но самым страшным было то, что поступив к ним в солдаты, уже не возвращались.

Неожиданно я поймал взгляд одного из них. Один из последних, явно новичок, он был едва на три года старше меня. Наш кратковременный контакт был похож на столкновение двух напуганных оленей в сезон охоты: напоровшись друг на друга взглядами, две пары до

ужаса напуганных глаз спешно разметались в разные стороны, торопясь вернуться в нужное положение. Я потом не один год вспоминал этот граничащий с ужасом страх, смешанный с непреодолимым любопытством, который всего на секунду оказался обращён на меня. Я пытался представить, что чувствовал этот мальчишка, без прошлого, родителей, даже старых ненавистных детских фотографий в пелёнках и ползунках, обязательно хранящихся в коробочке с пучком первых волос где-нибудь в задворках шкафа. Лишь он, одинокий, брошенный со своими мыслями и вопросами.

И тогда такой же сильный ужас охватывал меня. В такие моменты я нередко выбегал из своей комнаты и крепко обнимал всех родственников, встреченных мной на пути.

Уже в четыре часа утра мои широко распахнутые глаза смотрели в потолок. Неожиданно и непонятно для чего проснувшийся мозг отказывался засыпать и спокойно изучал деревянные доски. Я вдруг почувствовал невообразимое спокойствие, которого мне так не хватало в последнее время, словно я наконец оказался дома. Есть несколько видов тишины. Бывает тишина одиночества, которая, словно тяжёлый вязкий сгусток патоки, обволакивает тебя и сжимает в тисках, из которых ты никак не можешь выпутаться. Бывает напряжённая, звенящая тишина, состоящая из сотен тоненьких туго натянутых струн. Есть же тишина лёгкая, приятная, нежным бальзамом затекающая в уши и обнимающая что-то внутри тебя. Именно эта, последняя тишина была в то утро в большом деревянном ещё довоенном доме. Я наблюдал за тем, как за окном становилось окончательно светло, и поднимающееся всё выше и выше солнце пронизывало лучами ветви деревьев. Я изучал свои чувства, осознавая, что часть меня уже и не я по сути, а система сложных, но управляемых мной механизмов. Мысли эти, совершенно такие же, как те, которые я не раз думал лёжа в больнице, теперь имели другой оттенок, больше не пугающий.

* * *

Возле комнаты Майи было очень оживлённо. Мама плакала, не в силах сдержать эмоции. Папа тихо барабанил по двери, повторяя одно и то же.

Стараясь держаться как можно незаметнее, я, возвращаясь из ванной, пригнулся и молча прошмыгнул в свою комнату.

Бы. Меня поймали прямо в тот момент, когда я собирался открыть дверь.

-Алекс! Ну постой же, ты-то куда? Поговори с ней! Хоть тебя-то она послушает! Ну она же твоя сестра, в конце-то концов!

Я мысленно застонал. Но в чем в чём, а вот в упёртости мама с Майей были похожи.

-Мам, ты же сама знаешь, что я никак не влияю на её решение.

Мама утонула в слезах. Папа осуждающе на меня посмотрел. Я вздохнул и повернулся обратно.

-Ты куда это?

-За подношением. Скоро вернусь.

Если и нести что-нибудь Майе, то только орешки. Именно поэтому каждый раз, когда у меня были деньги, я первым делом шёл к знакомой бабушке, торгующей ими недалеко от моста.

По воле случая именно в тот день мне вернули давно забытый мной долг, и на кухне лежал пакетик лесных орешков.

-Сгиньте,- сказал я родителям, но, почувствовав, что это было слегка грубо,- пояснил:- если вы будете торчать здесь, ничего не выйдет.

Затем я успокаивающе погладил маму по плечу.

-Все будет хорошо, ты же знаешь Майю: скорее я пропаду, чем она. Все, а теперь идите. И они, слегка помешкав, спустились вниз. Я постучал в дверь.

-Майя, открой.

Тишина.

-Майя, у меня орешки.

Опять ничего. Наверняка сидит в наушниках. Тогда я сел на корточки и начал подсовывать пакетик под дверь. И в этот момент она открылась и стукнула меня по лбу. Я сел на пол, потирая ушибленное место. Майя кивнула мне заходить. Я прошёл внутрь и плюхнулся на кровать. Сестра была в своей любимой бесформенной футболке, закрывающей спрятавшиеся под ней спортивные шорты. Густые тёмные волосы какахой свисали с затылка.

-Мама с папой послали?- спросила сестра, сев рядом и подвинув меня к краю. Она открыла пакетик и высыпала орешки в один из маленьких бумажных стаканчиков для попкорна, которые хранила на полке.

-Собираешься меня отговаривать?

-Ни в коем случае,- пожал я плечами и завернулся в плед. Майя села рядом, поставив стаканчик на кровать.

-Я ценю и уважаю твоё решение, вне зависимости от того, нравится мне оно или нет.

Сестра слегка недоверчиво посмотрела на меня.

-Другого я от тебя и не ожидала.

Она загребла в руку небольшую горстку и высыпала себе в рот. Я сделал то же.

-А я от тебя этого не ожидал. Так, значит, Защита?

-А в свою комнату?

-Понял.

Я вытащил из кармана колоду карт. Мы подоновились к подоконнику. За окном было темно, видно было лишь рябиновую ветку, выплывающую из темной пустоты прямо к стеклу: свет от торшера слабо освещал её конец. На окно упала капля. И ещё одна. Вскоре дождь забарабанил по крыше и карнизу, заставляя ветку мотаться вверх-вниз.

Мы играли в дурака, разделив на двоих наушники плеера, ещё давно найденного нами в старой заброшенной забегаловке.

* * *

Передо мной стремительно проскользила, зацепилась за край папки и, подскочив провертелась и остановилась на самом краю стола тарелка с огромным сэндвичем. От неё пахло колбасой, дешёвым плавленым сыром и горчицей с кетчупом.

-Та-дааам! С возвращением! Я не знал, когда ты вернёшься, поэтому пришлось немного сымпровизировать. Но не думай, я гарантирую тебе, что мой фирменный бутер – лучший из тех, что ты когда-либо ел в жизни. А я редко доверяю кому-либо свой хавчик.

Я подозрительно осмотрел возвышающееся на тарелке сооружение. Один Бог кроме него самого знал, что находилось в пространстве между двумя кусками белого хлеба. А из самой середины многозначительно торчал обёрнутый в салфетку карандаш с примотанной скотчем ниткой. Чудно. Мне один год.

-Генри, спешу тебя заверить, что я очень польщён,- я как можно вежливее отодвинул от себя тарелку,- но, к сожалению, я не голоден.

-Ну и ладно. Так ты не будешь?- Генри вопросительно посмотрел на меня, указывая на сомнительной съедобности недоторт на столе. Затем, так не дождавшись ответа, он забрал тарелку к себе. Облизав со всех возможных сторон свечку-карандаш, Генри наклонился ко мне через перегородку.

-Ты, конечно, не обижайся, но я думал, что ты придешь весь такой в шрамах, с перекошенным лицом и все такое. Ты просто не представляешь, что я про тебя слышал. Кто-то вообще говорил, что тебя этим грузовиком чуть не в фарш искромсало.

Он, словно удав, раздвинул огромные челюсти и откусил от бутерброда приличную многоэтажную треть. Какое-то время ему не удавалось ничего произнести, и он потратил его на каверканье лицом. Вылезший из всех щелей сэндвича соус шлепнулся на какой-то документ на его столе. Разведя руки в стороны, Генри издал очень раздосадованный звук и принялся исправлять ситуацию. Отлично. Значит, какое-то время я был свободен от нежелательных подробностей.

Вообще Генри был хорошим человеком. Он относился к тому непробиваемо жизнерадостному типу людей, живущих под железобетонным девизом "Один раз живём". Каким-то не ведомым никому способом он, обладая всей своей неряшливостью и простотой, мог заговорить совершенно любого человека, и именно это качество крепко держало его на этом рабочем месте.

К моему столу грациозно подошла Тетя Люда, секретарша нашего начальника.

-Бэй, тебя вызывают.

Кабинет мистера Вольного был заполнен людьми. Когда я постучал и открыл дверь, все они разом посмотрели на меня. Мистер Вольный стоял у стола, опёршись на руки, столешницу покрывал слой бумаг, испещрённых чертежами и подписями. Напротив него на стуле грациозно, сложив на столе руки, сидела женщина лет сорока с собранными в пучок волосами. Но изюминкой компании был...

-Мальчик мой! Наконец ты пришёл! Все тебя так ждали с больничного!

С распростёртыми руками ко мне подпорхнул Юсиф. От него опять ярчайше несло чем-то цветочным.

-Я уверен, что ты обязательно спасёшь нас. Проходи, проходи,- продолжал щебетать мужчина с платочком.

Мистер Вольный сдержанно пожал мою руку.

-Рад видеть тебя, сынок. Но долг зовёт. Стройка вновь остановлена.

* * *

Это было как раз под моё окончание школы. Прямо посередине города на огороженном сеткой и высоким забором участке принялись строить что-то очень грандиозное. Закручиваясь в свою причудливую форму, оно быстро росло, устремляясь к небу, и вскоре обрело имя. Акассея. Нас вновь выводили под торжественную музыку и вновь строили в ровные линии. На этот раз Майя тоже принимала участие в общем мероприятии. Мы стояли по разные стороны от дороги, вытянувшись ровно по струнке, когда проходило шествие. Затем все окончательно построились по обочине, и началась самая торжественная часть. На сцену вышел небольшой мужчина в синем костюме. Он поправил свой галстук и опустил к себе микрофон.

-Гхм-Гхм. Добрый день, дорогие жители нашего города! Этот яркий, праздничный день, являющийся для всех нас днём памяти и скорби, очень скоро станет для нас ещё более значимым. Ведь сегодня, на двадцатую годовщину окончания самой страшной войны в истории человечества, мы торжественно открываем не просто новое здание, не просто уникальнейший в своем роде архитектурный памятник, но и ступень в новое будущее. Мы делаем шаг в лучшее, совершенно иное, единое общество.

Мужчина ненадолго остановился и развел руками в сторону огромной зеленой конструкции, занавешенной огромной площадью непромокаемой ткани с эмблемой восьмиконечной звезды.

-Акассея будет местом вечного мира для каждого индивидуума на этой планете. Именно здесь будут мирно решаться все возможные конфликты и проблемы.

В этот момент очередной порыв ветра кинул в сторону сцены целую охапку песка. Мужчина сразу же схватился за шляпу на своей голове. Часть ткани на здании задралась и углом принялась лупить себя по эмблеме. День двадцатилетия победы выдался далеко не ясным и солнечным. На удивление даже военные самолёты не смогли разогнать приплывшие к нам темно-серые тучи.

-Дорогие..- тут пауза по причине попавшего в рот песка,- дорогие дамы и господа!- прокричал человек сквозь расшалившиеся потоки воздуха, не забывая при этом держать свою шляпу,- представляю вашему вниманию Акассею!

На его последних словах хлынул ливень. Толпа резко зашевелилась, стараясь спрятать себя от льющейся с неба воды. Учителя громко засуетились о том, чтобы никто из нас не покинул свой пост. Я взглядом нашёл на противоположном конце толпы Майю – она стояла и смотрела на ровные линии солдат Защиты, неизменно стоявших по стойке «смирно». Вода капала с козырьков их фуражек, ручейками стекала по подбородкам, но все они как один держали спины прямо, а руки ровно по швам своих серых курток.

Заиграла торжественная музыка, и я обернулся в другую сторону. Ткани уже не было – она лежала на земле, пока группы людей в форме пытались её свернуть. Посреди улицы из землиросло и тянулось в самое, затянутое тучами, небо Аустерлица утонченное, высокое, роковое и прекрасное здание. Моя Акассея. с этого ракурса она была похожа на жемчужину, тихо хранящуюся под надёжными стенками своей ракушки. В многочисленных её окнах отражалось бескрайнее пасмурное небо. Я застыл в восхищении, наблюдая, как облака отражаются в длинных чередах её бесчисленных окон. Дождь продолжал поливать всё вокруг, включая шевелящуюся толпу и неподвижные строевые линии Защиты. А через дорогу от меня стояла моя сестра Майя.

Через три недели мы были ошарашены новостью, что она собирается стать одной из них.

* * *

Не могу поверить, что и они туда же. Мы так долго искали кого-то, кто может взяться за реставрацию, и тут на тебе! И эти строители повелись на глупые суеверия.

Об этом думал я, следуя за секретаршей своего начальника по коридору. Она и сама являлась ярким примером темы моих рассуждений: несмотря на неудобные каблук, сотрудница шла очень быстрым шагом, ровно вытянув спину и подняв вверх подбородок, словно ей было катастрофически срочно надо на очень, очень важное дело. Обычно общительная со всеми в своем окружении, Тётя Люда, как и большинство людей в строительной компании, всеми возможными способами старалась избегать контактов со мной. Несколько раз я даже видел, как она перед общением со мной украдкой потирала свои разноцветные обереги, которые всегда носила с собой.

В окнах мелькала фигура одного из мемориальных памятников, заполнивших этот город. Они были видны почти из каждого здания в городе. Нередко проходя по офису я разглядывал ее в окнах. Но чаще я посматривал на другой объект, уникальный и восхитительный, возвышающийся над городом, пусть и не доделанный ещё до конца, но уже неизменно прекрасный. Моя Акассея.

Случайно или нет, но, смотря себе под ноги, я столкнулся с менеджером отдела проектов и еле удержался на ногах.

-Смотри, куда идешь, Бэй, или статус не позволяет? Слышал, тебе теперь есть, чем заняться. Работать - это не на камеру распинаться, да?

Эдди. Этот на редкость общительный ко мне человек не скупился на слова, испускающие неприкрытую неприязнь. Отойдя от нас на полкоридора, он обернулся и добавил:

-Да, сегодняшнее недоразумение на твоей голове – один из самых раздражительных в твоей коллекции помойных горшков.

Он никогда не забывал сказать что-нибудь про мою шляпу. Может, ему приносило это какое-то удовлетворение, может, составляло обязательную тренировку его язвительной части мозга; я был почти уверен: в ежедневнике Эдди обязательно имелась отдельная колонка, в которую он отмечал все метафоры, придуманные им для моих шляп. Мы зашли в кабинет с документацией, и Тётя Люда сунула мне несколько вытасканных из папки отчётностей бумаг.

-Вот. На днях заедешь и выяснишь, что у них случилось. А сейчас отнесёшь вот это по этому адресу. Всё написано здесь.

И сверху папки прилип жёлтый стикер, исписанный низким почерком. Такие стикеры являлись неотъемлемой частью работы Тёти Люды, которая писала на них почти всё, начиная указаниями к работе и заканчивая некоторыми не особо важными отчётниками. Коснувшись в очередной раз своих оберегов, женщина повернулась на каблуках и заспешила куда-то в сторону. Я горделиво поправил свою шляпу и пошёл выполнять поручение. Первый рабочий день выдался безумно позитивным.

Глава3

-Здравствуйте, могу я вам чем-нибудь помочь?

Я оторвался от увлекательного чтения о свойствах и внутреннем устройстве нового пружинного матраца и поднял голову на худенького молодого консультанта со слегка скошенным носом и россыпью угрей на щеках.

-Да, я бы хотел купить матрац. Предупреждаю: нужен очень мягкий и... вот такой.

Я стал в вертикальную "звездочку", растопырив руки и ноги в стороны. Все мое красноречие едва ли могло передать обширность моей новой, чуть ли не королевской кровати.

Консультант почесал вышеупомянутый мной нос и сложил руки.

-У вас прекрасный вкус. Я бы посоветовал вам взять нашу новую модель - пройдемте, я покажу.

Молодой человек ловко развернулся на каблуках и двинулся куда-то в сторону высоких цен и крайне иностранных надписей. Чувствуя, как кошелек в моем кармане уже испытывает легкое несварение, я пошел за ним, попутно присматриваясь к чему-нибудь подешевле. В салоне магазина играла медленная навязчивая музыка.

-Дорогой мой мальчик! Вновь мы встретились, какое совпадение! И какая замечательная на тебе шляпка!

Неожиданно ко мне совершенно изниоткуда выпорхнул Юсиф. В его руках неизменно томился яркий платок. С утренней нашей встречи его цвет сменился с красного на желтый. Видимо, этот был как раз для походов за матрацами. Глядя на этот платочек, я вдруг четко понял, кого Юсиф мне так напоминал. Это был гном. Не какой-либо там гном, а обычный садовый керамический гном, которыми кишат склады хозяйственных магазинов и палисадники одиноких старушек. Проходя мимо этих маленьких ярко раскрашенных существ, всегда чувствуешь, как за тобой неотрывно следит цепкий внимательный взгляд. Такие гномы нередко ставятся возле дома для отпугивания воров и нежелательных посетителей. И именно с одним из них мне не посчастливилось встретиться в магазине матрацев. Консультант, немного растерявшийся от неожиданного появления еще одного слушателя, принялся рассказывать про преимущества цветастого массажного ложа, раскинувшегося всего в нескольких сантиметрах от нас и всего в метре от кассы. Правда, совсем скоро энтузиазм его потух, парируемый лавиной каверзных вопросов, обрушившейся на него со стороны Юсифа. Видимо, решив, что покупать мы ничего не будем, молодой человек грустно еще раз почесал свой нос и отправился куда-то по своим

делаю. Мы же остались вдвоем. Интересно, гномы тоже попадают под уголовную статью? Юсиф сделался вдруг пугающе серьёзным. Он принялся усердно закидывать платок в свой нагрудный карман.

-Ты же понимаешь, что теперь всё будет по-другому, ведь так?

Моё нехорошее предчувствие стало ещё сильнее. Я не нашёл ничего оригинальнее, чем начать проверять мягкость отрекламированного консультантом матраца. Юсиф смотрел будто в сторону.

-Ты уже рассказал кому-нибудь?

Я сел и принялся пружинить на мягкой поверхности. Она оказалась такой удобной, что у меня сразу возникло желание распластаться на ней прямо среди магазина. Зря я это сделал – теперь моему кошельку точно грозило срочное похудение. Видимо, расценив мою реакцию как хороший знак, Юсиф продолжил:

-Запомни: никто не должен знать ни о твоей руке, ни о твоём новом жилище, ты понял?

Я сложил руки за головой и принялся наблюдать за ползущей по белому потолку мухой.

-Мы делаем это не просто так. Это всё во имя мира, ради юбилея, которого все так ждут. В последнее время ситуация слегка обострилась, так что... Акассея должна быть построена. Ты должен сделать всё, что угодно, чтобы она была готова к грядущему двадцатипятилетию. Но нас беспокоит некоторое оживление, возникшее за недавние годы в техзоне. К сожалению, закон запрещает нам вмешиваться, так что тебе придётся выполнять кое-какие наши поручения время от времени.

-Это незаконно?- спросил я вдруг. Вопрос слегка озадачил моего собеседника: фарфоровые глазки забегали в стороны, а маленькие ручки вытащили и вновь принялись комкать платок.

-Законы принадлежат тем, кто их устанавливает и создаются для того, чтобы поддерживать порядок и мир. Мы нарушаем их с той же целью.

Ага. Незаконно, значит. Муха на потолке оторвалась от потолка, прокружилась вокруг своего места и села на лампочку.

* * *

Я остановил мопед и поставил ногу на землю.

-Приехали.

Майя сняла шлем и слезла.

-Тут всё совсем так же.

Она забежала внутрь, а я затормозил, ставя мопед на место.

Возле дороги стоял старый заброшенный магазинчик, на котором большими буквами было вывешено: "минимаркет "Придорожный"". Краска облупилась и кусками болталась на стенах.

Внутри совсем ничего не изменилось. Стеллажи, на которых уже давно сгребли все вкусное, стояли вдоль стен. Над кассой висела огромная штука, забитая всяческими сигаретами. За стеклянной витриной лежали пачки жвачки, которая быстро рассыпалась во рту на маленькие кусочки. Я подумал и взял самую обнадеживающую. Майя нашла под ножкой одного из стеллажей ключ и открыла дверь в подсобку.

-Не думаю, что они ещё там,- сказал я, перелезая через прилавок. В ответ сестра молча достала оттуда спортивный зелёный рюкзак.

Ещё когда мы тайком от родителей ездили сюда в 12-14 лет, оставили здесь два рюкзака со всякой всячиной, которой нельзя было найти в магазине.

Прохладный ветер трепал волосы - самое лучшее, что может быть в жаркую августовскую погоду. Я остановился и развел руки в стороны. Мой весёлый крик раздался

по всему пейзажу. Майя тоже не стеснялась: мимо меня с горки пронеслось смеющееся в голос существо.

"Вот что значит счастье"- подумал я,- "когда кидаешь все свои взрослые причуды и возвращаешься в детство".

Мы устроились на верхушке соседнего холма, достали еду. Перед нами раскинулась роскошная панорама заросшего зеленью города. Мы не раз облазили окраинные улочки, исследовав всё самое интересное и безопасное на вид. Вот перед нами, далеко внизу, живой когда-то, когда-то великий и знаменитый своими инновациями город. Теперь от него остались только единственно надежные, но все равно не вечные памятники архитектуры. Все густо заросло растениями: могучая природа, вознагражденная за долгие годы терпеливого ожидания, теперь радостно торжествовала.

Город был совсем пустой. Зброшенный. Нам нельзя было туда ходить, потому что после войны он был радиоактивен. Маленькими мы не знали еще, что это значит, и просто думали, что если мама не узнает, то ничего страшного не случится. Солнце садилось, окрашивая в оранжевый контуры крыш, пики и купола.

-Можно я скажу кое-что?- спросила Майя, дожевывая бутерброд,- насчет послезавтра. Я напрягся, глядя на чай, болтавшийся в крышке термоса.

-Да?

-Я, конечно, уже никогда не смогу узнать наверняка, но, когда я уйду, если разреветься - то братом мне больше не будешь.

-Я и так больше им не буду,- ответил я, наблюдая, как в круже пролетают, освещенные последними лучами солнца, оранжевые облака. Ветер стал немного холоднее.

Ты всегда знала, что я сентиментальнее тебя.

«Привет, дорогая Майя. Лёжа сегодня перед сном на новом матрасе, я долго не мог понять, где в «Войне и мире» были гномы. В голову почему-то постоянно лез один Наполеон. В конце концов про себя я решил звать Юсифа Денисовым, как низкого и полного человека по внешности. Знаешь, я продолжаю изучать особняк; вчера залез на чердак, думаю перетащить туда все ненужные вещи вроде детской кровати, телефона, компьютера и спутниковой тарелки. Вот не зря говорят, что если кухня – сердце дома, то чердак – это его душа. Столько хлама из прошлого, копаться в котором просто безумное удовольствие. Представляешь, там есть самоучитель на гитаре, рояле и пианино! А ещё энциклопедии истории культуры народов довоенного времени и... внимание.... Все три тома «Войны и мира»! Помимо кучи мешков, набитых старой и не совсем старой одеждой для разных возрастов и полов, детскими игрушками и коробками книг я нашёл искусственную елку ростом с меня и залежи гирлянд и елочных шариков. Плюнув на всё, я обложился своими находками, обвешался ёлочными игрушками и уселся под ёлку читать Толстого и ностальгировать о наших старых семейных праздниках. Просидел так, пока не проснулся от того, что сильно замёрз. Ты, наверное, сейчас закатываешь глаза, потому что я опять вдался в эти же сопли. Когда ходишь по дому и понимаешь, что у него своя жизнь, возникает такое странное чувство....

Пауза

Люблю тебя»

Шёл жуткий ливень, они очень зачастили в последнее время. Беспощадный ледяной ветер - чертово штормовое предупреждение - залезал под плащ и трепал его со всей сверхъестественной ветряной дурью. Ботинки увязали в грязи: с каждым шагом она жадно

впивалась своими кариесными зубами в ноги, и слышался громкий плотоядный чавк. Деревья качались из стороны в сторону, невидимые за серой стеной непрерывно льющейся с неба воды, со стороны слышался скрип чего-то огромного и, видимо, не такого уж несокрушимого. Вода стекала с капюшона на придерживающую его руку, на нос и подбородок.

Я подбежал к калитке и постучал в мокрую шершавую поверхность, сбитую из неровных досок.

-Эй! - вода заливалась в рот.- Открывай!

Ответа не последовало. Естественно, в такой-то шторм. Я забарабанил яростнее.

-Просыпаемся! Начальство привалило!

Я ещё раз два пнул деревяшки, когда с другой стороны послышалось ответное грязевое чавканье. Щеколда отодвинулась, обиженная калитка, скрипя, отпрянула, и я увидел низкого человека в синем полиэтиленовом плаще. По складкам ручьями тек дождь, превращаясь в водопады и озера. Из-под капюшона плаща выглядывал широкий картофелевидный нос, с которого, как из крана, капала вода. Его обладатель оглядел меня.

-Ты кто?- последовал вопрос из-под носа.

-Я проектировщик. Так и будешь меня здесь держать?- заорал я сквозь шум дождя. В отличии от меня, мой собеседник говорил, не утруждаясь, но его слова отчетливо звучали в моих ушах. Майя как-то говорила, что у меня слишком невыделяющийся голос, который очень быстро теряется, и от этого люди не всегда воспринимают несомую им информацию. Её слушали всегда, как бы громко или тихо она ни говорила.

-Ну и что, что ты проектировщик?- из-под плаща высунулась рука и стерла рукой с носа огромные капли. Честно сказать, движение это было совершенно бесполезное.- Я, может быть, парикмахер.

-Разберемся. Всех парикмахеров со стройки удалим. Пустишь меня или нет?

Мужчина-нос меня пустил. Продолжая кутаться в куртку, я последовал за ним. Насколько было видно сквозь ливень, приостановленная стройка заступорилась на самой важной части - верхнем этаже. Досадно.

Внутри, однако, Акасея оказалась лучше, чем я ожидал. Не настолько хорошо, как следовало бы, но работа по реставрации была произведена колоссальная. Главный холл простирался по полумраку, расплываясь на дальнем конце. Арки, колонны, плитка и прочая роскошь жизни резко контрастировали с обогревателем, подключенным в уголке к торчащему неизвестно откуда тройнику и с таким чудом техники, как кипятильник. Масляная лампа тихо и мирно горела себе на полу рядом с группой мужчин, греющих руки и поедающими что-то быстрого приготовления. Маленький островок обыденности, клочок картинки, вырезанный из цветной газеты и приклеенный на страницу архитектурного журнала. Я расстегнул плащ и, надеюсь, впечатляюще откинул капюшон. Начальству все-таки, надо выглядеть подобающе.

-Ну,- я ещё раз окинул широким взглядом помещение,- в чем проблемы?

Один из мужчин поставил на пол коробочку с едой, вытер руки о свою куртку и встал рядом с моим провожатым.

-Ты кто?

Да, не так я ожидал душераздирающую встречу с начальством. Хотя, чего ещё стоило ждать от тех, кто даже в живую меня толком не видел? Я вздохнул, залез в сумку и достал удостоверение:

-Алекс Бэй, ведущий проектировщик данного здания. Мне сказали, что у вас проблемы. Итак?

Мужчина вытер усы, шмыгнул носом и вновь осмотрел меня пристальным взглядом. Я чувствовал, как по спине течёт Ниагара.

-И они не нашли никого старше, чтобы решить наши проблемы?

Он усмехнулся, я нахмурился. Почему все так ярко не воспринимают меня всерьёз?! Я открыл было рот что-то сказать, но сидящий у обогревателя человек махнул мне рукой.

-Ааа какой сурьёзный маладой челавек! Иди садись суда.

Мужчина с усами протянул мне большую волосатую руку:

-Петр.

Я кивнул и пожал руку.

Вопреки всем моим опасениям, ожиданиям и сопротивлениям, меня посадили на деревянный ящик с гремящим содержимым и выдали старую железную кружку с чем-то тёплым, но подозрительным внутри. Я сел аккуратно, стараясь не порвать джинсы о торчащие гвозди. Я кое-как выжал волосы. Мужчина, позвавший меня, коротко сказал что-то на другом языке, похожим на армянский, и все разом захохотали. Смеялись явно надо мной. Да что они меня, за шута, что ли, держат? Я хотел было встать, но на плечо мне опустилась тяжелая рука.

-Не торопись, малыш. Ливень. Успеешь ещё.

-Что вы имеете ввиду? Извините, но мне надо скоро идти. Я пришёл, чтобы исправить проблему.

Кто-то снова хихикнул, а Петр ничего не сказал. Голоса запрягали по холлу, вскоре потонув в пространстве. Я встал.

-Показывайте мне, что у вас случилось.

Тишина. Все смотрели в сторону. Не в одну, а в разные. Смотрели и молчали. Меня это сильно разозлило. Слово поминки мне какие устраивают, честное слово.

-Кто-нибудь ответит меня показать, в чем проблема?

Безошибочно приняв усатого Петра за старшего, я смотрел на него. Тот кашлянул в руку, почесал усы и посмотрел куда-то мне за спину.

-Ванька, отведи начальство, куда оно просит.

Я обернулся. Из угла, что был за моей спиной, вышел мальчишка лет двенадцати в большой для него черной куртке с отсвечивающими наклейками на рукавах. Он подшлепал ко мне в своих кроссовках на высокой подошве и потянул меня за рукав.

-Пойдем.

Я помедлил, подозрительно оглядел присутствующих, затем поставил кружку на ящик и последовал за парнем.

Мальчишка вел, как не странно, вверх, к самой крыше. Мы поднимались по лестнице, а я почему-то смотрел на эти отсвечивающие полосы на рукавах его куртки. Она выглядела на удивление новой и катастрофически большой для хозяина. А вообще, откуда на стройке Акассеи мальчишка? Неужели он один из работников?

Почему-то мне стало стыдно. Так стыдно, будто я виноват в проблемах всех сирот мира. Мальчишка держал в руке большой карманный фонарь, работающий на дешевых батарейках. Я шел сзади. В конце концов я решился завести разговор:

-Тебя как зовут?

Мальчишка обернулся, посмотрел на меня и сказал:

-Ванька.

Я готов был закрыться капюшоном. Точно, блин, говорили же. Стыдно стало ещё больше.

-Расскажи мне о вашей проблеме. Что случилось?

Мальчишка посмотрел на меня своими большими, светящимися в темноте глазами.

-Нельзя достроить верх.

-Почему?

-Мы думали, нам объяснит начальство. А, начальник?

Дальше с расспросами я решил повременить. Почему-то этот дерзкий мальчишка вызывал у меня ощущение жуткой неловкости, словно я был перwokлашкой, случайно

заблудившийся среди выпускников. Он же, напротив, не выказывал ни намека на стеснение, насмешливо подковыривая меня каждой фразой и светя при обращении прямо в лицо. К несчастью у меня начала болеть голова, совершенно некстати. Мы продолжали подниматься по кирпичной крутой лестнице, пока вверху над нами не выросла деревянная загородка из строительных досок. Ванька остановился и надел на голову капюшон.

-Не соизволите ли надеть ваш плащ, гражданин начальник - на улице слегка ветрено!

Подождав меня полминуты, он передал мне фонарь и двумя руками вытолкнул перегородку наверх.

Бушующий ветер чуть не снес мой капюшон. Непогода пробралась на верхний этаж Акассеи через мотающуюся из стороны в сторону пленку, закрывающую дыру в крыше. Луч фонаря прорезал сырой и холодный сумрак, вырывая из него куски барельефов, строительные приспособления и голые куски каркаса, протекающие небо. Мальчишка направился куда-то в сторону, к несущей стене здания. Я поторопился за мигающими в темноте отражающими полосками. Ветер трепал плащ, пришлось придерживать капюшон рукой.

Проблема была.. Я не понял, в чем заключалась проблема, смотря за тем, как мальчишка берёт в руки кусок железного стержня.

-Посвятите сюда!

Не успел я опомниться, как малец замахнулся и со всего размаху вдарил стержнем по куску стены. Раздался громкий, отчетливый металлический кланг, прорезавший завывание бушующего ветра, шум ливня и истерику мечущейся пленки. От стены откололся и, раскрошившись, просыпался толстый кусок штукатурки. Под ней оказался железный лист. Дырка была огромной, видно было, что данный эксперимент проводили далеко не один раз. Но факт стал ребром: по не понятной никому причине сердцевина несущей стены была сделана из железа. Голова загудела сильнее, из-за простуды ли или проблем, а, может, из-за всего сразу.

-Что это значит?- зачем-то спросил я, не переставая лазить лучом фонарика по стене.

Мальчишка пожал плечами.

-Тебе лучше знать.

Я поежился от жуткого ветра и сырости. Что делать с железной стеной посередине реставрируемого здания? Я хотел пронизать её укрепленными стержнями. Я хотел провести через неё кабель связи. Я хотел... А к черту теперь все, что я хотел.

-Вы пробовали вскрыть её?

Чтобы получше рассмотреть, я присел перед дыркой на корточки. Прикасаться к ледяной поверхности хотелось в последнюю очередь, но я забрал у мальчишки шест и аккуратно постучал. Звук был сомнительным. Бросив опасливый взгляд на мальчишку, я рискнул и переключил зрение.

Внутри стены снизу вверх шел толстый кабель. Я поднял голову. Он тянулся к самой крыше, заканчиваясь у края обвалившейся части. И на самом его конце мигал подозрительный огонёк. Я вскочил на ноги и без объяснений направился обратно. Кабель тянулся ниже и ниже, вдоль осевой спиральной лестницы, по которой я несся, от любопытства перескакивая через две-три ступеньки. Сзади слышался шум спешащего за мной мальчишки. У самой последней ступеньки кабель уходил в пол. Я видел его продолжение подо мной своим левым глазом. Я сел на корточки и огляделся в поисках пути вниз. Ориентироваться в здании, которое сам проектируешь, без чертежей было гораздо сложнее. Скрипя кроссовками, ко мне подбежал Ванька.

-Как спуститься вниз?- спросил я.

В подвале произошла та же история: казалось, кабель шёл сквозь планету, словно леска в бусине. Я стал перед его корнем, зачем-то светя себе под ноги. Мальчишка стоял в стороне, едва ли понимая, зачем я пялюсь в голую стену. Я, конечно, был сильным

тормозом, но даже я знал, что ниже подвала в здании ничего не было. Вздохнув, я принялся расхаживать по периметру, просматривая пол своим волновым зрением. Материал плохо пропускал сигнал. С грустью я подумал о том, что придется ещё пробираться до дома. Минута седьмая поисков увенчалась успехом: в углу возле стены в полу оказалось отверстие, прикрытое сверху мелкой сеткой. Издав полурадостный возглас, я принялся отковыривать её, но вскоре понял, что это не так-то просто. Я содрал себе почти все пальцы, чтобы сделать небольшую дырку. С грустью оглядев свою работу, я вздохнул и обратился к мальчишке:

-Ну, чего стоишь - тащи лом.

Вместе с ломом в комплекте оказалась вся группа возмущенных рабочих. Привалившая в подвал толпа стала передо мной с любопытно-нерешительными лицами. Стараясь придать себе как можно более уверенный вид, я требовательно протянул руку Петру. Но тот отвел лом в сторону.

-Это что-ж, начальник, мы строили, а теперь ломать? Так определитесь, что вам надо. Нечего народ морочить.

Я не убрал протянутую руку.

-Вы вызвали меня, чтобы я устранил проблему, чем я, к слову сказать, на данный момент занимаюсь. Так не пора ли нам прекратить валять дурака и вместе приступить к работе, чтобы поскорее все это закончить?

Я требовательно оглядел толпу. Народ стоял молча, кто-то, как и предводитель, с вызовом, кто-то просто отводил взгляд или смотрел себе под ноги. Ненадолго наступила тишина.

-Просто дайте мне лом.

Полминуты Петр помедлил, играя со мной в гляделки. В конце концов он передал инструмент в мою протянутую руку. Я победоносно принял железный трофей и подошёл к проблемному месту в полу. Толпа осталась в своем положении. Чувствуя себя слегка неловко под их взглядами, я решил спросить:

-Никто точно не знает, как здесь можно пробраться вниз?

Тишина. Тогда я спросил ещё, для уверенности:

-И помочь мне тоже никто не собирается, так?

Вновь тишина. Тогда я собрал все остатки своего достоинства и, гордо замахнувшись, принялся дубасить пол ломом. Так прошло около пяти минут. Толпа за это время уже успела заскучать и слегка потеряла свою гнетущую хватку. Кто-то ушёл, вернувшись к обогревателю на первом этаже, кто-то начал беседовать, параллельно закуривая сигарету. А я с упорством осла, коим себя в тот момент и чувствовал, отбивал штукатурку и выкапывал из неё прогнувшуюся мелкую сетку. Так прошло минут пятнадцать. Чувствуя, как мокрые от крови пальцы прорывают последние прутья, я радостно освободил остатки расширенной с такими усилиями дырки. Половина работы оказалась сделана: не без риска, конечно, застряв, моё тело теоретически могло пролезть в образовавшийся проход. Я прислонился к стене, осматривая результат своей работы. Прыгай в кроличью нору, Алиса. Заметив некоторое изменение, работники начали потихоньку затихать и возвращаться вниманием ко мне. Засунув руки в карманы, Петр окинул меня взглядом и спросил:

-Ну, и что дальше?

Чувствуя себя маленькой девочкой на взрослом празднике, я злобно зыркнул на толпу. Кажется, от меня ждали коронного стихотворения вечера.

-Посветить, я надеюсь, здесь хоть кто-то сможет? Или это тоже вам не по силам?

Толпа потихоньку подобралась ближе, с любопытством заглядывая мне за спину. Внизу было темно. Луч фонарика проскользил во мраке, не поймав там совершенно ничего. Надо было спускаться, только вот лезть в непонятную темную дыру, да ещё без гарантии, что меня заботливо не оставят пускать под землей корни, хотелось не очень. Мало того - это было глупо и безрассудно. Надо было предпринять что-то, что бы завоевало их доверие.

Или уважение, как минимум. Я встал с корточек и обвел толпу уверенным гордым взглядом.

-Под этим зданием что-то есть, и, поскольку никто из вас не проявил смелости сделать это, я собираюсь спуститься и проверить. Кто со мной?

По группе прошла волна смешков. Рабочие начали с любопытством оглядываться, стараясь найти дурачка, спешащего мне на помощь. Я же понял, что все это совершенно бесполезная трата времени, поэтому без предупреждения просто развернулся, присел и пролез в нору, почувствовав, как штукатурка оцарапала мой многострадальный плащ. Твердый пол неожиданно быстро врезался в ноги и коленки, а сверху на голову посыпался дождь из земли и штукатурки. Цепляясь конечностями за какие-то веревки, я подполз к отлетевшему в сторону фонарику и осветил помещение. Гудящая голова не переставала раздражать и путать мысли.

Оно оказалось на удивление небольшим, скорее напоминало кладовку для всякого чистящего барахла, только барахлом этим там даже не пахло. Пахло земляной сыростью и проводкой. Нервно ругнувшись про себя на непутевого электрика, из-за которого пришлось поднять такой шум, я неуклюже развернулся в небольшом пространстве между вереницей проводов. Пора было позорно и ни с чем вылезать из этой дыры. Мой левый локоть больно нашел железный щиток. Остановившись на минуту и потирая ушибленное место, я решил в последний раз осмотреть это место. Красная ручка стоп-крана электрички опустилась вниз.

Провод, пронизывающий здание, действительно вел к электрощитку. Но вот только содержимое этого щитка вряд ли было предназначено для распределения электричества по зданию международного мира и согласия. Окруженный намагниченными лентами, запоминающими микросхемами и проводами, внутри непрерывно мигал небольшой экран. Я тут же принялся открывать тугую железную дверцу.

Вождя вьетнамской революции, первого Президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина вьетнамцы считают «отцом нации», основателем независимого государства. От лидеров национально-освободительного движения Азии и Африки Хо Ши Мин отличался большой скромностью. Он никогда не интересовался материальными ценностями, одевался очень просто, собственности не имел, семьи тоже. Весь его гараж, уже как официального лица, состоял из двух машин — советской «Победы» и французского «Пежо». Его волновали идеи построения нового демократического и свободного Вьетнама. Поэтому для достижения поставленной цели он жертвовал всем. Именно этим он и завоевал доверие своего народа - своей непосредственной к нему близостью.

Первый русский император собственноручно участвовал в постройке первого русского флота, проживая в одних условиях со своими работниками.

Секрет успеха состоит в сближении, - думал я, попутно стараясь как можно лучше закрыть разбитую мной дыру в полу искалеченной сеткой. Надо было каким-то образом убедить всю эту толпу поверить мне, пока я не разберусь со всей этой чертовщиной. Оценив свою неуклюжую работу, Я разогнулся и требовательным голосом произнёс:

-Об этой дыре никому ни слова, ясно?

Главное - сближение. Да.

Толпа заволновалась. Вероятно, им показалось довольно подозрительно, что я так неожиданно переменял своё поведение. Возросшее недоумение ещё больше разгорело томящееся внутри любопытство.

-Что же там такое, начальник? - спросил черненький работник с густой щетиной, - уж нам-то можешь сказать.

Этот вопрос я ждал. Только вот ответа на него так и не придумал, черт возьми. Открыв

было рот для ответа, я вновь закрыл его, вздохнул и потер руки.

-Ребят, я хочу рассчитывать на ваше доверие, пока сам во всем не разберусь. Мне нужно лишь немного времени, чтобы вы просто ничего никому не говорили, ясно?

-А с чего бы нам доверять какому-то мальчишке? А вдруг тебя на какой другой стройке чем тяжелым придавит, а мы и знать - не узнаем? Что мне, сидеть как собака сторожить дыру в полу? - сказал Петр.

-А что там?

-Рассчитываешь на доверие? Сначала докажи!

-А вдруг там бомба?

Возмущения посыпались со всех сторон. Осмелевшие под примером своего предводителя строители входили во вкус. Срочно требовалось как-то завоевать их доверие. Сблизиться и не упасть в их глазах, причём незамедлительно. И поэтому я уверенно начал снимать куртку.

Уверенный взгляд, крепкая хватка, сосредоточенное лицо, но главное - показать, насколько тяжело далась эта победа. Напрягшись до покраснения лица, я принялся покряхтывать и слегка поддаваться. Толпа вокруг довольно загалдела.

ДавайдавайдавайдавайВоооооу!

Левая рука Петра шлепнулась о стол тыльной стороной ладони. Хозяин освободил её и недоуменно потер конечность, словно неожиданно обнаружив, что она у него есть. Я победоносно выпрямил спину и протянул руку за своей курткой. Мальчишка оказался собранным не из того конструктора.

-Так договорились? - я выжидающе посмотрел на Петра как на главного в этом детском саду. Тот уважительно кивнул.

-Но у тебя есть три месяца на разборку с этой штукой. Если результата не будет - я буду вынужден рассказать об этом настоящему начальству.

Настоящему, значит. Что-ж, ну и на том спасибо. Мы пожали друг другу руки, и я уже отложил эту проблему в большой проблемный мешок, мысленно уже давно заваривая чай с бергамотом на своей новой уютной кухне.

Глава4

"Привет, дорогая Майя.

Сегодня седьмое мая, твой День Рождения. Не знаю, зачем, но я, черт возьми, праздную. С девятнадцатилетием, сестренка.

Прошло полмесяца, как я переехал сюда. Знаешь, груша второй раз зацвела! Шикарное зрелище, ты бы видела. В моём доме два этажа, но иногда он кажется таким огромным. Совсем недавно я сел за стол в зале. Ешь, и как будто какой-то король без свиты. Стол сам по себе такой огромный. И зал, будто дворцовый.

Я здесь совсем один.

И всё это огромное пустое пространство наедине со мной. Этот дом, комнаты, мебель - они здесь все старше меня. Я словно маленький ребенок, оставленный среди толпы старых.

В новом месте я чужой. Местные смотрят на меня с недоверием, как на шпиона. Недавно зашел в магазин, так у меня было такое ощущение, что меня на кусочки разорвут. Еле хлеб вырвал из рук продавщицы. От денег она вообще шарахнулась, будто я там бомбу заложил. Всю еду приходится покупать в городе - каждый день еду, как в голодный край. Я ведь в кулинарии максимум могу бож-пакет заварить, и то получается, как клейстер (что я уже делаю не так?). Помнишь тот передатчик, который я нашёл на Акассее? Я рассказывал про него в прошлой записи. Я всё упорно пытаюсь разобраться, что же он шифрует. Я назвал его Ленни. Почему-то во мне присутствует твёрдая уверенность, что Ленни нужно как можно дольше сохранить в тайне. От меня требуют отчётов и

результатов, но я лишь отвечаю запутанными фразами и тяну время, пока в моих ответах пытаются разобраться. Знаешь, мне кажется, что код, который он пишет, значит что-то очень важное. Я когда-нибудь расшифрую его. Обязательно.

Совсем скоро что-то произойдёт.

С Днем Рождения, сестренка."

Чай уже не помогал. Я отошёл назад и оглядел получившееся. Что-то здесь явно было не так. Оно как-то навязчиво царапало глаз. Я провел рукой по волосам, потер глаза и схватился за чашку кофе. Точнее, уже без кофе. Я опять поставил ее на место и ещё раз взглянул на чертежи. Определённо, здесь нужен взгляд посвежее. Оглядев кабинет, я твёрдо решил: ещё кофе. Две чашки. Я взял несколько листов, навесил на палец кружку и направился к чайнику, на ходу просматривая чертежи раз, наверно, в пятидесятый. Офис был пуст и тих, вокруг царил темнота: было уже, кажется, за полночь. Я щелкнул выключателем, поставил кружку на стол и полез в пакетики с фальшивым кофе. Лучше бы обувь так клеили. Рука соскользнула с упаковки, кружка и листы полетели вниз. Я начал ловить чертежи, но звука разбитой кружки не последовало.

Она зависла в нескольких сантиметрах от пола: чья-то широкая, жилистая ладонь обхватила её дно. Я поднял последние упавшие листы с пола и прошел взглядом выше по руке, рукаву пиджака прямо к воротнику рубашки, широкой шее и резкому слегка угловатому лицу с длинным шрамом, пересекающим подбородок и край носа. Невольно я почувствовал, как напряг пресс.

-Любим свою работу, Бэй?

Я выпрямился, на весу складывая бумаги в ровную стопку. Лишь бы не выдать себя. Я положил всё на стол и забрал кружку.

-Видимо, я не один такой.

Мистер Вольный тихо усмехнулся.

-Подловил.

Он пододвинул к себе ещё одну кружку и, открыв банку с кофе, стал ложками насыпать внутрь.

-Давно хотел с тобой поговорить, Бэй.

Просто не подавать виду, вдруг он просто хочет обсудить со мной, какие лучше покупать пончики. Я не нашёл лучшего ответа, чем откашляться. Мы стояли какое-то время молча. Я, долго промучившись с пакетиком, высыпал содержимое себе в кружку. Чайник закипел и выключился. Мистер Вольный опередил меня и налил кипятка нам обоим. Я благодарно кивнул, взял пластмассовую ложку, размешал и поднял кружку.

-Пройдем в мой кабинет,- сказал он и кивнул в ту сторону.

Я не нашёл способа отказаться и покорно поплелся следом. Что же мне делать? Блин, блин. Всё, надо искать пути отступления.

Кабинет начальника за всё это время так и не изменился. Рядом со столом находился яркий и такой мягкий на вид бордовый диван. Один его вид пробудил во мне такое мощное безразличие и тоску, такое сильное желание просто бросить всё, лечь и отрубиться к чертям собачьим. Усилием воли я присосался к кружке с кофе. Мерзкий вкус сахара с красителем вызывал жажду и неприятный привкус в горле. Мистер Вольный сел за стол в своё кожаное кресло на колесиках - то слабо скрипнуло.

-Присаживайся,- он махнул на стул перед ним. Я сел, почти не отрываясь от дела. Стул этот тоже был кожаный и на колесиках, я откинулся на спинку, которая доставала мне до лопаток. Низко. Голова откинулась назад, и я вздохнул и поднял её обратно. Уставшая шея отказывалась держать мою черепушку. Я опять взялся за кофе.

-Давно мы с тобой не общались, Бэй.

Да, давно. Я кивнул.

-Ты довольно изменился с того случая. Такое пережить.. . Удивительно, что ты остался цел. Я могу?

Он указал на мои чертежи. Я кивнул и протянул их через стол. Мистер Вольный взял их и задумчиво начал перелистывать. Затем взял свою большую кружку и отхлебнул глоток. Я смотрел на диван.

-Да,- наконец сказал он,- во всем виноваты железяки. Я всегда говорил, что нужно избавиться от всей этой чертовой техники. Вон,- кивнул на свой кофе на столе,- даже воду подогреть нормально не могут. Эта чертова война... Двадцать лет, а они уже забыли. Всего двадцать... Во.

Он показал на свой шрам. Затем покачал головой.

-Нет, железкам доверять нельзя.

И он вернулся к чертежам. Я задумался, о них же. Тупик. Я опять занялся своим кофе.

"-Главное – мистер Альберт Вольный, твой начальник. Мы оба знаем, как он ненавидит всю технику. Это понятно - на войне умерла вся его семья, вот он и сошёл с ума. Просто держись от него подальше, ясно?

-Но...

-Никаких но. Держись вообще ото всех подальше"

Старый начальник почесал щетинистую щеку и отложил листы

-Я ведь говорил, что ты похож на моего сына.

Вот оно. Тот разговор, которого нужно было избежать под страхом смерти. Чёрт. Может, встать и убежать? Ага, конечно, готов поспорить, что так он точно ничего не заподозрит. Заорать на него? Кинуть кружкой? Взгляд мой упал за спину мужчине, на окно, где в сумраке из-за военного мемориала выглядывал призрачный силуэт Акассеи. А может, там не та точка опоры, и железной стеной укрепили каркас? Да ну, нет: я сто раз пересчитал и перепроверял. Нет, здесь точно нет ошибок. Все крылось именно в найденном передатчике.

-.....?

Молчание. Он ждал ответа. Надо что-то сказать. Я разлепил, как оказалось, закрытые глаза.

-А, да?

Он внимательно посмотрел на меня.

-Нет, так не пойдёт.

Как не пойдёт? Он встал. Ешки-матрешки.

-Собирайся.

Собираться? Зачем? Он взял свою куртку в руки.

-Стойте! Ой, извините, я.... Думаю, мне как раз пора..

Господи, что я несу? Я вскочил с места и вдруг почувствовал что-то горячее. Кофе! Он пролился мне прямо на штаны. Идиот. Я вскрикнул и отскочил, налетев на стул, запутавшись в ногах. Какая-то мгновенная мысль, мешанина цветов - и я лежу на полу, голова гудит, а правый локоть стреляет резкой болью. Чёрт. Надо мной нависла фигура начальника.

-Бэй? Ты в порядке?

-Я? Эмм.

-Все, собирайся. Я отвезу тебя домой.

О НЕТ

-НЕТ!

Я аккуратно приподнялся на руках.

-Не надо, спасибо. Правда, я доберусь сам. Мне срочно надо...

Кофе жег просто дико. Я поднялся на ноги с максимальной неуклюжестью и возможной скоростью.

-Я сам. Извините.

И я, сам не зная зачем, поклонился, поднял с пола кружку, затем, под отрицания и даже поддержку рукой начальника, ещё раз извинился и вышел.

В туалете я умылся и стал, опершись о раковину и смотря в зеркало. Идиот. Вода ручьями стекала с лица, капала с носа и подбородка.

"-Давай же, улыбнись! Ну же! У тебя шикарная жизнь, мой дорогой. Природа наделила тебя таким личиком, у тебя есть своё дело - чистое престижное место, тебя все знают! Да надень на тебя платье, и я сейчас жену свою брошу! А она знаешь ли, последнее время в постели не очень...

-Какого черта вы несете?

-Я не несу, мой дорогой. Ты теперь официальное лицо этого проекта. А теперь иди и узнай у него то, что нужно.

Это заявление меня слегка напугало. Что он имел ввиду? Дверь открыли, и я вошёл внутрь.

Комната была совсем маленькой. Стены были до середины зелёного или серого цвета, выше до потолка поднималась побелка. Напротив двери было зарешеченное снаружи окошко, посередине комнаты стоял стол. Я подошёл, отодвинул один стул и сел. Было скучно, поэтому я уставился в окно. Погода в тот день выдалась пасмурная, солнце лишь слегка проникало сквозь тучи. Ледяной ветер дул с бешеной скоростью. В комнате было прохладно, я поежился и поправил кофту.

Дверь опять открылась, и внутрь вошёл человек в белой одежде, напоминающей пижаму. Его тельце сгорбилось, руки дрожали. На большой голове лежала копна жиденьких волос. Его маленькие черные глаза выглядывали из-под густых бровей. Казалось, они были даже гуще, чем волосы. Я встал и кивнул. Мужчина усмехнулся и медленно сел напротив меня. Я решил начать.

-Здравствуйте, мистер Фольк. Меня зовут Алекс Бэй, и я достраиваю вашу последнюю работу, Акассею.

Мистер Фольк не отрывал от моего лица взгляд. Он медленно открыл рот.

-Жемчужину... Смерти?

-Мира,- поправил я.

Его руки были под столом. Мужчина начал странно кривиться, его лицо как будто принимало тщетные попытки изменить свою форму. В какой-то момент мне показалось, что он хочет чихнуть. Я заволновался.

-Мистер Фольк? С вами все в порядке?

Его руки зашевелились. Он как будто ломал пальцы под столом. Наконец из его горла вылетел странный звук, и я наконец понял, что все это время он смеялся. Я медленно выдохнул.

-Послушайте, я пришёл сюда за вашей помощью. У нас на стройке очень сильные неполадки. Нам не может помочь ни один из профессиональных архитекторов. Только вы знаете, что здесь нужно делать. У меня с собой есть чертежи. Вот...

Я полез в сумку, но мистер Фольк неожиданно резко вскочил и схватил мою руку. Он поднял ее на уровень своего лица. Я замер, оставив левую руку в сумке.

-Как, говоришь, тебя зовут?

-Алекс. Алекс Б-б-бэй.

-Красивое имя. Жаль.

-Жаль что?

Он наклонился ко мне чуть ближе. Он чуть не залез на этот столик. Я почувствовал на лице его дыхание.

-Акассея. Проклята. Её нельзя достроить.

-Я пришёл, чтобы просить помощи. Только создатель знает, откуда в здании, которое он создал, есть целая железная стена и что за ней прячется.

Я перешёл на шепот, яростно тараторя в его лицо информацию, которую боялся, что услышат ждущие за дверью люди. Наверняка под столом стоял жучок, в этом я был почти уверен.

Мистер Фольк издал ещё один почтисмешок. Он приложил мою ладонь к своей небритой щеке. Я попытался одернуть руку, но мужчина держал крепко.

-Что вы делаете?

Довольно сложно оставаться спокойным, когда прямо в нескольких сантиметрах твоего лица находятся два бешеных глаза. Я подумал ему врезать. Моя рука с легкостью даже без моего желания проделает дыру в его черепе. И всё же я попытался.

-Мистер Фольк, я прошу вас, сядьте. Если вы этого не сделаете, я буду вынужден уйти, и вас отправят обратно.

Этот аргумент подействовал: он сел, так и не отпустив мою руку. Я опять попытался освободиться, но тщетно.

-У тебя очень милое личико,- сказал мистер Фольк, пока я доставал бумаги. Я почувствовал, как он провёл большим пальцем руки по тыльной стороне моей ладони. Жуть какая. По спине пробежали мурашки. Все: ещё чуть-чуть, и я ему врежу. Я выложил чертежи на стол. Мистер Фольк дернулся, как от ожога.

-А ну-ка покажи ручку...

Он так же молниеносно схватил и зажал в тиски и второе мое запястье.

-Глаза. Разные,- тихо произнёс он. Я резко вырвал опасную руку из цепких лап мужчины. Тот хихикнул.

-Не бойся, мальчик,- он опять пододвинулся ко мне,- запомни: невозможно поставить памятник миру, когда ещё не закончилась война.

И он рванул ко мне, щелкнув зубами перед самым моим лицом. Я резко отпрянул назад - стул громко и противно заскрежетал ножками по каменному полу. Мистер Фольк захохотал. Он поднял высоко голову и разразился громким смехом."

Я провёл руками по лицу. В дверь постучали.

-Бэй? Ты скоро?

Нет. Совсем не скоро. Может, сказать ему, чтобы он отвёз меня к родителям? Моя сумка лежала у ног. Я пропустил пальцы через волосы, поднял её, надел на плечо. Затем встал на унитаз и, щелкнув задвижкой, открыл небольшое окошко наверху. Странно, но именно в туалете на окнах не было решеток. Стук возобновился. Я обернулся на дверь. Простите. Мне действительно нравился этот человек. Я встал на бачок, поднялся на носочки, затем подтянулся, поскользился ногами по стене и перевалился наружу.

Стоило только забыть о Юсифе, как мне пришлось моё первое дополнительное задание. Мне уже заранее не нравилась вся эта тайная возня. Вообще количество секретов в моей жизни до неприличия возросло за последнее время, это сильно действовало на нервы.

Раз, два, три, четыре, пять. Пять шагов. Я вытащил блокнот и отметил 5 метров. Столб. Небольшое ограждение высотой в полметра, от которого начиналась свалка. Я снял одну лямку рюкзака, засунул внутрь блокнот, достал фотоаппарат и повесил его на шею. Надел мешок обратно и взобрался на ограждение.

Вот она. Свалка. Место проигравших. Я оглядел огромное кладбище уже почти заржавевшего железа: свалка уходила в горизонт. Огромная пустыня стали. Армия, когда-то способная разгромить сильнейшие государства и захватить весь мир. Армия, в возможностях сильнее Наполеона. Армия, не знающая усталости. Без слабостей и чувств.

Здесь я был в их власти. Как бы ни развалились эти бесполезные теперь груды металла, как бы повержены они ни были, эта территория все равно принадлежала именно им. Я не глядя нащупал висящий на шнурке фотоаппарат и сфотографировал. Поднявшийся ветер сильно трепал волосы и одежду. Я запахнул получше куртку и двинулся вперёд.

Наверное, это лишь глупые предрассудки, но, спустившись с насыпи шурупов, гаек и осколков, я почувствовал чей-то взгляд. Не ярко, так, слегка навязчивое чувство, как легкий зуд между лопаток или на затылке. Я оглядел горы и сфотографировал еще раз. Из растущих рядом "стен" торчали "шипы" - куски обшивки, металлические руки, обломки механизмов - всё, что только может быть частью роботов. Я прошелся вдоль неё, высоко поднимая ноги и перешагивая через неровную поверхность. Неожиданно краем глаза я заметил движение. Остановился и резко огляделся. Никого. Медленно я повернулся обратно в нужную мне сторону и сделал шаг. Хруст.

Они всегда действовали незаметно. Движение некоторых можно было увидеть лишь краем глаза. Я встряхнулся. Не время для глупых предрассудков.

Заметно потемневшее небо начало ворчать: вдали послышался гром. Я посмотрел наверх и продолжил восхождение выше, пока ещё не полило. На середине оврага мне пришлось задействовать ещё и руки, хватаясь за всё, что выступало и отталкиваясь ногами.

На вершине было видно гораздо дальше. Я сделал ещё пару фотографий, когда заходящее солнце засветило мне в глаза. Оно светило прямо на меня, оттуда, где свалка соединялась с небом, самые последние и яркие лучи окрашивали железо в рыжий цвет. Вокруг него огромным черным зимним одеялом клубились тучи. Красиво, черт возьми.

Надо же, а я и не заметил, как наступил вечер. Сверху на меня упала первая капля, шлепнувшись о щеку. Недалеко раздался ещё один шлепок, сопровождаемый легким звоном. Третий оказался тяжелым, коротким, как по старому алюминиевому дуршлагоу. Звуки учащались, и вскоре слились в один большой непрерывный шум. Я сделал шаг, и неожиданно картинка переменяла ракурс: нога провалилась сквозь проржавевший кусок железа, предательски казавшегося надежным. Чёрт. Я попробовал найти ей точку опоры, но, как только она шевельнулась, я провалился настолько глубоко, что буквально сидел на ржавой холодной поверхности мокрого железа, отклячив левую ногу в сторону. Дождь уже лил как из ведра. Поспешно я снял рюкзак с плеч и запихал камеру внутрь.

Для этого нужно вспомнить, что делать, если провалился на льду. Здесь не лед, а железо, но всё та же фигня.

Так, сначала надо успокоиться. Это сделано. Затем медленно перенести свой вес на поверхность льда и распластаться на как можно большей площади. Подтянуться. Оглядевшись и стряхнув с лица воду, я заметил недалеко подходящую корягу и вытянулся в её сторону. Ну же, ещё чуть-чуть.

Что-то неожиданно схватило и потянуло меня за шиворот. Мои руки крепко ухватились за железную корягу, я напрягся и подтянулся к ней. Ну же, ещё немного... Нога почувствовала опору и резко оттолкнулась - я проскользил на смазке, пройдясь животом по своей когда-то спасительной железке и скатился вниз, сильно приложившись обо что-то головой. Послышался громкий железный удар.

Не знаю, сколько времени прошло. Несколько капель упало мне на лицо и затекли в глаз. Я лежал в яме, уже слегка заполненной водой. Голова звенела. Надо мной навесом развернулись железные листы. Я протер глаза и поднялся на ноги. Вода захлюпала, залившись в кроссовки. Ливень громко барабанил по навесу, но левое ухо уловило какой-то звук. Подумав, что вода залилась внутрь, я слегка занервничал. Встряхнув головой, я

прошёл к "стене". Она оказалась цельной, покрытой огромным слоем пыли. Я натянул рукав мокрой куртки и протер кусок перед собой. Ахнул.

-Чтоб тебя..

Это был экран. Огромный, высотой в полтора моих роста, и шириной в два. Сверху вниз по нему шли строчки кода: они то появлялись, то исчезали, меняясь с огромной скоростью.

Вода с неба не прекращалась до наступления темноты. Молнии сверкали в проёме между навалами мусора, освещая куски металла и торчащие из них провода, куски обшивки аккумуляторов, куски стеклянных и пластмассовых экранов отбрасывали ослепительные блики. Со всех сторон текли стремительные потоки жидкости с тёмными разводами смазки, бензина и кислоты. Какое-то время я просидел на небольшом сухом островке, прислонившись затылком к холодной поверхности огромного экрана и обняв рюкзак. Я попал в ловушку.

Становилось совсем темно. На кусках обшивки уже видны были желтые блики от мерцающих на экране символов.

В детстве во время грозы маленький ребёнок прячется в безопасное одеяло, защищающее от всех существующих ужасов. За окном в истерике ревёт пробудившийся ото сна демон, в недовольстве метая молнии и стуча своими шупальцами в окна, но даже он не способен пробиться сквозь мягкую паралоновую броню. В детстве я с фонариком залезал к Майе в кровать, и мы обнявшись засыпали под звуки дождя.

И вдруг я, совершенно неожиданно даже для самого себя, заплакал. Позорные, позорные слёзы потекли по моим мокрым от дождя щёкам. Я принялся истерично размазывать их по лицу, стараясь избавиться от них и охватившего меня чувства стыда. Тоже мне, Андрей Болконский. Мысль об этом ударила меня, словно отрезвляющая пощёчина. Встряхнувшись, я встал и решительно принялся выбираться.

Философы, безусловно, выделяются среди других людей. Они, как правило, погружены в непрерывный процесс анализа окружающей обстановки и самокопания. Рано или поздно - это обязательно происходит - в них рождается и понемногу разгорается некое осознание - истинное или ложное - некоего превосходства над другими людьми. Оно появляется совершенно самовольно, поражая, как болезнь, даже самые бескорыстные натуры. Ощущение способности ставить всему оценку опьяняет, слегка затуманивая разум. А потом наступает очередь депрессии. Она начинается тогда, когда философ приходит к главной великой истине - всё вокруг бессмысленно. Главный тезис всей философии в конце концов всегда заключается в бесполезности существования.

Есть люди, про которых смело можно сказать, что они находятся на самой беспросветной глубине навозной кучи. Но они живут, смело и упёрто запикивают всё куда подальше и прут вперёд, словно бросая вызов этому миру. Эти люди чужды философии, они имеют от неё крепкий иммунитет.

В моём классе была девчонка. Её звали Кэсси Клер, у неё были рыжие волосы, множество маленьких коричневых веснушек на щеках и просто море активисткой энергии. Кэсси боролась за права тех, кого свезли в техзону: она печатала и раздавала листовки, клеила повсюду мотивирующие плакаты и совершала регулярные поездки в их самые бедные районы. Однажды она пришла в школу с разрисованной в компьютерных схемах, механизмах и шестерёнках рукой. Увидев это смелое безобразие, учителя тут же вызвали родителей на воспитательную беседу, после которой Кэсси не могла прийти в школу следующую неделю. Рисунок, на счастье окружающих, оказался выполненным хной, и каждый день девушке приходилось сидеть и тереть мочалкой измученную руку. Но даже после этого Клер ходила по школе с высоко поднятым подбородком. Естественно, здесь не обошлось без угнетения. Из-за своих специфических взглядов и увлечений Кэсси пользовалась печальной популярностью у школьных задир. Девушка против воли

примерила на себя роли тайной жены киборга, приёмной дочери кофемашины, облучённой крысы и несколько других не менее оскорбительных прозвищ.

Честно говоря, Кэсси мне нравилась. Я чувствовал её огромную силу духа, она привлекала меня и одновременно пугала, не давая сил собраться и подойти. Но однажды мне выпал удачный шанс: я опоздал на урок, и все места в классе оказались заняты, но Клер, как обычно, сидела совсем одна. Она даже не посмотрела на меня, когда я аккуратно приземлился на соседний стул и принялся раскладывать свои учебники. Сидела дальше и молча писала что-то карандашом в клетчатой тетрадке. Часть урока прошла в молчании, я собирался мыслями и бросал на неё любопытно-неуверенные взгляды. Наконец учитель биологии отвернулась к доске, и кто-то со стороны кинул в нас несколько бумажек. Это привело меня в чувства.

- Кэсси, я...

- Не надо.

Её резкий отказ сбил меня с толку.

- Что?

Она не переставала что-то писать.

- Не надо меня жалеть. Жалость обозначает ощущение превосходства над человеком, которого жалеешь. Я не нуждаюсь в твоей жалости.

Мне вдруг стало жутко стыдно. Почувствовав, как лицо стремительно краснеет, я неожиданно выпалил:

- Вот ещё, жалеть? Тебя? Жену киборга? Больно надо!

И я усердно принялся что-то строчить, делая вид, что полностью погрузился в ротовой аппарат жуков.

Некоторые моменты нашей жизни даже спустя время признаются нами неизмеримо страшными. В жизни каждого есть такая ситуация, воспоминания о которой заставляют произвольно бежать по спине целые полчища мурашек. Когда-нибудь я забуду то, как в сильную грозу карабкался вверх по скользким кускам металла, цепляясь за то, что когда-то могло думать или двигаться, выплевывая попадающие в рот ручейки чего-то гадкого и ощущая, как вся носоглотка наполняется парами бензина. В темноте мелькали редкие отблески капель, мокрая и рваная одежда прилипала к телу, а в увязающих в мягкой жиже кроссовках громко хлюпало. Я ускорялся с каждым шагом в неимоверном желании просто взять и телепортироваться. Я закрывал глаза, и каждый раз передо мной вставала картинка нашей уютной прихожей с цветочной вазочкой под зонтики. От ощущения, как сейчас это все далеко, хотелось выть. А на стенах и железных обшивках хлопали от ветра благотворительные плакаты. Плутая среди завалов мусора, я забрел в старый парк аттракционов.

Это когда-то шумное место притягивало к себе сотни людей. Уставшие от скучной жизни, переполненной проблемами и обязанностями, взрослые приходили сюда в поисках утерянного когда-то кусочка детства, а дети - во имя сладкой ваты, мороженого, воздушных шариков и целого моря поводов растратить свою энергию. Когда-то эти черные страшные развалины горели тысячами разноцветных огней. Между аттракционов с билетиками ходили клоуны и объявляли загулявшимися, что, увы, через несколько минут рабочий день парка заканчивается, и страна радости сложит свои счастьеметры до следующего дня.

Или до следующего века, кто теперь скажет наверняка. Теперь самый продвинутый автоматизированный парк аттракционов, превосходящий по технологиям даже лучшие японские центры развлечений, безмолвно стоял, превратившись в часть одной из самых огромных свалок планеты.

-Смотрите-ка, ребята, вот это кадр!- раздался бас со стороны, казалось, комнаты смеха. Из темноты отделилось несколько фигур. Меня окружили, отрезав все возможные пути отступления.

-Погоди-погоди! – мне в лицо ударил яркий луч света заставивший меня поморщиться,- А разве это не тот мальчишка, что был в той газете? Ну, этот, архитектор?

-Ну-ка...- справа зажёгся ещё один свет. Мне не оставалось ничего как позорно жмуриться и пятиться назад.

-Он самый! Это же мальчишка администрации,- сказал первый голос.

-А что это мы здесь делаем?

Я продолжил пятиться, но нечаянно наступил на кого-то сзади.

-Послушайте, парни, я....давайте уладим это мирно. Я уже ухожу, хорошо?

Бас перебил меня, устрашающе приближаясь вместе со своей тёмной фигурой .

-Ясное дело - деловая личность. Вадик?

Из-за моей спины раздался тонкий голос:

-Да?

-Ты когда-нибудь бил шпиона?

-Оо, сотни раз.

-А шпиона-архитектора?

Твёрдая холодная земля исчезла из-под ног и появилась, выбив из лёгких воздух. Как, однако, сложен мир. Я кое-как стянул со спины и обхватил рюкзак, стараясь защитить его от месящих мою тушку со всех сторон ног. Я чувствовал, как внутренности превращаются в ливерную отбивную, а рот наполняется кровью и думал, думал, что бы сделала Кэсси Клер, окажись она здесь. Меня били – за что? Вероятно, за то, что я работал на тех, кто лишил их прав. Но в то же время я был и тем, кого лишили их вместе с ними.

Бывает, истина познается через физическую боль. Достаточно просто выйти из зоны своего комфорта, чтобы все наконец стало предельно просто и ясно. Единственно правильная оценка ситуации исходит лишь от человека, не обремененного рамками собственного самолюбия.

Знаменитые монахи Шаолинь посвящают себя воспитанию не только "внутреннему", но и "внешнему", проводя огромное количество времени за изнуряющими физическими тренировками ради достижения чистого разума. Я лежал в луже грязи, чувствуя, как печень превращается в кашу, а в почки вонзают свои маленькие острые зубки тысячи пираний и осознавал, что я это заслужил. Всё, чего я был достоин - вот эти десятки пинков, обрушивающихся на меня, словно камни на дно ущелья.

Салтыков-Щедрин говорил: «Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего». Ричард Эберхард сказал: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство». Я виноват не в том, что бродил по свалке ночью. Я виноват в том, что знал, что что-то происходит, но ничего *не собирался* предпринимать. Надеялся остаться в стороне. Верил в то, что меня это не касается. Чёрт возьми, да я самый мерзкий преступник на этой свалке; сколько таких ходит по земле?

Грязь скрипела на зубах, смешиваясь с металлическим вкусом крови. Парк не был мёртв; парк пробуждался ото сна миллионами ярких электрических огней, и пинки, и боль, и детский смех, перебивающий весёлую карусельную музыку.

«Шпион-архитектор?»

«Папа, я хочу кушать!»

«Какого цвета шарик хочешь?»

«Нельзя построить символ мира, когда мира нет»
«Синий или красный?»
«Мой фирменный бутер – лучший, что ты когда-либо ел в жизни»
«Или, может быть, зелёный?»
«Мама? Папа! Где вы?»
«Мама? Я хочу домой!»
«Я ПОТЕРЯЛСЯ!»

Глава 5

Даже худшие моменты жизни свойственны заканчиваться. Я не помнил, как добрался домой, я даже не помнил, было ли это в ту же ночь. Сразу после этого меня свалила сильнейшая лихорадка – несколько дней я лежал в диком бреду, мне мерещилась всякая дрянь. Маленький мальчик с щенком по имени Арчибальд водил меня между завалами железного мусора, где за аккуратно сервированными столиками сидели люди в дорогих платьях и костюмах, пили вино, смеялись и ели, ели, ели, а вокруг во фраках и с подносами ходили люди с железными частями тела и чёрными глазами-объективами, и тощие клоуны в обвисающих костюмах с заплатками раздавали бесплатно шарики, сшитые из кусков старой одежды и почему-то летающими в воздухе. Меня усадили за столик, за которым сидели Юсиф, Мистер Вольный, Тётя Люда и почему-то Генри. Киборги-официанты поставили перед каждым из нас на тарелках супер-гамбургеры со свечкой, воткнутой в каждый из них. И огромный экран, появившийся тут же, вдруг зашипел и выключился. Я посмотрел на него и увидел в отражении себя, сидящем в обществе железных скелетов. И, словно рентгеном, сквозь мою кожу на руке, левой части тела и лица – просвечивало, являя наружу металлический корпус механизмов и схем.

-Смотрите на него!- крикнул кто-то из толпы. Сотни объективов уставились на меня чёрными глазницами, и со всех сторон раздался многоголосый хор металлического смеха. Маленький мальчик испуганно прижал к себе щенка и покачал головой.

Разбудил меня звонок. Телефон пронзительно верещал с первого этажа, завинчивая шурупчики в мою налившуюся свинцом голову. Я открыл глаза и бездумно уставился в потолок. Я был болен. Ужасно болен и настолько же ужасно глуп. Я - Болконский? И вот он, тот снаряд, подкосивший меня на поле боя? Телефон наконец-то замолчал, я облегченно перевалился на другой бок, когда он зазвонил снова. Пришлось собирать силы в кулак и рывком приводить свою тушу в вертикальное положение. Спустя затраченных на путь несколько минут, удивляясь настырности звонившего, я поднял наконец трубку.

-Да?

-Мой дорогой мальчик! Ну и заставил же ты меня поволноваться! Куда ты пропал?

Нет, не похож он на Денисова, честное слово. Это гном. Болтливый садовый гном.

-Я слегка приболел...

-Какой кошмар! А что насчёт моего задания? Я знаю, может, сейчас не время, но было бы замечательно, если бы результаты были у меня к ближайшему четвергу. Справишься, дорогой?

Да, конечно, за моё здоровье ты так безумно волнуешься. Было бы ещё замечательнее, скажи ты мне, какой день недели сегодня. Я попытался вспомнить, где оставил рюкзак с фотоаппаратом и записями. Я хотел закончить этот телефонный разговор, но никак не мог найти достаточно деликатного способа. А Юсиф был тем самым человеком, который не переставал щебетать даже в том случае, если бы собеседник держал в руках табличку с просьбой заткнуться или плевался от злости ядом. Такие люди готовы заливать сироп, вырабатываемый в мини-заводе где-то внутри его гортани, тебе в уши бесконечное

количество времени. Поэтому я ещё раз поморщился от головной боли и нажал на кнопку громкоговорителя, принявшись за приготовление себе чая. Мёд. Лимон и мёд, перед отъездом я выторговал небольшую баночку у нашего пасечника на старом рынке недалеко от моего старого дома. Лукас Элби продавал самый вкуснейший мёд, не сравнимый ни с одним из магазинных производителей. Я перепробовал все виды из его товара, но больше всего любил всё равно липовый.

-Дорогой, ты уже решил проблему с реставрационной стройкой?

Чёрт, Ленни! Сколько мне там времени дали строители? Три месяца? Сколько времени уже прошло?

-Я почти... ай-яй!

Я обжёгся о чайник и чуть не выронил баночку с драгоценным мёдом. Проводной телефон мигнул, показывая всю кучу пропущенных мной звонков.

Я нажал на звонок и стал ждать. Закатное солнце окрасило дверь в красно-оранжевый цвет. Холодно. До мозга костей прямо. Ледяной ветер забирался под одежду. Я поежился и нажал ещё раз. Справа от меня стояло то самое дерево, которое всё это время ассоциировалось у меня с детством. Молодая рябина стояла всё на том же месте, что было совсем не удивительно. Она раскинулась в стороны, на её ветках уже были яркие зеленые, но ещё совсем маленькие листья. Когда-то я не мог обхватить ее руками.

В голову мне пришла интереснейшая идея. Я снял сумку и поставил торт на неё. Затем подошёл к дереву и обнял его. Щека прижалась к шершавой коре, ладонь накрыла ладонь. Надо же! Я вжался в ствол ещё сильнее, стараясь ухватиться как можно лучше. Непонятно от чего во мне проснулся просто детский интерес, подобный тому, который испытывает каждый, открывая киндер-сюрприз, независимо от возраста. Как далеко я смогу обхватить свою вторую руку?

Прохожие смотрели на меня, как на идиота.

-Алекс?

Мама стояла перед дверью дома. Не успела она сказать, что-нибудь ещё, как стремительный бешеный орангутанг по имени "сыночек" пронёсся и чуть не сбил её с ног, зажав в тисках. Ой, а разве можно так сильно сжимать? Я слегка ослабил хватку, все ещё опасаясь возможностей своей новой руки.

-Олег! Олег, посмотри, кто пришёл!- крикнула мама в дверь. Я невольно огляделся.

-Мам, давай лучше зайдём в дом.

Дома очень вкусно пахло - я даже и забыл, что там так пахнет. Та же прихожая с почти никогда не убираемой зимней обувью, зонтиками, которые стоят в огромной вазе, наверное, сделанной для каких-нибудь подсолнухов, цветочными обоями, которые когда-то выбрала мама вопреки всеобщим интересам, чтобы заклеить ими наши с Майей детские каракули.

Из комнаты вышел отец, улыбнулся и кивнул мне. Мы пожали руки.

-Ты есть будешь?- спросила мама, когда я передал ей торт,- там тушеная картошка.

Тушеная картошка. У меня даже слюнки потекли.

-Ты ещё спрашиваешь!

Я разулся, и мы прошли на кухню. Родная маленькая кухня. Мама положила картошку в тарелку и поставила на стол. Я поставил торт на соседний столик и подлетел на свое место. Была бы моя воля, я бы ел сразу с кастрюли.

-Руки,- мама ударила меня по руке. Все как раньше. На столе уже появилась тарелка соленых огурчиков и хлеба.

Как же. Давно. Я. Не ел. Нормальной. Домашней еды!

-О, я сейчас сделаю салат, который ты любишь. Погоди немного.

Я встал и положил ладонь на ее руку.
- Не надо, мам. Просто сядь. Пожалуйста.
Мама положила нож на стол.
- Не будешь? А как же чайник?
- Я сам поставлю.
- Точно не будешь? А то я...
Я включил чайник.
- Все хорошо. Если нам что-то будет надо, мы возьмем сами.
Я посмотрел на папу.
- Уже не маленькие. Садись, Лен,- подтвердил он.
Мама кивнула и села. Я примостился рядом. Мы приступили к трапезе.
- Мы видели тебя в газете,- с гордостью объявила мама так, будто сообщала это не мне, а своей подруге. Я кивнул. Мне не очень хотелось об этом говорить.

"Давай же, улыбнись! Природа наделила тебя таким личиком..."
"- У тебя очень милое личико. Как, говоришь, тебя зовут?
- Алекс. Алекс Б-б-бэй.
- Красивое имя. Жаль.
- Жаль что?
- Не важно. А теперь повернись слегка левее и не забудь улыбнуться. Нам же нужна хорошая фотография?"

Видимо, я ответил слишком холодно, потому что за столом воцарилось молчание. Отец бросил на меня смешанный взгляд, который я не до конца понял, но от которого мне неожиданно стало стыдно и очень страшно. Я решил исправить положение.

- На стройке небольшие проблемы, но скоро все определённо наладится. А так ничего нового.

Я вновь посмотрел на отца и вновь посвятил себя восхитительной стряпне мамы.

- А у вас какие новости?- спросил я, прожевав, наконец, в очередной раз. Мама положила вилку на стол, радостно посмотрела на папу, затем на меня неожиданно преобразившемся взглядом.

- Олега повысили до начальника цеха. Представляешь?

Мои глаза расширились, рот открылся.

- Неужели! Молодец, пап! Ты ведь так стремился к этому!

Чайник закипел. Я встал и выключил плиту.

- Это обязательно надо отметить! Ну что, чаю с тортом?

- Ты же береги себя, Алекс.

Мама поправила мой воротник.

- Обязательно, мам.

Я вытащил из кармана семь тысяч рублей.

- Возьми. Это от меня.

- Нет,- она положила ладонь мне на руку,- не надо.

- Возьми, это будет мой подарок.

Теперь я заметил, как же она постарела. В волосах виднелись седые пряди, возле глаз и рта были морщины. Глаза теперь смотрели грустно, и время от времени в них вспыхивала радостная искра. Я обхватил её и прижал к себе.

- Я люблю тебя, мам.

- И я тебя, сынок.

Сигарета вспыхнула красным угольком, коснувшись в очередной раз тонких губ начальника. Я мялся в дверях, стыдливо смотря в пол, словно нашкодивший ребёнок. Ведь это на самом деле было так.

Меня вызвали на ковёр как только я появился в офисе.

Сигарета вспыхнула и слегка осыпалась пеплом. Я ждал.

-Как идут дела со стройкой, малыш?

Я откашлялся.

-Гхм-гхм.. Я уже почти решил все проблемы. Разгадка уже совсем близко.

И я не врал. Я на самом деле уже развивал одну идею по сохранению и встраиванию в интерьер этой железной стены.

-Чудесно. Я рад, поскольку больше тянуть уже нельзя.

Мистер Вольный подошёл к окну и задумчиво смотрел в него. Я одновременно ждал и боялся момента, когда взгляд этих глаз переместится на меня.

-Не стой. Садись,- сказал он наконец.

-Я не думаю, что...

-Сядь!

Его железный тон начальника заставил меня мгновенно перелететь полкабинета, плюхнуться на стул и даже положить руки на колени, как в детском садике. Мистер Вольный вновь стряхнул пепел со своей сигареты.

-Я понимаю, последнее время тебе было очень сложно: столько проблем, ещё эта авария.... Но ты должен понимать, что я не могу делать постоянные поправки своим любимчикам. Мне вообще не следовало бы заводить любимчиков.

Я продолжил рассматривать свои пальцы. Какая интересная оказалась грязь под ногтями, просто с ума сойти. Я ждал, когда он заговорит про мой побег через форточку в туалете. Эта тема всё равно была неизбежна, я понятия не имел, что мне сказать ему на этот счёт и как оправдаться, но лучше поздно, чем никогда. Мистер Вольный тем временем продолжил говорить:

-Тебя избрали лицом этого проекта. Ты ответственен за него, как за исполнение, так и за отношение общественности. И я не могу позволить, чтобы проснувшиеся мальчишеские гормоны испортили всё дело. Если я узнаю, что ты вступил в какую опасную группировку или ведёшь что-то угрожающее успеху проекта; даже если просто не возьмёшь себя в руки, - я буду вынужден тебя уволить. Ты меня понял?

Я молча кивнул. Мистер Вольный наконец отлип от окна и подошёл к столу, перед которым я сидел. Он потушил сигарету в янтарной пепельнице.

-Если... Тебе нужна помощь,- уже тише и мягче сказал мужчина,- просто скажи мне. Я готов помочь.

Я рассматривал грязь под своими ногтями. Как же чертовски интересно-то. Стоило ответить ему что-нибудь типа: «Да всё в порядке, начальник. Как вы сказали, это всего лишь расшалившиеся гормоны. Сейчас всё уймём». Но мой язык надёжно прирос к нёбу, а щёки пылали от охватившего тело чувства стыда. Мне нравился Мистер Вольный, он первый увидел во мне человека с действительно серьёзными намерениями, возможно, даже раньше, чем я сам. И уж точно я не хотел ему лгать или подставлять его. Я хотел стараться. Я обещал себе постараться оставить всё, как раньше.

Ну почему из-за этого должны получать люди, не заслужившие этого?

«Привет, дорогая Майя.

Мда....

Я возвращался обратно на свалку, к этому огромному экрану. Я исследовал местность и нашел лаз в завал, в котором он находится. Подумать только, сколько сил я потратил тогда, чтобы оттуда выбраться.

Весна. Скоро весна закончится, и строители расскажут о Ленни начальству. Жалко, безумно жалко, ведь, знаешь, я к нему жутко привязался. Я очень надеюсь, что придумаю способ сохранить его. Он выглядит таким безобидным... Но им лучше знать, что с ним делать. Меня уволят, уволят за сокрытие опасного объекта, угрожающего мирной и спокойной жизни общественности. Господи, да просто угрожающей жизни. Но мне кажется, что я поступаю правильно.

Что бы я ни решил, у меня странное ощущение, что на кону четвёртая мировая война»

Я сидел по-турецки на постеленном мной покрывале и мешал палочками китайскую полупрозрачную лапшу в коробочке, купленную в одной попавшейся мне китайской кафешке. Передо мной на экране все появлялись и появлялись новые знаки и буквы. Все эти коды так завораживали. Я присмотрелся. На краю очищенного мной участка экрана что-то цепляло глаз. Я палочками взял большой ком лапши и засунул его целиком в рот. Макароны переплетались друг с другом, тянулись. В итоге с первого же захода в коробочке осталась только половина. Управляясь с едой, я не сводил глаз с того "цепляющего глаз" места на экране. У меня уже заболели уставшие от тяжелой работы челюсти, как откуда-то со стороны послышались звуки шагов. Хотя, назвать это шагами было сложно: на свалке не было ни одной тропинки, по которой можно было спокойно ходить. Кто-то совершенно бесстрашно пробирался по горам железного мусора, разговаривая друг с другом в полный голос. Я поспешно заснул коробку в рюкзак, схватил покрывало, забежал за кусок ржавого железного листа. Тот торчал неудобно, я был зажат между ним и какой-то масляной трубой, торчащей из груды проводков и механизмов.

Надо мной промелькнули две тени. Проскочили по поверхности навала. Я медленно выдохнул и продолжил дожевывать. Голоса снаружи как-то неожиданно оборвались, неправильно. Совсем не так затихает звук отдаляющегося источника. Я чуть-чуть подождал и начал вылезать. Я вылез уже наполовину, как сверху что-то громко рухнуло на край оврага, в котором я был. Я замер и тихонько втек обратно в укрытие.

В проем наверху свесилась голова.

-Вот! А ты, Гайка, хотела пройти мимо такого шикарного места!! Вниз и только!

Голова скрылась, и через несколько секунд ее хозяин с грохотом приземлился на корточках прямо посередине предэкранного пятачка. Послышался треск, какой обычно издают старые бисерные подвески на кухню. Показалось, наверное. Я снова оценил высоту оврага. Очертеть можно. Вниз опустилась вторая тень, приземлившаяся намного бесшумнее. Я слегка высунул из-за железки для хорошего обзора.

Тенью оказалась девушка. Та самая, видимо, которая Гайка. Она была высокая и стройная, с короткой, почти под мальчика, стрижкой, одета в черную короткую куртку и джинсы.

Первой фигурой был он. Так я увидел его в первый раз. Его тощий силуэт, резко выделяющийся неуклюжей пластикой уверенных движений, выпирающие даже под кофтой лопатки почему-то резко отпечатались в памяти. И я как-то сразу понял, что ещё не скоро забуду их. И я был прав.

С моего неудобного положения видно было немного. В основном мелькала девушка, начавшая проверять местность. Она заглядывала в дыры железных стен, освещая их зажигалкой, прыгала на выгнувшихся листах. Я попытался вжаться в укрытие, стараясь стать незаметнее, и продолжил следить за ним. Сзади, до затылка, его высветленные, но серые от пыли волосы были коротко острижены. Парень почему-то шарил по полу. Нашел

что-то, потер, понюхал пальцы, лизнул. Я поморщился. Закончив с полом, он осмотрелся, попробовал пространство на вид и запах. И тут заметил экран. Поднявшись во весь рост, он галопом подскочил к нему и вытер рукавом кусок. С той самой стороны, цепляющей взгляд. Охнул. Вытер ещё и издал громкое бессловесное восклицание.

-Мать моя шестеренка... Гайка, да ты только посмотри!

И он принялся и дальше растирать рукавом грязь, уже не очищая поверхность экрана, а загрязняя рукава кофты. Затем последовал радостный визг, будто ребёнку, который просил игрушечный пароходик, подарили настоящую яхту.

-Это код... Тот самый, что мы получили два месяца назад. Он здесь!! О, трещина.

Он провел пальцем по тому самому цепляющему взгляд месту. Вот что, значит, трещина.

Девушка, которая, видимо, Гайка, приближалась ко мне. Я вжался в стену ещё сильнее.

-Да только посмотри, Гаечка! Хватит долбить по железкам!

-Если я не буду долбить по железкам, чью-нибудь светлую голову обязательно снесут, когда её хозяину приспичит что-нибудь снова полизать.

И она вмяла железной палкой очередной подозрительно высывающийся бампер.

-Вот за это я тебя и ценю,- он на мгновение отлип от экрана и посмотрел на девчонку. Сверху что-то гроыхнуло, и все, включая меня, задрали головы. Хотя для меня это оказалось проблематично.

Я не уверен, но, мне кажется, он махнул рукой в эту сторону.

-Может, проверишь?

Гайка рыкнула, и вскоре до меня донеслись звуки взбирания по железу. Мы остались одни. Коробка с лапшой смялась в рюкзаке между мной и железной стеной. Минуту мы помолчали, пока Гайку не перестало быть слышно. Затем он, за которым я с интересом наблюдал в щель, почесал пальцем нос и сказал:

-Можешь уже выходить.

Я еще с большим интересом прилип к щели. Кто выйдет? Здесь есть кто-то ещё? Или это он мне?

Он подобрал с пола железную палку и с размаху кинул её в мою сторону. Та с грохотом ударилась о лист, за которым я прятался.

- Только трусливые помойные шакалы прячутся по углам!!

Я аккуратно вылез из своего укрытия и по возможности развел руки в стороны, показывая, что в одной руке у меня ыл рюкзак, в другой – покрывало. Он вскинул руку:

- Стой там.

Ага, как же, только трусливые шакалы прячутся. А смелые люди держатся на расстоянии. Он прищурился, ощупывая меня взглядом. Я обратил внимание на необычный цвет его глаз. Они были не просто голубыми, они были сиреневого оттенка. Я опустил руки. Так и стояли. Он рассматривал меня, а я с интересом рассматривал его.

Его необычный вид только сначала казался непривычным. Густые, чёрные ресницы ярко обрамляли миндалевидный разрез глаз, внутри которых, будто фонариками изнутри, подсвечивались сиреневые круги радужки. По бокам лица свисала заплетенная в косички челка неестественно белых волос. На концах их болтались темно-коричневые костяные бусины, издающие треск при каждом резком повороте головы. Как я уже подсмотрел раньше, сзади ниже затылка волосы были коротко острижены. Наблюдая за ним, я неожиданно резко понял: он же всего лишь мальчишка. Ему от силы было семнадцать.

Подняв голову на уровень моего лица, парень вперил взгляд в мои глаза. Последовал возглас, напомнивший мне радостный клекот ребёнка.

- Разные, значит .. . Левый, ведь так?

Я кивнул.

- Как зовут?

Я вздернул подбородок и попытался сделать позу более уверенного человека.

- Алекс. С кем имею честь?

Он ухмыльнулся и шагнул ко мне в своих шнурованных серых ботинках.

- Уходи.

Я заметил засунутые дужкой за ремень его штанов очки. Так он дальнорейкий. .. До нас начали доноситься звуки возвращающейся девушки. Я остался стоять на месте.

- Уходи отсюда. Гаечка, - кивок в сторону, - очень вспыльчивая девочка. Тебе лучше уйти.

И он толкнул меня обеими руками в грудь. Я почувствовал огромную силу, таящуюся в этих тонких макаронинках, и меня чуть ли не отбросило в сторону: я отошёл назад.

- Уходи!- и он толкнул меня снова в сторону скрытого лаза из обрыва. Я внимательно, даже с вызовом посмотрел в его глаза, после чего всё-таки скрылся в этом направлении.

Только трусливые помойные шакалы прячутся по углам. Я – самый мерзкий преступник в этом городе. Они уберут Ленни, покончат с ним, а я просто продолжу жить и отворачиваться от ограничительных знаков, запрещающих киборгам входить в очередное посещаемое мной здание.

Меня уволят. Меня всё равно уволят. Поэтому я здесь. Хотя нет, не только поэтому. Конечно, всё ради справедливости, ведь всё всегда должно делаться ради справедливости. Я натянул на лицо носок. Не понимаю, как грабители в этом ходят? Нос сразу расплющило, и дышать стало неудобно. Верхняя губа тут же вспотела от горячего дыхания. Всё-таки рановато я его напялил. А вдруг пока я буду переходить этот соседний квартал, кто-нибудь обязательно заметит странного парня в спортивном костюме и чёрном носке с прорезями для глаз на голове? Нет, не сниму уже. Пойду так, всё равно уволят.

И как назло, вечер был вполне спокойным, а небо чистым, даже сумрак был каким-то светлым, что и не спрячешься. Я попытался держаться у стеночки, словно приклеено мне там было. Шёл себе с невозмутимым видом вдоль забора стройки, плечом кирпичики вытирал.

На углу я остановился: недалеко у мусорки стоял человек в большой потёртой мешковатой куртке. Я даже сначала присмотрелся, а не был ли это мальчуган, Ванька, с его странной любовью к огромной одежде, но нет. Человек покопался в своём рюкзаке и... повернулАСЬ в мою сторону. Я мгновенно ещё сильнее прилип к забору. Тёмное пятно на фоне серой стены.

Фуух, не заметила.

И я решил, что это знак: ходить так в нерешительности вдоль стеночки я буду ещё не один час. Время действовать. Я выбрал в заборе опору получше и перелез через бетонный край. На несколько мгновений я помедлил, снова залюбовавшись красотой этого здания. Жемчужина, хранящаяся в скорлупе огромной вытянутой ракушки, словно запрятанная к себе в дом жадным любопытным крабом. Жемчужина мира. Но если чуть-чуть обойти ее со стороны, она изменится и станет высокой, распустившейся огромным цветком, звездой, смотрящей прямо в небо. Акассея. Моя Акассея. собравшись с мыслями, я продолжил своё нелегальное дело: надел капюшон и подбежал к запасному входу. Довольно странно прокрадываться в собственные владения. Временные, конечно, по сути Акассея принадлежала государству, но я предпочитал считать её своей. Дверь оказалась открыта. Действительно, чего работникам было терять – обогреватель? Или же керосиновую лампу? Но мысленно я всё равно сделал строителям замечание за беспорядок. Внутри здания кипела работа, все перебрались на самый верх, к крыше на последнем этаже. Вероятно, они уже получили мои новые чертежи. Последние часы рабочего дня. Сверху доносились звуки

инструментов и мужские голоса, и я порадовался за то, что моя цель находилась в совершенно противоположной части здания.

Ленни всё ещё был там. Он встретил меня уже знакомым гудением в голове, словно назойливый жучок, пытающийся добраться до глубин моего мозга.

Но судьба оказалась ко мне не настолько благосклонна, как я на это надеялся: помимо меня, в подвале у Ленни уже были посетители.

-Ты уверен, что нам за это не попадёт?

Я прямо на лестнице вновь влился в стенку, заслышав первый голос. Последнее время я довольно сблизился со стенками. Говорящего я не знал. Чего не скажешь про его собеседника:

-Я вообще не понимаю, почему мы не сделали это в первый же день. Два месяца уже почти истекло, а мальчишка как в воду канул. Сам не понимает, что происходит, они взяли его, как декоративную собачонку: принеси-подай, исправь мелкие проблемы, да и лицо чье на рекламу надо подставить, чтобы красиво было. А как что - вся грязь-то на него и польется. В конце концов – должен я знать, что творится на моей стройке?

По стенам мелькала мигающая юркая тень: вокруг свисающей с потолка лампочки летал мотылек, упорно стараясь пробиться к источнику света. Я прижался затылком к холодному бетону и еле удержался, чтобы не выскочить из-за угла с язвительным ответом. В конце концов, что и было страшно, - в голосе Петра не было упрека или даже насмешки. Он действительно так думал.

-Ты собираешься туда залезть?

Я аккуратно выглянул из-за угла. Собеседник Петра сидел на корточках перед дырой в полу, которую я почти три месяца назад собственноручно и собственнокровно расковырял. Пётр стоял рядом. Вот незадача. Воспользовавшись тем, что мужчины были повернуты ко мне спинами, я высунулся немного больше. Теперь мне не оставалось ничего больше, чем ждать, что произойдёт дальше. Тем временем начальник строительной бригады и не думал отвечать на глупый вопрос. Он лишь молча надел на голову ремешок головного фонарика и включил кнопку.

«На самом деле странно, что они не сделали этого раньше»,- думал я, пока совершался один из самых судьбоносных, чёрт его побери, моментов моей жизни,- «я вообще ждал, что в первый же вечер ко мне домой заявятся полицейские с ордером и целым отрядом солдат Защиты. Хотя я, конечно, преувеличиваю: такая заморочка была бы слишком жирной для такого слабака, как я. Ну вот перечёркнутая чёрным ремешком макушка скрылась в дыре. Любопытный сообщник заглянул внутрь, отключив вверх свою пятую точку.

-Срань Господня! – донеслось из-под пола, как из преисподней. Торчащая над дырой пятая точка зашевелилась.

-Что там?

Пётр уже вылезал, упоминая на ходу всех святых, грешных и дьявольских.

-Чёрт подери, я звоню начальству. Непосредственно в штаб, срочно, чёрт побери!

Мой выход.

-Стойте!- Я выскочил из лестничного проёма и подбежал к разозлённому бригадиру- Не надо никуда звонить.

Друг Петра тут же презервативы на меня замахнулся, но я вовремя отклонился, осознав, что на мое лицо все ещё был натянут глупый носок. Я стащил его.

-Ты!!!- мужчина взревел и подскочил ко мне навстречу, тыкая пальцем мне в грудь:- Вы, юноша, затеяли слишком опасную игру. Я не знаю, что у тебя на уме, но участвовать в этом не собираюсь!

Я встал на его пути к выходу.

-Послушайте меня, остыньте немного. Этот... этот передатчик транслирует что-то очень важное. Понимаете, у меня предчувствие...

-Предчувствие у него! Откуда ты вообще выскочил?

Я отчаянно упёрся руками в грудь Петра, стараясь задержать его на его решительном пути к телефону.

-Нет, да поймите же! если мы расшифруем то, что он передаёт – вероятно, даст нам многое понять. Мы узнаем что-то важное, может, сможем предотвратить какую-то катастрофу, да подумайте же!

В порыве я толкнул Петра в грудь. Тот слегка попятился назад. Похоже, я выглядел, как истеричка, и этим только ухудшал положение.

-Вы же сами сказали, что я сам не понимаю, что происходит. Это прекрасный шанс это исправить. Уверен, вам тоже не меньше меня интересно, что же он передаёт.

Пётр смотрел на меня взглядом питбуля, смотрящего на проходящую мимо огромную немецкую овчарку. Кажется, я попал в точку.

-Ну и как ты собираешься это сделать, великий дешифратор? - Наконец сдался он.

Я торжествовал, однако недолго. Что мне ему стоило ответить? Про Джорджа, конечно, я не скажу ни слова.

Что, кто такой Джордж? Ну да, я дал имя большому экрану-приемнику, каюсь – не удержался. И нет, это вовсе не признак хронического одиночества. Ну если только чуть-чуть.

Каким бы ни был мой ещё не существующий план, он должен быть настолько сногшибательно гениальным, чтобы два враждебно относящиеся ко мне строителя от восторга забыли про эту дыру в полу до конца стройки и счастливые пошли бы работать согласно моим новым удачным чертежам. Я принялся лихорадочно думать.

-У меня... у меня есть свои люди. Человек, который знает язык их шифра. Я уже передал ему некоторые списанные отсюда сигналы и жду результатов. А теперь,- я сделал шаг в сторону и указал на дверь,- я пока всё ещё ваш начальник. Рабочий день ещё не закончился, я прошу вас продолжить свою работу.

Пётр недоверчиво буравил меня взглядом. почувствовав, как злость разгорается внутри меня, я поднял на него взгляд. Какое-то время мы молча смотрели друг другу в глаза, словно борясь невидимыми кулаками. Или же терпением.

В конце концов он психанул: плюнул себе под ноги и гордо, махнув по пути своему другу, вышел из подвала. Я даже почувствовал какую-то досаду: злость уже пробудила во мне желание кому-то вмазать. Они ушли, а я остался с зудящими кулаками и желанием сползти по стеночке. Так, теперь простите меня, но я буду действовать наверняка: Ленни нужно другое место, причём совершенно срочно.

Первым делом я спустился вниз, включил фонарик и положил на пол. Круги света вперились в бетон. Каморка была маленькой, едва давая возможность нормально развернуться и расправить плечи. Я открыл щиток и какое-то время потратил на созерцание завораживающее мигающих лампочек. Затем переключил зрение.

Кабель на самом деле шел не совсем так, как мне показалось в первый раз. Его длинное тельце пронизывало плиту пола подвала и уходило в сторону, к крайнему углу у подножия стены. Единственное возможное перемещение, которое я мог сделать с этим передатчиком, было лишь вдоль этого кабеля. Я мог бы как-нибудь его удлинить и перенести подальше, и тогда до нового месторасположения этой коробки тянулась бы вереница проводов. Для полной картины я бы даже мог тогда поставить указатели. Из сумки, что лежала перед дырой в полу, я достал домик. Будем идти в обратную сторону – вверх по кабелю, ниточке Ариадны до нового подходящего тайника. Я вздохнул: работа предстояла долгая и кропотливая.

Такой парадокс. Вот машинист. Ближайшие двое суток он не увидит свою дочь, не сможет поцеловать свою жену на ночь. Ближайшие двое суток он будет на работе, без сна и почти без отдыха мотаться между городами, везти куда-то ворчливых людей с тяжелыми сумками, купивших на вокзале чипсы и курицу гриль с пивом и готовыми ночью напролёт критиковать политику. Вглядываясь постоянно в череду нескончаемых шпал, он посадит своё зрение и заработает камни в почках от литров выпитого кофе. Брать дополнительные смены и ни с того ни с сего срываться в очередные поездки на несколько дней. Зато в один день этот машинист разругается со своим начальством и пошлёт его ко всем чертям на том самом поезде, который ему надо было вести, ради того, чтобы пойти на выпускной своей дочери. Ради того, чтобы смотреть, как она, в самом лучшем, купленном за заработанные им всеми этими трудами деньги, праздничном платье выходит на сцену получать аттестат. Для него она сейчас самая красивая во всём белом свете. И именно в этот момент он понимает, что не зря посадил своё здоровье и больше половины своей жизни провёл за созерцанием рельс. И одновременно с этим он понимает, как много важных моментов её жизни за это время пропустил. Нам приятны жертвы, совершаемые ради близких. Но эти жертвы отнимают у нас больше, чем нам поначалу кажется.

С нового месяца увеличиваются налоги на жилищно-коммунальные услуги. Мои родители подумывают над тем, чтобы переехать в дом поменьше, чтобы не платить за второй этаж и наши пустые комнаты. Вероятно, больше я никогда не увижу наклеенные на наши каракули нелепые обои в прихожей и мою рябину, стучащую в комнатное окно во время грозы. Отопительный сезон в квартирах сократили еще на два месяца, а воду из-под крана нельзя пить без предварительных кипячения и фильтрации. Я видел мэра города: он пожимал мне руку, когда проект Акассеи занял первое место на конкурсе; он собирается вновь открыть метрополитен. Все во благо города и его граждан, надо лишь немного потерпеть. "Ради светлого будущего",- гласит постер, и моя улыбающаяся фотография с поднятым кверху большим пальцем.

Это случилось ночью. Почему-то такие вещи обязательно случаются ночью. Я лежал и смотрел в потолок, меня уже давно упорно клонило в сон, но я боролся с этим чувством, почему-то не испытывая морального желания спать. Помимо кучи других, мне в голову залезли мысли о том, что я просыпаю огромную часть своей жизни, и от этого становилось как-то противно. Потолок еле просматривался в окружавшей меня темноте. Он не отвечал ни на один из моих немых вопросов.

И тогда я услышал грохот на первом этаже. На всякий случай взяв припасенную исключительно для таких случаев кочергу, я спустился и включил свет.

Шум доносился со стороны чёрного хода. Спрятав оружие за спину, я направился туда.

Звуки были похожи на выламывание двери; прямо перед моим появлением раздалось особо громкое гроыхание, и вдруг стихло. Я стал за углом в полной готовности отразить внезапное нападение. Прислушался: тихо, только сопение раздается. Я аккуратно выглянул из-за прохода. И замер.

У двери стоял он. Прислонившись к ней телом, а затем перевернувшись, сполз на пол в сидячее положение и издал громкий стон. Выронив кочергу, я подбежал к сидящему; кофта того была заляпана кровью. Подбежал - и не знал, что делать. Он положил руки на лицо и затрясся. Казалось - плачет. Но нет, через несколько секунд из молчания быстро вырос смех, сильный, глубокий, но такой, от которого по спине разбегались мурашки. Он смеялся и смеялся, размазывая кровь по лицу и икая время от времени. Я стоял как вкопанный. И вдруг понял. Меня будто молнией поразило. Ведь это была не просто кровь, все было не так просто. Она шла от его зажмуренных глаз, ручейками стекая по щекам, словно слёзы. Кровавые слёзы. Издав звук, не похожий ни на что из того, что я слышал раньше, я кинулся на кухню за полотенцем, намочил его и вернулся обратно, чтобы

вытереть мальчишке лицо. Казалось, ему было плевать. Он все смеялся и смеялся, в истерике поднимая руки и выкрикивая фразы, смысл которых я никак не мог понять до конца. Я свернул полотенце и попытался добраться до него сквозь щит ругательств и ляганий. В конце концов, он укусил меня, и я понял, что добиться этим ничего не получится, поэтому поднял мальчишку на руки - он оказался на удивление лёгким, словно пересидевшая на диете девчонка - я решительно, не задумываясь, почему я это делаю, понес его на второй этаж в ванную комнату. Там я поставил его у раковины и принялся умывать, отправляя на тот свет уже второе по счету полотенце. Я попытался открыть ему один глаз, чтобы посмотреть, что стряслось, но мальчишка взревел, словно стая взбешенных собак динго. Вся моя одежда в ту же минуту намочила, как и сам я; два раза меня хватили за волосы и чуть не приложили головой о керамическую поверхность. Я терпел, не говоря ни слова, потому что попросту не знал, что говорят в таких случаях. Стыдно? Нет. Поступил бы я так же, случись это снова? Да. Еле справившись с лицом, я прямо в ванной стащил с мальчишки одежду и туго шнурованные ботинки. Прошло много времени, и он полусидел на кровати гостиной комнаты в моих штанах, носках и футболке, которую мне когда-то подарила мама. Эту футболку я не носил лишь потому, что предпочитал рубашки, и она постоянно пылилась в моём шкафу. Он немного успокоился и уже не смеялся, время от времени лишь сотрясаясь от стонов, маскируемых хихиканьем. Я отчаянно пытался перевязать этого мальчишку, но его на удивление сильные руки периодически хватили меня за запястья.

-Если ты не перестаешь, я буду делать это ещё дольше.

Он ничего не сказал. За весь этот вечер мне не адресовано было ни слова, если не считать ругательств, то и дело сыпавшихся из его рта. Наконец я закончил обматывать бинтом его голову и порвал кончик вдоль, завязав и закончив перевязку. Затем помог ему лечь на спину. Опять же, не прозвучало даже фразы. Я накрыл мальчишку одеялом; тот перевернулся, уткнувшись лицом в подушку.

-Спокойной ночи,- сказал я.

Опять тишина.

После этого я зашёл в свою комнату, упал на кровать и заснул.

О том, что он проснулся, стало ясно сразу же: дом содрогнулся от грохота, и опять разлился громкий истеричный смех. Я проснулся и побежал в соседнюю комнату, даже не осознав, что вообще произошло. Он сидел возле кровати и отчаянно пытался стянуть повязку. Ещё чуть-чуть, и он порвал бы её руками, но я подбежал и попытался его остановить.

-Успокойся, всё в порядке!

Это было единственное, что смогло вылететь из моего рта. Мальчишка укусил меня за руку и перекувыркнулся через себя, чуть не сломав шею. Он замер, свернувшись на коленях в позу эмбриона. Футболка задралась, демонстрируя спину с синяками, четко выделяющимися буграми позвоночника и острыми лопатками. Я не видел его лица: оно было спрятано вниз, волосы спадали на плечи. Лежащие на полу худые руки сжались в кулаки. Я опять понятия не имел, что делать. Посидев на полу несколько секунд, я встал, ушёл и вернулся через некоторое время, накрыв одеялом не сдвинувшуюся с места фигуру. Уходить почему-то я никак не мог решиться.

-Еще раз скажешь, что все хорошо, я тебе кадык вырву.

Это было второе, что он сказал мне после того случая на свалке.

Я включил свет на кухне и зажмурился. Часы показывали четыре утра, за окном уже начало светлеть. Плита, по обычаю моей чистоплотности, была идеально вылизанной. Я потёр глаза и открыл холодильник. Пустота. Затем распахнул шкафчик и задумался.

Передо мной на полке стояло множество коробок с чаем совершенно различных вкусов. Поставил две кружки. Делать чай кому-то ещё было совершенно непривычно, это становило меня в ступор.

К чаю у меня было особое отношение. Чая у меня было много, совершенно различных вкусов, запахов и приправ. Я делал его под случаи, под настроения, погоду, поводы и просто так. Рядом с коробками заварки у меня стояли баночки всевозможных трав и пряностей. И теперь я смотрел на все это, аккуратно расставленное согласно своему месту, и не знал, что делать. Нет, не так. Я не знал, Что. Корица? Я заваривал ее по вечерам, когда было грустно. Чебрец? Для увлечений и работы. Мята? На волнения. Тмин? Цедра лимона? Мед? Малина? Земляника? Или же просто темный с молоком? Какой вкус подходит для случая «когда злой как черт псих врывается ночью к тебе домой с выжженными глазами»? Какое-то время я просто застрял в действительности, устремив взгляд в пространство перед собой. Ситуация ввела меня в замешательство. Стоило спросить себя, что я вообще делаю на кухне в чёртову рань, когда в гостиной комнате на полу сидит совершенно чужой мне парень, имени которого я даже не знаю? Готовлю ему чай?

Голову мою пронзила совершенно неожиданная мысль. Специально для самых крайних случаев у меня стояла пачка натурального какао, совершенно не тронутая, задвинутая в самый дальний угол шкафчика. Не раздумывая, я зачем-то поставил турку на плиту, достал из холодильника молоко и вытащил пачку зефирок. Что я вообще делаю? Не удивлюсь, что завтра ко мне домой ворвутся воины Защиты, вооруженные до зубов, а я сижу и кормлю слепого уголовника шоколадом с вафлями.

Перед дверью я стушевался. Мне стало невообразимо неловко от всей этой ситуации, я вдруг увидел себя со стороны: олух, жмушийся у двери с подносом в руках, уставленным горячим шоколадом на двоих. Мне не хватало только цветочка в вазочке для лучшей картины. Я нерешительно поднял руку и постучал в дверь согнутым указательным пальцем.

Тишина. Может, он ответил? Постучать ещё раз? Я сжал дверную ручку в ладони. Я переминался с ноги на ногу. В собственном доме я стоял возле комнаты и безумно стеснялся зайти внутрь. В конце концов я почувствовал себя окончательно уж глупо и решительно распахнул дверь.

Он спал на полу, там, где я его оставил. Подложил руку под щеку и сопел, открыв рот. На ладонь стекала слюна. Я почувствовал легкую досаду за пропавшую теперь порцию шоколада. А ещё я почувствовал себя ещё глупее, чем раньше. Опустив поднос на прикроватную тумбочку, я присел на корточки рядом с ним. Лунный свет падал через раскрытые шторы на его лицо, блестел на мокрой от слюны руке. Аккуратно, стараясь не разбудить, я подsunул руки под полуживое спящее тело и неуклюже встал. Положив тушку на кровать, я снова накрыл его одеялом, задумчиво покачал головой, затем захватил из пакета горсть зефирок, бросил их в одну из кружек, взял её с подноса и удалился, отправившись зачем-то в холл. Там я сел в кресло и долго смотрел в окно, пока небо не посветлело и наступил рассвет.

«Привет, дорогая Майя. Не представляешь, где я сейчас сижу: прячусь в кабинке мужского туалета на работе. Не выспался жутко, сейчас усну прямо на бачке унитаза с диктофоном в руках.

Ну я и влип. Начальник пристально смотрит на меня, когда прохожу мимо, и по его взгляду мне кажется, словно я маленький мальчишка, которого поймали на чердаке с отцовским коньяком. Генри закидывает меня кучей вопросов, ответов на которые я жутко стараюсь избежать. Идиотизм. Этот мальчишка, который сейчас, скорее всего, ещё лежит на моей кровати...

Грохот. Несколько минут длится какая-то возня. Затем всё стихло, и словно издалека раздаются приглушённые голоса.

-Так и не поймали?

-Мы всеми силами ищем, куда он мог пропасть. Не думаю, что с такой травмой он сможет далеко уйти.

-Тогда как вы могли упустить подростка без глаз? Кто из вас слепой, я спрашиваю?

-Сэр, вы не боитесь.... Гхм...

На ещё несколько секунд возобновилась возня. Затем последовало:

-Да никого нет в этой помойной яме! Значит так: найдите щенка как можно скорее, пока он не наделал нам проблем. Свободен.

Вновь шорохи и возня»

Граф Виктор Люстиг, чех, считается одним из самых великих мошенников в истории. Не сравнить, конечно, с парой подростков, в 2026 году взломавших все закрытые сети банковских систем и переписавших код на замыкание и перевод всех денег на свои искусственные счета. Однако именно этот человек, родившийся и живший ещё до появления такой скучной и банальной штуки как интернет, умел по-настоящему веселиться. В 1925 году этот гениальный мужчина прославился тем, что под видом металлолома продал Эйфелефу башню бизнесменам, представившись им членом правительства.

Я ожидал, что его не окажется там. Думал, что моя комната встретит меня пустующей незастеленной кроватью и кружкой уже давно остывшего какао на тумбочке рядом. Думал, что из моего кухонного шкафчика исчезнут деньги, а горшок с чаем окажется бессердечно перевернутым вверх дном. И тем не менее я принёс два набора комплексных обедов, купленных в кафе недалеко от работы. Перед дверью комнаты я немного замешкался, но представил себе пустые стены и – самое страшное – одиноко лежащий в кучке земли цветочный горшок, схватил ручку и дёрнул на себя.

Кровать и правда была пуста. Он лежал на полу, на спине, повязки уже не было. Опухшие веки были слегка приоткрыты. Я застыл в проходе, не зная, что делать. И что делает он: спит или просто думает? Опять этот мальчишка вводил меня в ступор. Я стоял, смотрел на лежащую на спине тощую фигуру и думал о том, как такое небольшое существо может помешать Юсифу. В том, что гном искал именно его, у меня не было никаких сомнений. Сидя в кабинке туалета на работе я слушал его не привычные для меня раздражённые ругательства и боялся издать лишний звук, чтобы не оказаться замеченным. И затем, после его ухода, ещё минут пятнадцать я не решался выйти или же просто слезть с бачка унитаза. Что бы ни произошло между этими двумя, этот подросток очень сильно насолил начальству моего нового подозрительного начальства, и теперь ему очень, очень не повезло. Его грудная клетка медленно поднималась и опускалась. В конце концов у меня заворчал живот, и я решил не ждать у моря погоды; я повернулся было, чтобы уйти, как вдруг до моих ушей донёсся голос:

-Интересно?

Я ожидал оправданий или извинений, но никак не того, что в конце концов слетело с моих губ:

-Безумно.

Затем мне стало совестно за такую беспричинную неожиданную грубость, и я попытался загладить момент:

-Я принёс поесть.

-Сегодня без чаевых: на полу пыльно.

Я раздражённо кинул пакет на пол, затем вспомнил, что голоден, и поднял его обратно.

-Да пошёл ты. Няньчиться с тобой тут...

-Погоди.

Жалобные нотки в его голосе остановили меня на середине шага. Я замер, ожидая, что он ещё скажет.

-Где у тебя тут это... - пожевал губами и вздохнул – туалет?

Я подхватил его под мышки и вывел в коридор. Словно два подбитых оленя, мы проковыляли к дальней двери. Было бы гораздо легче, не сопротивляйся мальчишка и разреши мне подхватить его и нести на плече, но его покорёженная гордость кричала нам, создавая неудобства.

-Как нежно,- усмехнулся мальчишка, когда мы были уже почти у цели,- по девушке своей скучаешь?

Я почувствовал, как мои щёки загорелись и убрал неожиданно сползшую на его бедро руку. Даже в таком положении этот парень заставлял меня чувствовать неловкость. Это дико раздражало. В ванной комнате он ловко вывернулся из моих рук.

-Сам справлюсь. Не инвалид и не кукла, чтобы за мной ухаживать.

Не инвалид? Ну, спорный вопрос. Я стал у стены в ожидании, пока тот справится. Может, это было некультурно, но вдруг он промахнётся и зальёт мне весь санузел? Или не ориентируется и упадёт? Я продолжал стоять, он взялся за резинку штанов. Помедлил. Прошла ещё минута. Затем он всё-таки заговорил:

-Так и будешь смотреть?

Вновь почувствовав, как щёки заливаются краской, я выдал:

-Да что я там не видел. Буду в коридоре.

И я вылетел за дверь, словно кипятком ошпаренный.

Спустя минут пять я услышал несколько стуков и звук смываемой воды. Я положил руку на дверную ручку и прислушался в ожидании. Долго ждать не пришлось: вскоре раздался оглушительный грохот, свидетельствовавший о крушении моей ванной полки. Я стремительно ворвался внутрь.

Возле унитаза, как и ожидалось, на четвереньках стоял он. На четвереньках и в луже моего шампуня. Он был в ярости, об этом говорил уже нескончаемый поток матерных выражений, присущий, скорее, самому матерому сапожнику или прорабу. Скользя по залитой зелёной жижей с ароматом ромашки, он упорно шевелился, словно попавший в ловушку таракан. Вокруг него на полу лежали мои душевые принадлежности и моющие средства, честно говоря, даже не представлял, что у меня их так много. Я мгновенно подскочил к мальчишке и подхватил его полунамыленную тушку. Мы стали на ноги. И тут поскользнулся я.

-Следи за костылями, раз лезешь!- прорычал он мне на ухо.

-Заткнись и держись,- ответил я, подтягиваясь за раковину. В итоге мне кое-как удалось подняться и сесть на унитаз. Несколько минут мы сидели в обнимку, перемазанные липкой жижей. Дышали. Парень, конечно, как я уже упоминал, тяжёлым не был, но и места, чтобы легко развернуться и танцевать с ним на руках чечётку в комнате не имелось.

Отдышавшись, я выдал:

-Ещё предложения?

-Да. Смени чёртов шампунь.

Я положил пасты в его тарелку и сел на своё место.

-Приятного аппетита.

Ткнув пару раз в стол, мальчишка принялсяковырятьсявилкой, наматывая на неё спагетти.

-Ты за всеми так ухаживаешь, кто тебе в дом врывается? - спросил он. Я уже запихнул себе в рот огромное макаронное гнездо и теперь пытался довести висляющиеся концы.

Просто заткнись и ешь наконец, неужели так сложно? Я пробуровил мальчишку злобным взглядом и наколол на вилку тефтелю, понимая, как же на самом деле был голоден.

-Ешь давай. Смотреть тошно.

Он ехидно усмехнулся и засунул себе в рот полупустую вилку. Его живот разразился громким китовым призывом. Либо мальчишка прятал там последнего на планете выжившего представителя этого вида, либо на самом деле разыгрывал передо мной театр одного актёра. Или же просто не видел, черт возьми, что тянуть в рот. Мне захотелось перевернуть тарелку ему на голову. Поэтому я решил просто закрыть глаза на сидящий со мной за столом детский сад и наслаждаться пищей. В конце концов, пусть сдохнет от голода, я ему в няньки не нанимался. Как его там зовут? Шурупчик? А что, Гайка ведь же есть.

-Кстати, как тебя зовут?

-Не стоит загружать память.

-Думаю, на моём жёстком диске будет немного места для ещё одного слова.

Он продолжал молчать.

-Не скажешь, мне придётся самому придумывать, как тебя называть.

Его живот издал новую серию звуков, пока хозяин всё ещё копался вилкой в залитыми острым соусом спагетти.

-Зови как хочешь.

Мы могли бы и дальше сидеть, как два надутых морских ерша, но я снова прервал молчание

-Кто это сделал?

Я не мог заставить себя успокоиться: чтобы не смотреть на его запекшиеся в крови глаза, я постоянно отводил взгляд, но каждый раз казалось, что я всё равно на них наткнулся. Одно конкретное место было просто повсюду. Мальчишка безошибочно повернулся ко мне, с ехидной ухмылкой подперев рукой подбородок. Его аномальное для полуубитого всего несколько часов назад человека поведение меня пугало. Это не выглядело бы так жутко, если бы не красные белки глаз вместо зрачков.

-А что, пойдешь и разберешься? Списочек дать со всеми инициалами или только фамилии сойдут?

Я ответил злобной улыбкой.

-Поменьше издёвки, пожалуйста, и без соуса. Я смотрю, ты уже наелся?

Засвистел чайник, я же встал, собрал со стола тарелки и столовые приборы и нарочито близко от его лица пронёс его почти не тронутую порцию. Воздух вокруг вновь сотрясся от тирады желудка мальчишки. То ли он не любил макароны с тефтелями – еда была действительно отменной на вкус, - но мне почему-то казалось, что дело было совсем не в ней. Он играл передо мной спектакль, не доверяя, но не имея ещё достаточно сил, чтобы уйти.

Боже мой. Я даже отдалённо не мог представить, какого это. Всего ничего – может, какой-то миг – и мир вокруг резко сменяется беспросветной чернотой. Пустота. Словно навсегда отключили электричество. Смотря на это под таким углом, можно простить этому мальчишке даже больше, чем простые капризы.

Глава 7

Когда я был недоволен чьим-то поступком, моя мама говорила: «А теперь почувствуй себя на его месте». И тогда я представлял. Представлял, что бы сделал вместо него я и оценивал, как много времени у меня уходило на выбор и принятие правильного решения. Никто никогда не может знать наверняка, каким будет его следующий поступок. И далеко

не все из них мы можем объяснить после. Я не мог объяснить, что двигало им в ту ночь. Возможно, не мог и он. Я лежал на кровати, читая очередной приобретенный мной архитектурный справочник, когда груша за моим окном возмущенно затрещала. Одна довольно большая ветка наполовину отломалась от ствола и повисла на остатках коры; вниз, обрывая листья, мешком ухнуло что-то большое. Я вскочил с кровати и слетел по лестнице, едва ли успев подумать, что вообще произошло.

С непредсказуемостью этого мальчишки можно было бы легко представить, начини он выбрасывать в окно мои вещи. Но того, что он выкинет себя, я не мог ожидать никак. Возле груши на земле лежала присыпанная листвой тушка и вновь извергала проклятия. Кажется, теперь у неё была сломана рука. Отлично, я приютил мазохиста. Я вздохнул. Вздохнул, а затем вдохнул поглубже.

-Ты какого черта творишь, придурок?!

Моё терпение лопнуло. Уйти куда он всё равно был не в состоянии, так что торопиться мне не требовалось. Он замолчал. Притих. Я еле удержался, чтобы его не пнуть.

-Мазохист чертов.

И я взял его на руки и понес обратно в дом. Самое время для оценки моих умственных качеств.

-Готов?

-Мммммлнм!

-Вот и чудненько!

И я дернул. Все-таки полотенце в рот - замечательная идея. Надо было, правда, носок лучше запихнуть. Нам несказанно повезло: вместо перелома был лишь вывих локтя, довольно устрашающий, но поправимый. Взыв, как стадо напуганных быков на скотобойне, мальчишка извернулся и принялся бить по ногам своим неподбитым крылом. Но я был неколебим. Я дернул еще раз. Пусть помучается, видимо, ему приятно.

Я тут подумал: чем больше я вижу в своей жизни, чем дальше я захожу, тем черствее становлюсь. И это на самом деле безумно, безумно страшно. Я вздохнул. Теперь оставалось зафиксировать руку в одном положении на ближайшее время. Я отмотал и скрутил в верёвку длинный моток бинта, связал концы, зацепил за его запястье и перекинул через голову. Затем принялся крепко забинтовывать локоть.

-Тебе жить надоело? Ты зачем в окно полез?

-Ты бы без глаз, я смотрю, был бы шибко счастлив.

Я помолчал. Подумал, продолжая обматывать бинт вокруг его руки. Затем выдал:

-Я думал, ты сильнее меня.

-Это победа, друзья мои! Колоссальное достижение! Я предлагаю это отпраздновать!

Юсиф метался от человека к человеку с бутылкой шампанского в руках. Мне, как и всем присутствующим, был всунут бокал. Я задумчиво уставился на поднимающиеся со дна пузырьки. Юсиф же не переставал щебетать, словно репетируя торжественную речь на общественное открытие:

-Столько лет, столько лет мы ждали, и наконец-то настал этот знаменательный день! Я вас поздравляю!

Я понюхал содержимое своего бокала. Что-то внутри меня категорически отказывалось это пить. Нет, я, конечно, был безумно счастлив - если бы не толпа собравшихся в этом кабинете людей, я бы принялся скакать с радостными визгами, словно взбесившийся пони - но окружающая обстановка заставляла меня усмирить свой пыл и дать Юсифу шанс побыть клоуном за двоих. Дело в том, что прошлым вечером строители закончили последнюю

часть Акассеи. Оставалось лишь несколько вопросов касательно интерьера, которые уже решались на данный момент. Одним словом: всё.

Но было ещё кое-что. Почему-то когда я смотрел на весь этот цирк, моя радость сразу меняла свой привкус и казалась слегка подгнившей, как дыня, которую слишком долго откладывали на лучший день. Что-то было во всем этом неправильно, и я давился своим счастьем, ощущая себя последней эгоистичной скотиной на планете. Скотом, если быть точнее. Давиться ещё и шампанским мне совсем не улыбалось. А в это самое время за трубой в подвале в небольшом, выскобленном мной не без мук совести и страданий углублении в стене, лежала небольшая, но довольно тяжелая коробочка по имени Ленни и без перерыва через передатчик на крыше транслировала куда-то высокочастотный сигнал. Мои мысли не раз возвращались к этим двум. И не только мысли - я все еще навещал Джорджа время от времени. Однажды я записал на камеру несколько часов сменяющие друг друга на экране строчки кода, чтобы сравнить его с теми, что выдавал Ленни. Результат меня порадовал: символы совпадали. Повторяющиеся регулярно комбинации на обоих устройствах были совершенно одинаковыми. Следующий вопрос состоял в том, что они означали.

-Акассея будет самым лучшим и, несомненно, самым важным памятником в нашем мире.

Памятники. Теперь они стояли почти на каждой улице. После войны, масштабной и ужасающе кровавой войны, правительство одного из немногих оставшихся на Земле действующих населенных пунктов вложило просто колоссальную сумму денег в строительство памятников. Не стоит большого труда представить их страх того, что это может случиться снова. Я уже говорил про метро? Зато мои родители каждый месяц тщательно распределяют бюджет, чтобы выделить денег на пачку масла и коробочку хорошего чая.

Кто-то постучал в дверь кабинета. Я моргнул. Все посмотрели на стоящего на входе Генри. От такого количества внимания тот стал столбом в нерешительности.

-Здравствуйте, извините, ми-мистер Вольный, ой, в смысле, не мимистр - вы, конечно, совсем не мими... Не то, чтобы вы не могли быть мими, но... Ооф!

Генри попятился было назад, но натолкнулся на Юсифа. Тот слегка кокетливо отряхнул штанишки и поправил воротничок. Мне показалось, в его взгляде мелькнуло что-то раздражённое.

-Так что вы хотели, молодой человек?

Генри встряхнулся и поправил в руках документы.

-Там... Это... Пришли из журналов.

О нет. Вот и оно. Я услышал ядовитое хихиканье со стороны стоящего сбоку Эдди. Я резко выдохнул и влил себе в рот содержимое бокала.

-Расскажите немного об Акассее. Мы с нашими читателями, конечно, не профессионалы, так что многих нюансов и терминов вряд ли поймём. Могли бы вы объяснить как можно проще?

-Эммм, да, конечно. Сложно на самом деле выбрать, что вы ещё о ней не знаете, ведь Акассею разрекламировали со всех сторон. Но я попробую поведать о моём её восприятии.

Ещё в школе мы наизусть учили, что Акассея создавалась для сохранения всеобщего мира. На территории этого строения никто не имеет права оскорблять, унижать или наносить вред. Также внутри неё не существует разделяющих рамок. Я был ещё ребёнком; мы все очень усердно готовились к её открытию, так что, когда она рухнула, многие были в шоке. По городу везде появлялись памятники, а Акассея всё стояла в заморозке. Война закончилась совсем недавно, не осталось ни одной семьи, которая не потеряла бы на ней кого-то. Каждое утро идя в школу я выбирал путь, пролегающий мимо Жемчужины Мира,

и каждый раз надеялся увидеть, что работы на ней закончены. И вот, наконец, спустя столько времени этот день настал.

-А не раскроете ли вы секрет мне и нашим читателям, что же такое всё время так мешало завершить стройку? Неужели легенда о проклятии Акассеи - всего лишь миф? Или же просто вы на самом деле волшебник?

Что за бред. Отвечать на такие вопросы - самая мучительная часть проекта.

Давай же, улыбнись! У тебя же такое личико!

Мальчишка даже не знает обо всем, что происходит в проекте. Его взяли как ширму с красивым личиком.

Я отвёл взгляд, делая вид, что поправляю воротник рубашки - чёрт возьми, я, кажется, становлюсь похожим на Юсифа - и растянул улыбку с новой силой.

-Как говорится в одной очень старой сказке, "Я не волшебник, я только учусь". На самом деле на самой стройке и в здании не было особо страшных проблем, больше мешала путаница в документации и отчетах. Словно где-то в канцелярии сидел один вредный гном, путающий все бумажки.

Я рассмеялся и тут же замолк, почувствовав, как по спине бегут мурашки. Этот глянцево-смех напугал меня до самых чертиков, заставив моё еле живущее настроение покрыться зеленой плесенью.

Господи, во что я превращаюсь.

-Улыбочку! Посмотрите, пожалуйста, в камеру - мы сделаем ваш снимок!

Я ожидал, когда это произойдёт. Каждое утро я поднимался и тихо подходил к двери в его комнату. Затем заглядывал внутрь. Бог знает, что я ожидал увидеть, но каждый раз вид спящего мальчишки поднимал во мне бурю эмоций. Если я так ждал, что он свалит, откуда бралось это необъяснимое волнение, заставляющее ладонь нерешительно замереть на дверной ручке? И откуда бралось это проклятое облегчение, словно из ведра окатывающее меня ледяным душем? По какой-то непонятной причине - еда на халяву? Но ведь он упорно ничего не ел! - мальчишка решил обжечь соседнюю с моей комнату. Наверное, его сильно зацепили обои с разноцветными лошадками - раньше там, видимо, жила маленькая девочка - или же мягкие плюшевые зайчики, увидеть которые он физически никак не мог.

Это был, по-моему, двенадцатый день его голодовки. Я пришёл с работы, на которой мне пришлось несколько часов улыбаться репортёрам с фотоаппаратами и диктофонами. Я радостно скинул свои туфли и прошёл на кухню. Пакет с хрустом тяжело приземлился у моих ног, давая повод забеспокоиться о целостности яиц. Но это было не важно, это вообще, чёрт возьми, не беспокоило меня, потому что на полу, перевёрнутый, весь в рассыпанных вокруг собственных внутренностях, лежал цветочный горшочек с чаем. Я кинулся к нему, готовый оказать первую помощь, будь то хоть искусственное дыхание, и принялся лихорадочно собирать с пола чёрную землю.

-Что за фигня у тебя стоит в горшке? - услышал я со стороны двери.

Возле распахнутого настежь холодильника сидел мальчишка, жевал батон и запивал его молоком из бутылки, которое я день назад купил на улице у приветливой старушки в тёплом вязаном платке. Вокруг него выпал снег белых крошек. Я нежно поправил растение и чуть-чуть притоптал вокруг него землю.

-Не твоё дело. Главное - не трогай ничего на подоконниках, - прорычал я.

Тот хмыкнул, не переставая жевать. Затем он шумно вдохнул воздух и выдал:

-Твоим яйцам кранты.

-Неужели? Тебя это беспокоит?

Мальчишка расхохотался, чуть не подавившись молоком, которое в этот момент пил.

-Один-один, симпатяжка.

Я поставил горшок на подоконник и принёс веник с совком. Симпатияжка, у этого слепого парня явно огромный оптимизм.

-За стол сядешь, или с пола есть удобнее?

Тот откусил от батона ещё один кусок и задумчиво зажевал его, устроив ещё один мини-крошкопад.

-Пожалуй, я мог бы и встать. Здесь слегка прохладно.

Не спеша, он подsunул под себя ноги и встал, держась за дверцу холодильника. Булку из рук так и не выпустил, вновь откусил прямо от батона целый шмоть и принялся его хомячить, упорно двигая челюстями. Я поднял с пола пакет и с опаской заглянул внутрь.

-Ну что, яишницы?

-Я же надеюсь, ты купил майонез?

Парнишка уже добрался до стола, ощупывая все, что попадалось на его пути на расстоянии вытянутой руки. Найдя стул, он грациозно развалился на нём, раскинув ноги в разные стороны. Я фыркнул, закрыл дверцу уже полного холодильника и пнул его валявшуюся на проходе ногу.

-Обойдешься. Так поешь.

Мальчишка наигранно вздохнул и зажевал ещё кусок. От целого батона уже осталась седьмая часть.

Какое-то время, пока я жарил яйца, мы молчали. Он дожевывал последний булочный кусок и жадно принюхивался, я же задумчиво старался предположить, сколько в него теперь после такой голодовки влезет.

-И как же его, интересно, зовут?

-Кого, майонез?- я потерял нить разговора.

-То растение, с которым я случайно столкнулся на подоконнике.

-Оно тебя случайно по голове горшком не шарахнуло?

-Да брось, ты явно один из тех людей, кто дают имена всему, что стоит, молчит или движется. Это единственный цветочный горшок в доме, который стоит к тому же на кухне.

Он тряхнул своими косичками - бисерины затрещали, столкнувшись друг с другом.

-Признайся: для компании ведь поставил?

Я кинул в него прихваткой, не удержался. Та пролетела мимо его лица и шлепнулась о стену.

-А как тебя зовут, мистер "ЗовиМеняКакХочешь"?

Яйца на сковороде зашкворчали громче, я хотел было убрать их с огня, но не нашёл прихватки и отправился за ней на другой конец кухни. Вернувшись, принялся оттирать еду от антипригарного покрытия.

-Что, фантазии, самому придумать, не хватило?

Я поставил перед ним тарелку, а сам сел есть со сковороды. Мы накинулись на еду. Я жевал и бросал взгляды на мальчишку: тот нащупал на столе вилку и принялся наудачу пилить её краем содержимое тарелки. Жидкий желток вытек из своих границ. Самое вкусное ведь. Я вздохнул и махом отправил свою порцию себе в рот. Затем поставил сковородку обратно на плиту.

-Дай сюда.

Я отобрал у него вилку и отпилил кусок. Затем наколол его, обмазал его в растёкшемся желтке и поднёс к его рту. Тот упёрто сжал зубы.

-Ну же, не упрячься.

Мотнул головой.

-Как маленький ребёнок, честное слово. Ты хочешь есть или нет?

Его губы были измазаны в желтке.

-Это унижительно,- процедил мальчишка сквозь сжатые зубы.

-То есть тебе только сейчас стало стыдно, да?

Довольно забавно, учитывая, как состоялась наша вторая встреча.

-То есть ты хочешь сказать, что стыдиться мне уже нечего?

Я опустил вилку обратно в тарелку. Не хочет есть - не мои проблемы.

Я задумался: а знает ли он, что я - это я? Тот самый трус с разными глазами, который прятался на свалке за листом железного мусора? Алекс Бэй, инженер реставрационных работ по нашумевшей Жемчужине Мира? По всему выходило, что нет. Он и понятия не должен был иметь о том, в чей дом случайно завалился. Парнишка, однако, не стал долго терять время: как я откинулся на спинку своего стула, он нашарил на столе вилку и подтянул тарелку к себе. Голод не тетка. Я вздохнул.

-Денни.

-Чего?

-Растение в горшке. Это чай. Его зовут Денни.

Найдя вилкой на тарелке яйцо, он наколол его и целиком запихнул в рот. Услышав моё уточнение, парень хрюкнул и проблеял с набитым ртом что-то короткое, похожее на слово «гей». Я обиженно фыркнул: это было уж слишком.

-Ну, знаешь ли... Мне надоело возиться с неблагодарным ребёнком.

Я встал и отодвинул стул – тот заскрежетал ножками по кухонному полу. Тоже мне, принцесса. Мальчишка принялся яростно жевать, открыл было рот, но подавился и громко закашлялся. У двери меня настиг его хрип:

-При.. гхе... дурок. Я говорю: Рей. Гхе-гхе. Меня так зовут.

На английском языке «рэй» переводится как «луч». Луч. Солнечный луч, заражающий своей чёртовой яркой улыбкой. Избыток энергии, не дающий спокойно сидеть на месте, постоянные пританцовывания в такт своим размышлениям, временные похихикивания – словно светящийся детством ребёнок. Наташа Ростова.

Эта неожиданная мысль заставила пробежать волны мурашек по моей спине. Что за глупости, да в «Войне и Мире» было полно легкомысленных радостных персонажей. Если речь идёт вообще о легкомыслии. «В грозы, в бури, в житейскую стынь, при тяжелых утратах и когда тебе грустно, казаться улыбочивым и простым — самое высшее в мире искусство».

По окну ползла гусеница, проворно пролезая под покорёженным чем-то дворником. Резина истерично моталась и тёрла старое стекло, но упёртое насекомое оставалось на своём месте, лениво перебирая лапками.

-Шеф? Шеф!

Я очнулся.

-А?

-Приехали, шеф.

Полноватый водитель в серой майке и густой щетине пошкрёб щёку.

-Куда выгружать? За погрузку берётся отдельная плата.

-Выгружать? Нет, не надо, спасибо. Подождите тут.

Я вылез из кабины грузовика и прыгнул на землю. Солнце ярко грело, сегодня я надел светлую шляпу соломенного цвета с подогнутыми краями.

-Начальник!

Ко мне подбежал Ванька.

-Скажи старшим: привезли мебель. Надо разгрузить, хорошо?

Мальчишка посмотрел на грузовик, затем на меня, кивнул и побежал обратно. Через полминуты из-за ворот вышел Пётр в сопровождении двух рабочих, кивнул им на машину, а сам подошёл ко мне.

-Начальник?

У всех вместо тысячи слов. Я хлопнул и потёр ладонями. Настроение у меня было приподнятое.

-Спешу поздравить вас с окончанием строительства. Мы наконец-то это сделали.

Пётр посмотрел на меня пристальным, подозрительным взглядом, затем мотнул головой и кивнул. Сделав вид, что не насторожен таким неопределённым поведением, я прошёл за строителем в Акассею.

Туристическое пристанище исчезло с первого этажа. Вместо спальных мешков и матрасов в холле стояли большие обитые кожей светлые диваны, а в центре - низенький стеклянный стол на позолоченных ножках. По углам в горшках раскинулись декоративные деревья. Среди всего этого великолепия ходила уборщица со шваброй в руках. Мы стали подниматься по лестнице.

-Ну, начальник, наша работа сделана. Принимай. Правда, неплохо было бы поблагодарить чем-то посущественнее.

Мы вышли на лестничный пролёт между вторым и третьим этажами.

-Я уже удостоверился в том, что зарплату вы получите. В бухгалтерии вас уже ждут.

Пётр вновь бросил на меня внимательный взгляд. Я сделал невозмутимый вид и усердно осматривался вокруг, оценивая интерьер, продуманный десятками бессонных ночей в желании довести его до настоящего совершенства. Алекс внутри ликовал, мой маленький ненасытный перфекционист-архитектор, впервые создавший что-то стоящее. На эти несколько мгновений я совершенно забыл про все переживания и проблемы, настигнувшие меня за последнее время. Вот он я, и я поднимался по лестнице, я шёл по полу огромного, важнейшего здания во всём мире, и вовсе не потому, что оно предназначалось для проведения каких-то важных переговоров. Вовсе не потому, что на её территории неизменно царил равенство для всех живых и существующих особей. Это здание было особенным потому, что его построил я. Какой-то никчёмный, незначительный, глупый мальчишка, которому все указывают, что ему надо делать. Сентиментальный ботаник, не способный постоять за себя, перебегающий в кровать младшей сестры после страшного сна и избегающий столкновений с задирами-одноклассниками, - какое-то мелкое существо, создал что-то своё. Акассея – всё, что у меня теперь было.

Ты бы её видела, как бы я хотел, чтобы ты была здесь.

У меня на глаза навернулись слёзы. От стыда щёки сразу вспыхнули, и я поспешно сделал вид, будто просто неудачно зевнул. Работники уже становили последние столы на верхнем этаже. Пётр остановился посередине зала. Он вновь смотрел на меня, чего-то ожидая.

-Вы выполнили прекрасную работу,- сказал я ему, стараясь не терять лица и выглядеть как можно солиднее.

-Не хотите ли спуститься в подвал?- Неожиданно спросил старший строитель. Вот где у нас собака зарыта. Что-то подсказывает мне, что скоро где-то тут будет зарыт и самовольный любопытный инженер. Главное - оставаться невозмутимым.

-Что-то не так с подвалом?- Спросил я.

Петр вновь смерил меня странным взглядом. У меня возникло ощущение, что меня собираются замуровать в этом подвале. Строитель почесал нос.

-Начальник, есть разговор.

Мы отошли в сторону.

-Вы знаете, о чем я хочу поговорить. Время истекло, я жду результатов.

Я засунул руки в карманы.

-Извините, Петр, но это больше не ваша проблема.

Включаем режим строгого начальника. Строитель подошел ближе - теперь он возвышался надо мной, как скала.

-Знаешь, кому в первую очередь попадет, если эту чертову штуковину обнаружат? Так что это в первую очередь *моя* проблема.

-Я пока ещё ваш непосредственный начальник. И я не припомню, чтобы я разрешал вам обращаться ко мне на "ты".

-Ты хоть понимаешь, что творишь? Или просто хочешь сделать что-нибудь противозаконное?

Я ответил ему злым взглядом. Потому что я сам не знал.

-Где он?

-Кто?

-Та адская штуковина, передающая что-то непонятно куда. Ты же не убрал её, не так ли? Одумайся, пока ещё не поздно!

Я поднял взгляд и уставился прямо в глаза строителю.

-Думаю, это всё, что вы хотели мне сказать. Извините, но у меня куча дел.

-Дяденька, возьмите щеночка.

Как часто происходят похожие вещи. Каждый день мы встаём по громкому крику будильника, пьем кофе заменяющую жижу, идём на работу. Проходим по тем же переходам, мимо тех же домов, магазинов, вывесок. Стоим на тех же остановках в ожидании тех же маршруток, автобусов, троллейбусов. И всё знаем наизусть. Да? Ну и какого же цвета табличка на вашей остановке? Есть ли мусорка у двери соседнего дома? Нам дан такой замечательный шанс, время и возможность жить, делать то, что хотим, совершенно не зависимо ни от чего. И что же мы? Растаптываем все в обычный кусок повседневности.

Человек жадный, человек лелеет своё я. Даже самый правильный из нас время от времени тайно жалеет своё самолюбие. Это никак не отменить, оно заложено в нас природой. Борьба за существование, естественный отбор. У людей этот механизм давно сломан: сколько бы у него ни было, ему всегда хочется больше требуемого. Стремление к власти и облегчению жизни порождает прогресс. Тяга к познанию. Развитие. Как все взаимосвязано, просто с ума сойти. Но все в мире относительно, все циклично и замкнуто, как линии магнитного поля. И повторяется, повторяется с ужасающей схожестью, дяденька, возьмите щеночка, и холодный, вечный ветер проникает под куртку. Этот прогресс породил войну. Жадность? По сути, если думать слишком резко, любая война вызвана жадностью. Ведь ничто, подобно энергии, не берётся из ниоткуда и не девается никуда. И если где-то чего-то не хватает, значит где-то этого много. Но людей много, их катастрофически много на этой планете почти без ресурсов, которых так мало, как начинки в булке из придорожного ларька, и вот эта тёмная ночь, и дяденька, возьмите щеночка...

Послышалось жужжание мотора, и я нахожу себя закрывающим своим пальто от полицейской машины маленькую девочку с трехлапым щенком на руках. Всего лишь обычный жест, но что же он значит? Зачем?

С каких пор я перестал доверять полиции? Кому я вообще доверяю? Кому я могу доверять?

Сковородка громко зашипела, плюясь в разные стороны каплями горячего растительного масла. Не найдя под рукой ничего кроме коробки от фарша, я вывалил туда треть пожаренных пельменей. Щенок резво подскочил к импровизированной миске на своих трёх лапах и принялся. С подозрением лизнув горячую еду, он дернулся, чихнул,

после чего принялся за жратву. А я ещё переживал, что не смог зайти в магазин за собачьим кормом. Оставив собаку наслаждаться едой, я пошёл кормить второго инвалида.

Он лежал на кровати, уставившись в потолок открытыми невидящими глазами. Я как всегда нерешительно остановился в проёме двери и тихо постучал сгибом указательного пальца о дверную раму. Почему-то мне всегда было жутко неловко заходить в одну с ним комнату. По какой-то совершенно непонятной мне причине меня охватывали чувства стыда и вины, длящиеся ровно до того момента, пока мальчишка не открывал свой умный язвительный рот. Я немного подождал, стараясь понять, спит он или просто не хочет со мной общаться. Прошло несколько минут. Рэй не двигался, словно литая статуя лежащего на кровати человека. В итоге я сдался. Накрыв парня ажурным покрывалом когда-то живших в этом доме хозяев, я направился было обратно. Однако как только мои пальцы коснулись переключателя света, за моей спиной прозвучал голос:

-Оставь.

Рука замерла на месте. Я обернулся. Над кроватью взметнулась черная коробочка.

Щелкнула кнопка, и в комнате зазвучал мой голос:

"Сегодня мне в голову пришла странная мысль. Я думал обо всей этой странной ситуации, об этом мальчишке. Думал, что же он за герой. Неужели это и есть Наташа Ростова?"

Он вновь щелкнул кнопкой.

-Ты гораздо больше Пьер Безухов, чем Болконский. Или Николай Ростов.

Я не мог понять, злится он или нет. Его лицо не выражало никаких эмоций, словно оно было отлито из гипса. А ещё я не мог понять, откуда у него, черт возьми, мой диктофон?! Всего за несколько секунд меня перемял целый калейдоскоп разных чувств. Сначала мне стало дико стыдно. Затем страшно. Я суматошно начал вспоминать, что такого ужасного успел туда наговорить. Потом - вот почему-то только теперь - я разозлился.

-Какого чёрта, черт возьми?!- У меня аж слова закончились.

Я подошел и начал вырывать устройство из его крепко сжатой руки. Какое-то время мы так повозились, не говоря ни слова. В конце концов мне пришлось прибегнуть к механической помощи своей левой руки. Только тогда упертая клешня цепких тощих пальцев наконец разжалась, и я отобрал обратно свою коробочку личных сопливых сентиментальностей.

Он даже не сдвинулся. Даже позу не поменял! Все лежал на спине, уставившись белками глаз в потолок. Захотелось скинуть эту тощую тушку с кровати и пнуть. Лежачих не бьют? Так поставим!

-Пошли есть,- пробурчал я, так и не сделав больше ничего. Ещё немного, и этот мальчишка заберется ко мне на шею, а я так и буду смотреть на него, терпеливо отбирая из цепких любопытных ручек ножики, документы.

Пельмешка натолкнулась на мою вилку, и четыре зубчика наконец-то проткнули её пузо, выпуская остатки бульона. Рэй угрюмо засунул её себе в рот и принялся жевать. Щенок обнюхивал его ноги, тот в ответ упорно пинал бедное животное.

-Зачем ты его притащил? - спросил он.

-Может быть, мне одиноко.

Ещё одна пельмешка с моей помощью отправилась на растерзание мощными челюстями. Рэй пошевелил пальцами ноги, и щенок принялся их увлечённо лизать. От такого обилия любви мальчишка психанул и принялся топотать по полу, словно испугавшаяся таракана девушка. Я прыснул. Мальчишка резко успокоился и продолжил есть, безошибочно тыкая вилкой сразу в пельмени. Спустя несколько минут он сглотнул и заговорил:

-Почему?

-Что почему? - не понял я. Мне показалось, что я как-то вдруг умудрился пропустить половину диалога. Хотя с этим мальчишкой никогда не ожидаешь, что он скажет в следующую секунду.

Он засунул в рот последнююпельменину с тарелки, прожевал её и проглотил.

-Алекс Бей. Благодаря СМИ ты – нашумевшая фигура в этом городе. Если бы ты знал, как я тебя ненавижу.

Наступила минута молчания. Я понятия не имел, как реагировать на такое утверждение. В его голосе не чувствовалось издевательства, намеренной попытки разозлить или унизить; он говорил это просто и спокойно, словно озвучивая какой-то факт. И от этого стало жутко. Настолько, что я даже не знал, что делать после такого странного откровения. Спустя какое-то время засвистел чайник. Я поднялся, чтобы уговорить его, и тогда услышал за спиной тот же голос:

-Тебя катастрофически пихают просто везде: в каждой газете, на обложках журналов, реклама на улицах. Казалось, скоро даже туалетной бумаги не останется без твоей смазливой милой мордашки. Словно сироп поверх ненавистной манной каши, которую отчаянно пытаешься закрыть, чтобы она не казалась такой гадкой. Алекс Бей разработал новую планировку. Алекс Бей поддерживает проект по очистке загрязнённых лесов. Алекс Бей посещает детский дом с рассказом о важности мира в нашей жизни. Алекс Бей попал в аварию. Живи, Алекс! А люди тысячами живут в этой дыре без прав на защиту своих моральных ценностей и полной неприкосновенности. Дети умирают от холода в неотапливаемых заброшенных домах, которые из-за костров ежемесячно сжигают пожары. Держу пари, ты не знал? От тебя скрыли.

Он захихикал.

-Знаешь, что смешно? Я теперь не вижу ничего. Но и твоё личико я теперь тоже не вижу! Но вместо этого теперь стал одним из твоих бедненьких подопечных. И даже после этих слов ты не сможешь выкинуть меня на улицу. Ответь мне на чёртов вопрос: почему ты такой хороший?

Рука моя дрогнула, и кипяток пролился из чайника на правую ладонь. Зашипев, я подскочил к умывальнику, чтобы подставить конечность под струю холодной воды. Рэй какое-то время опять помолчал.

И затем вновь вернулся обычный истерически хихикающий чудак с глупыми подстрекающими шуточками.

Ночью вновь случилась сильная гроза. Деревья на улице трепало, что по стенам метались самые жуткие тени. Вода упорно стучалась домой, словно яростный недовольный сосед снизу. За окном сверкали молнии, а стёкла то и дело сотрясались от грохотаний грома.

Я проснулся около двух часов ночи, сам точно не понял, от чего именно. В этот момент на улице громыхнуло с удвоенной мощью. На первом этаже с ума сходил от лая и скулежа щенков, забившись в какую-то щель, которую я так и не смог обнаружить. С каждым раскатом грома завывания подскакивали на тональность, после чего вновь ненадолго затихали. Дальше я прошёл в гостиную. Споткнувшись пятнадцать раз и найдя мизинцами ног все диваны, кресла и тумбочки, я медленно опустился на корточки и заглянул в камин. Кажется, на несколько минут я даже заснул. В конце концов я плюнул на поиски и решил вернуться в комнату .

У его двери я вновь затормозил. Интересно, а он тоже проснулся? Я приложил ухо к холодной поверхности двери и прислушался. Не знаю, что именно я собирался там услышать на фоне раскатов грома и воя перепуганной собаки, но этот звук, как и ожидалось, прошёл мимо меня.

А ну к чертям этого неблагодарного ребёнка! Я ему, кто - нянька?

Я психанул и пошёл дальше к своей комнате. Не дошёл, вернулся и тихо приоткрыл дверку.

На кровати лежал завернутый в одеяло комок. В момент, когда я заглянул, он старался зарыться в него с головой ещё глубже. Ветку груши кидало в окно, и она отчаянно скреблась внутрь, словно последний опоздавший на забитый под завязку автобус человек. Гроыхнул гром, и дом накрыла новая волна испуганного визга. Я зашел в комнату. Стал. Что мне было делать? Уйти? Послышался тихий всхлип. Нет, уйти я не мог. В этот момент за окном сверкнуло так, словно кто-то на секунду включил солнце. Последовал оглушительный грохот, и что-то снаружи громко затрещало. По стенам заматались тени, и фонарь, до этого слегка мерцавший на улице, погас. Наступила тьма. Со стороны кровати до меня донеслось хаотичное шевеление. Я аккуратно подошёл и медленно и лег рядом с ним, приземлил тяжелую голову на мягкую прохладную поверхность подушки. Комок вздрогнул. Я положил руку на него сверху. Мы оба замерли. Кровь шуршала в ушах, перекрывая звуки грозы. Через полминуты край одеяла слегка приоткрылся, и мне показалось, словно из-под него сверкнули два невидящих глаза. Я зачем-то в ожидании задержал дыхание. Я ждал, что он скинет меня со своей кровати, засмеется прямо мне в лицо и начнёт унижать. Рэй зашевелился: он оттолкнул мою руку, высвобождая себе пространство для движения. Мальчишка вытащил из-под себя край одеяла и накинул его на меня. Теперь мы лежали в одном большом шерстяном коконе, согреваемые горячим теплом друг друга.

А снаружи бушевал огромный монстр, который жил за моим окном.

"-Выключи фонарик.

-Зачем?

-Прошу тебя, выключи! И не смотри на меня так, мне страшно!

-Да тише, не кричи ты так! А то он нас услышит!

Я зажал нос, чтобы подавить всхлипы. Сопли сразу полились на пальцы.

-Пока мы здесь тихо-тихо, он нас не достанет.

ГРРРРРУММ!

-Слышишь? Это он злится, что не может достать нас.

-Мая, мне страшно!

-Да тише ты!"

Каждую ночь монстр появлялся за окном и прятался в тени нашей раскидистой груши. В ясные ночи он набирался сил и лишь тихо поскрипывал оттого, что не мог до нас добраться. Но во время дождей и ураганов он пробуждался и с громким воем начинал ломиться к нам в комнату.

Он вернулся. С громким ревом он продолжал рваться в мой дом, а я лежал под одеялом, обнимая существо, о котором едва ли что-то знал наверняка.

Глава 8

Его ищет Юсиф. Не знаю и даже не могу представить, что такого натворил этот мальчишка, но он умудрился вляпаться настолько, что чуть не лишился жизни. И притом, насколько я понял, оказался единственным и случайным счастливым, удостоенным счастья выжить.

Что этот ребенок вообще делает в техзоне?

Я слышал о таких. Дети киборгов, высланных из города. Своим, хотя и совершенно очевидным, появлением они озадачили все правительство.

Дети-то были целые. Совершенно обычные, без грамма железа. Что же с ними делать? Просочившись в массы, эта информация, хотя, как я уже и сказал, совершенно очевидная,

всколыхнула толпу. Почему никто не подумал о детях? Какое-то время имели место быть проекты по переселению отпрысков в специальные городские дома и общежития - я даже видел парочку таких учениками в моей школе - но вскоре и он смялся и затих, растворившись в недовольстве несчастных матерей.

Мой будильник остался у меня в комнате. Не знаю, сколько ему пришлось надрываться, но все эти труды оказались тщетны. Я проспал. Мне кранты. Мистер Вольный отправит меня на волю, пожелав больше не возвращаться. Открыв глаза, я посмотрел в потолок и тут же вскочил с кровати, ошпаренный посетившей меня мыслью. Рэя в комнате не оказалось. Я был в ней один.

Не успев заморочиться по этому поводу, я мгновенно вылетел из-под одеяла и на всех парах поскакал собираться.

Пьер Безухов, неуклюжий граф, получивший свой титул случайно благодаря никем не ожидаемому завещанию своего незаконного отца. Мечущийся между всеми и всем, не знающий, куда ему можно приткнуться. Человек, ведущийся на поводу у любого встречного ему по жизни. Личность, олицетворяющая чувствительность и неоднородность.

Чем больше перебираешь это описание, тем становится неприятнее. Словно человек, читающий симптомы смертельной болезни и тут же находящий их, все за одним, на своей жалкой тушке.

Этот диагноз насмешливым голосом звучит в голове, хихикая над моей глупостью. Я - ничтожная безвольная гусеница на огромной ветке этого оставшегося в живых мира, всего в нескольких десятках сантиметров от огня революции. Именно это чётко говорили бешеные зрачки Юсифа всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

-Ты...- прошипел он совершенно не свойственным его раннему поведению низким тоном,- червяк, хочешь нам все испортить?

-Я.. Простите, я опоздал, больше такое не повторится. Я обещаю.

Затылком я ощущал холодную плитку нашего рабочего туалета. Низенький старичок с удивительным проворством держал меня в тисках, умудряясь смотреть мне прямо в глаза.

Говорят, что, если человек смотрит на то, что ему нравится, его зрачки значительно увеличиваются в размерах. Так вот, зрачки Юсифа были просто бездонны. От такой любви мне становилось совсем не по себе.

-Не повторится, я об этом позабочусь. Не знаю, какую игру ты затеял, шенок, но повернуть тебе её не удастся.

Он окончательно вжал меня в плитку, ухватив в тиски шею. Я вдруг понял: мое опоздание на контрольную презентацию было далеко не главной причиной данной реакции. Потому что вчера он ездил собирать финальные отчеты на стройке.

Балда.

-Где он?

-К-кто?- прокудахтал я. Начальник окончательно снял с себя конфетную обертку.

Скрипнув зубами, он повторил:

-Где эта чертова механическая штука, что ты нашёл в подвале Жемчужины Смерти?

-Вы о чём?

Зрачки приблизились ко мне. В моё лицо полетели частички слюны.

-Ты хоть знаешь, сколько времени и трудов стоило врачам, чтобы заштопать обратно это милое личико, не оставив и следа от шва? Тебе остаётся теперь только мило улыбаться и светить этим самым личиком везде, где мы тебе скажем. И только так и никак больше.

Его цепкие пальцы крепко вжимали мою шею в стену мужского туалета. Я смотрел в черные бездонные дыры и чувствовал, как внутри меня все сжимается, ощупываемое липкими пытливыми невидимыми ладошками.

В фольклоре жителей острова Мэн существовала легенда о Баггейне - злокозненном оборотне, ненавидящем людей. Он притворяется человеком, чтобы легче было подыскать себе жертву. На этот раз жертвой был я. И Баггейн сбросил свою фальшивую кожу.

А у меня дома находился тот, за чьей задницей он яростно охотился.

Я - ничтожество. Глупая марионетка, пытающаяся дотянуться до лежащих всего в нескольких сантиметрах от неё ножниц. Марионетка, рассчитанная на единственную функцию - по воле кукловода улыбаться с плакатов, закрывающих настоящее строение государственной картины. С древних времён сложился общинный способ управления государством. Людей объединяли в группы, давали на всех общую собственность - а главной собственностью всегда считалась земля - и собирало с этих групп общие налоги. Нет ничего удобнее, чем требовать со всех сразу. А потом давать им надежду. Подарить существенную мотивацию, способную каждого человека примирить с любыми трудностями и унижениями на пути. Страх – нет, не страх держит людей в послушании: надежда.

Мир в нашей жизни – вот что важно. Главное – сохранить жизнь без войны. Мы построим самое дорогое здание заседания на ваши деньги. Мы улучшим административное устройство страны. Мы будем делать всё, чтобы другие страны были нам дружелюбны. Правда, из-за заражения земель и недостатка ресурсов вам придётся голодать, замерзать и пить грязную воду, дышать отвратительным воздухом. Умереть от недостатка в больницах средств для лечения радиационных болезней. Но ведь это всё ради мира. Поверьте Алексу Бэю.

Всего несколькими часами ранее произошла одна из самых неожиданных для меня встреч. Даже пригвожденный за шею в мужском туалете к стене и пожираемый ненасытными бездонными глазами Баггейна, я все равно в мыслях возвращался к ней.

Я опоздал на главную основную презентацию Акассеи. Я ворвался в здание спустя почти час после начала и бешено взлетел наверх. Перед дверью в аудиторию я слегка затормозил и попытался успокоить дыхание, однако сильно это мою презентабельность не увеличило.

-А вот и наш инженер-архитектор!- подшептал ко мне Юсиф, как только я появился в дверях.

-Прошу прощения за небольшую заминку, надеюсь ожидание не сильно испортило ваш настрой. Давайте же перейдем к делу!

Юсиф продолжил лить на всех словесный сироп, пока я принялся распаковывать документы. И тут я заметил её.

В дальнем углу стола сидела слегка пухленькая девушка с длинным вьющимся локоном, спадающим на лицо. Она упорно делала вид, что была крайне поглощена юсифской конфетностью. За эти пять лет она слегка похорошела и избавилась от прыщей, хотя и обзавелась вместо них огромными синяками под глазами. Но я ее все равно узнал, так ясно, словно видел день назад. Это была Кэсси Клер. Та самая Кэсси Клер, рядом с которой я когда-то заминался, не зная, с чего начать разговор. Та самая Кэсси Клер, которую я вместе со школьными мальчишками обзывал женой киборга. И именно она теперь сидела по правую руку от депутата Городской Думы, которая яро заботилась об ограждении общества от всего технически связанного населения

Как, однако, непредсказуема бывает жизнь.

Я медленно достал бумаги и сел на место в ожидании своей очереди на презентации.

Она сидела ровно, словно по струнке, вытянув спину и сведя назад лопатки. Её глаза смотрели на показываемые графики и фотографии, однако не выражали совершенно ничего, словно их хозяйка находилась далеко вне аудитории. Я старался не смотреть в её сторону, сосредоточившись на докладе. Зачем мне эта девчонка? Что я, девчонок не видел? Вот уже пошла учетная таблица материальных расходов на возведение

международного Дома Свобод и Демократии, называемого также "Акассея". За несколько минут она даже позу не сменила, сидела себе и сидела, даже как-то неестественно. Вскоре Юсиф принялся обращаться ко мне, уточняя какие-либо производственные вопросы. В эти моменты все смотрели на меня. Но кроме нее. Тогда я понял, что она делает это специально. Она специально старалась не смотреть в мою сторону. Потому что она тоже меня узнала. Хотя - почему именно узнала?- она меня помнила.

Появление этой девчонки смяло в комок все мои чувства и мысли. Если что и казалось мне когда-то в мире стабильным - так это принципы Кэсси Клер. Упорство и независимость от толпы, способность противостоять всем и сразу,- вот за что я симпатизировал прыщавой юркой девчонке с рыжими косичками. Целый несущий столб моего скудного детства основывался на этом четком впечатлении, и сейчас он неслабо пошатнулся и осел, грозясь обвалиться на другие. Потому что если даже та, кто сутками зимой сидела на самовольных противозаконных митингах перед зданием городского законодательства, после чего отсыпалась в детской исправительной комнате, - если даже эта девчонка теперь сидит в рядах людей, против которых так яростно боролась - то что говорить о мире?

Я поймал её в коридоре. Специально стал в проходе, принявшись рыться в сумке. Кэсси Клер остановилась. Я продолжил копаться в бумажках, перебирая их одну за другой уже в пятидесятом порядке. В голове я лихорадочно придумывал наиболее эффектный и подходящий способ начать разговор. Кэсси скрестила руки на груди и принялась поглядывать на часы. В конце концов мой портфель сам не выдержал нерешительности хозяина и вывернулся, выплюнув на пол все свое содержимое. Все мои блокноты, ручки и даже расческа, которую я зачем-то решил взять, рассыпались вокруг. Девушка охнула и принялась мне помогать, вероятно, испугавшись, что я задержу её в этом проходе до самой старости. Вдвоём мы ползали по полу в узком коридорчике. А я думал, что вот сейчас её прямо никак нельзя отпускать. Я должен был сказать или сделать что-нибудь, что угодно, только бы не дать ей уйти вот просто так. Что-нибудь, даже безумное, что бы сделал тот же вредный мальчишка. Интересно, а что бы он сделал?

И тут я неожиданно сел на пол поперёк всего небольшого коридорчика, оперев ноги в стенку.

-Вы так внимательно слушали мой доклад на презентации, что я просто не прошу себе, если не спрошу ваше мнение лично. Итак, что же вы думаете об этом проекте?

Кэсси Клер раздраженно убрала с лица выбившуюся прядь волос. Моя наглость начала приводить её в ярость.

-Молодой человек, я тороплюсь. У меня нет времени на ваши заигрывания.

Она попыталась перешагнуть меня, но я упер одну ногу выше по стене - на высоту, уровень которой ей мешала перешагнуть узкая юбка.

-Я всего лишь исполняю свою работу,- постарался я сделать обиженный голос,- очень важно, чтобы Акассея приносила пользу нашему обществу.

Прядь вновь упорно заняла не свое место, и девушка попыталась сдуть её с лица.

-Вы хотите знать, что я думаю обо всем этом цирке? Всё это представление - лишь дорожный кусок мусора, а вы - просто главный глупый клоун. А теперь, если у вас все, освободите проход людям, занятым на настоящей работе.

Она наклонилась, подняла с пола и кинула в меня мою шляпу, задрала повыше юбку и перешагнула через моё туловище. Я задумчиво проводил взглядом эту девушку по имени Кэсси Клер.

Возле дома я уловил совершенно неожиданный звук, заставивший меня ускорить шаг. Несомненно, хоть и крайне странно, было то, что он исходил со второго этажа моего

пристанища. Кто-то играл на моём фортепиано. У входных дверей я стушевался. Кто там такой? Может, пришёл грабитель, вырубил мальчишку и.... увидел инструмент и не смог противостоять своему внутреннему музыканту? Творческий банкрот? Обедневший Паганини?

В таком случае в качестве оружия мне подойдёт уже знакомая старая добрая кочерга. Достав её из корзинки для зонтиков и крепко сжав рукоятку, я на всякий случай осторожно принялся подниматься по лестнице.

Не сказать, чтобы играл выдающийся мастер. Музыка петляла, часто резко прерывалась и начиналась с другого момента. Время от времени в этих промежутках были слышны досадные ругательства. Я слушал эти звуки и думал, громко возмущаясь внутри себя. Какой обманщик! Слепой он, видите ли. Пельмени он вилок не найдёт, а сам по клавишам только так наяривает. Ну ничего, я покажу ему вторую симфонию. Портфель я оставил на первом этаже, чтобы не мешал бесшумно передвигаться и удобно замахиваться. И я, главное, наивный баран. Уши развесил, полез нянчиться с бедным слепым мальчиком. Бедные слепые мальчики не играют на фортепиано, хотя бы потому, что они не видят клавиш. Или тех же нот.

Когда я был уже почти у конца лестницы, музыка вновь резанула и прекратилась. Пролетело несколько громких ругательств, и в наступившей тишине отчётливо стал слышен скрип ступенек под моими ногами. Я запоздало остановился; незаметно подкрасться уже не получится. Пауза затянулась, так прошло несколько тихих минут. Затем игра возобновилась. Мелодия была слегка медленней, исполнялась она аккуратнее: видимо, это произведение получше осталось в мышечной памяти пальцев. Я пропустил несколько счётов и продолжил взбираться наверх. В музыке всё ещё проскакивали ложные аккорды – их слышал даже я, совершенно не способный к игре на каких-либо инструментах чайник – но они уже не останавливали игру, а лишь являлись причиной редких недовольных фырканий. Однако наравне с этими звуками я все отчетливее стал различать долетающую до меня бессвязную возню, состоящую из поскуливаний, рычания и поскребывания когтями по дороговому паркету. Я осмелел и достиг конца лестницы уже резвее. Из открытой двери в огромный зал мне предстала такая картина.

За фортепиано действительно сидел мальчишка. Нахмурившись, он сосредоточенно перебирал пальцами по клавишам. Внизу, под ним, к ножке инструмента за веревку был привязан ни кто иной, как притащенный мной накануне щенок. Он старательно рвался в разные стороны, пытаясь освободиться, и тяжело дышал, когда удавка затягивалась на маленькой мохнатой шее. Рэй не обращал на это внимания. Стараясь войти в ритм, подобно всем музыкантам, он, словно неваляшка, покачивался вперед-назад, и костяные бисерины на его косичках сталкивались друг с другом. Я опустил кочергу вниз. Музыка вновь подскочила, резанув по ушам. Рэй раздраженно тряхнул головой, зарывав, и со злости ударил головой по клавишам. Недовольное таким жестким обращением фортепиано издало возмущенный звук. Наступила тишина, прерываемая возней и тяжелым дыханием собаки. В конце концов мальчишка поднял голову. Глаза его по-прежнему смотрели в никуда своими красными белками.

-Что стоишь, как в гостях? Заходи. Зацени, что я сделал.

И он продемонстрировал мне прислоненную до этого к боку инструмента палку от метлы с крепко привязанной к ней дверной ручкой и бутылочной крышкой на другом конце.

-Это моя палка-тыкалка. Палка-пихалка. Я пихаю ей это животное, когда она начинает баловаться. Да, как ты её назовешь?

Он нащупал и погладил босой ногой щенка. Правда, получилось скорее пихание, чем поглаживание. Я присел и отвязал бедное животное. Освобожденный пёс цапнул меня за

руку и рванул от нас куда подальше. Я присосался к ране с тут же выступившими на ней каплями крови

-Ее?- пробормотал я,- живодер..

Мальчишка откинулся на спинку стула и протянул:

-Майаааа.. Или Акассея? В честь которой из своих пассий ты назовешь эту маленькую пушистую суку?

У меня жутко зачесались руки воспитать этого наглого юношу. И затем отдать собаке его порцию принесенной мной праздничной пиццы с ветчиной и двумя видами сыра. Нащупав крышку, Рэй опустил ее на клавиши фортепиано. Я бросил взгляд на его руки, испещренные царапинами и укусами. Он встал, и стул громко проскрежетал ножками по паркетному полу.

-Пошли.

-Куда?

В ответ мальчишка пихнул меня своей палкой.

-Поднимай зад и иди за мной.

После этих слов он, ощупывая своим самодельным костылем каждый сантиметр окружающего пространства, медленно начал продвигаться к стене. Я вздохнул и встал.

-Куда надо-то?

Но он продолжил черепашным шагом перемещаться к краю комнаты. Я покачал головой и подхватил его под руку.

-Веди. Куда мне за тобой следовать?

Рэй недовольно фыркнул:

-Вниз.

И мы под локоточек, словно два бывалых пьяницы двинули к лестнице. Ухватившись за перила, Рэй отпихнул меня и стал спускаться вниз, становясь на каждую ступеньку сразу двумя ногами, предварительно тщательно ощупав её ступней на прочность. Прodelьвал он это на удивление проворно: видимо, в мое отсутствие жизнь в этом доме не стоит на месте. Мальчишка сосредоточенно пыхтел, стараясь передвигаться ещё быстрее. От этого его лицо приняло важный вид и покрылось красными пятнами, сильно контрастируя с белой длинной челкой, заплетенной в мелкие косички. Я покорно следовал рядом, наблюдая работу самостоятельного паровозика. Во мне копошилось нетерпение, подгоняемое любопытством и настороженностью. Что этот вредный нахальный мальчишка хотел мне показать? Может, он мне стену в гостиной разрушил? Камин по кирпичикам разобрал? Или нашёл какой-то потайной склад оружия? Рэй решил ускориться, шагнул мимо ступенек и полетел вниз. Я мгновенно дернул его на себя за футболку и прижал к себе. Мальчишка крепко ухватился за меня, и ненадолго мы застыли в этой тесной позе, крепко вцепившись друг в друга. В наступившей тишине отчётливо были слышны звуки, с которыми его палка скатывалась по ступенькам лестницы. Я почувствовал исходящий от парня запах пота и мимолетно подумал, что было бы неплохо его помыть. Решив покончить с этой гонкой инвалидов, я подхватил сопротивляющегося мальчишку на руки и понёс вниз. Пихнув ногой дверь, я зашёл в гостиную.

-Ну и куда дальше?

Рэй насупился.

-Поставь меня!

Я вздохнул и опустил его на пол.

-Дальше что?

Мальчишка развёл руками в стороны и, не наткнувшись вокруг ни на что примечательное, опустился на четвереньки. Затем, прощупывая себе путь, он пополз куда-то в сторону кресла. Цирк, ну ей-богу. Я вздохнул и принялся медленно продвигаться за ним. Подозрительно вообще это. Словно новорожденный котенок, мальчишка слепо

уткнулся в стену, пополз вдоль неё и наконец достиг кресла. Тут он сел и поднял с пола лежащий рядом с ножкой радиоприемник. Откуда он там взялся, мне оставалось лишь гадать; по виду, я бы сказал, что его занесло откуда-то из доисторического времени. Или с той же кладовки, недры которой все ещё были полны чудес. Наверное, когда-то из него звучал в прямом эфире известное всем с детства объявление об окончании ещё Второй Мировой Войны. Рэй поднес устройство к уху и принялся вертеть на нём какие-то винтики. Я в ожидании стоял наблюдая за этими странными манипуляциями. Откуда он взял радиоприёмник? Надо будет обязательно разобрать кладовку, со своим заброшенным ремонтом я так за нее и не взялся. В отличии от того же паренька, что всего минуту назад смог добраться до кресла лишь с моей помощью. Парнишка подал мне знак подойти ближе. Я подошёл. Он сунул приемник перед собой, чуть не впихнув мне в лицо. От устройства исходило хаотичное пиканье, напоминающее азбуку морзе. Я наклонился поближе и прислушался. Было бы гораздо проще, если бы я владел азбукой морзе, и тогда бы я не зря стоял с лицом, выражающим крайнюю степень мышления.

Это старая странная пикающая штукавина. Дико познавательно. Мой живот зашелся требующим стоном. Казалось, Рэй чего-то от меня ждал: он сидел, решительно вытянув передо мной руки с зажатым в них радиоприемником. Два красных невидящих глаза пристально сверлили меня, словно два буравчика. Уши, казалось, сейчас зашевелиятся от напряжения. Мне стало неловко.

-Ммм, и что это?

-Я думал, ты мне скажешь.

Интересное заявление. Я саркастически сделал вид, будто задумчиво потираю подбородок.

-Ну, насколько я могу судить по своим глубочайшим знаниям, это – пищащая коробка с кнопочками.

Мальчишка раздражённо тряхнул головой. Видимо, говорил он на полном серьёзе. И совершенно на том же серьёзе он чего-то от меня ждал. Но вот только что я должен был сделать? Рвануть писать ему реферат по теме устройства радиоприёмников?

-Этот сигнал передаётся по всей техзоне. Я подозреваю, в городе он тоже есть, не так ли?

Этот неслух, наверное, опять брал мой диктофон. Теперь он знает про Ленни, мой маленький уже не секрет, до которого все так и норовят докопаться.

-Чего ты от меня хочешь? - спросил я.

-Что вы планируете?

-Что ты несёшь?

Рэй скрипнул зубами.

-Думаешь, я не знаю, что ты делал на свалке в тот день? Экран – это улика. Он тоже принимает передаваемый из Жемчужины Смерти сигнал. Если бы кто это увидел, была бы паника. Поэтому ты пришёл туда его уничтожить, я прав?

Вероятно, он сослепу ударился где-то головой. Что я ему и озвучил. Что я, по его мнению, собирался уничтожить огромный экран? Палочками от китайской лапши? Мальчишка затих в замешательстве, поднес к себе свой приемник и принялся снова вертеть на нём какие-то винтики.

-Тебе крайне не повезло, в таком случае.

Радиоприемник продолжал отбивать свой странный ритм.

-Что ты хочешь этим сказать?

Мой вопрос прозвучал отчетливо в наступившем молчании.

-Ты ведь совсем не понимаешь, что происходит.

Да что они все заладили-то?!

-Так просвети же меня!

Со злости я пнул стоящий рядом стул. Даже слепой непослушный мальчишка смотрит на меня, как на малыша с леденцом в руке!

-Ну, давай, объясни хоть ты, наконец, чтобы я понял! Какого чёрта тебя хочет найти член правительственной организации? Кто сделал тебя кротом и как и какого чёрта ты припёрся ко мне домой, чтобы потом вредничать и мотать мне нервы? Почему я составляю планы и карты техзоны для этого противного старикашки?

У меня в легких от крика закончился воздух, я стоял и глубоко дышал через открытый рот. Мальчишка задумчиво жевал губами. Его светлые косички запутались и, словно лианы, спадали на лоб. Мои руки так и чесались поправить их и вернуть на место за ушами. В конце концов он сказал:

-Я покажу тебе.

Он положил приемник на подлокотник и принялся слезать с места. Ну уж нет. Я повернулся к нему спиной и присел.

-Залезай.

Я почувствовал его ладошки на своем затылке, затем они спустились на мои плечи. Мальчишка фыркнул, но все же оперся и запрыгнул мне на спину, обхватив ногами за талию. Не ожидая такого маленького сопротивления, я еле успел подхватить его за колени и сохранить равновесие. Рэй уцепился в меня, словно котенок, переживающий свою первую поездку в транспорте.

-Предложил нести, так держи крепко,- пробурчал он мне на ухо. В ответ я присел и слегка подбросил его вверх.

-Козел!- взвизгнул Рэй и сжал меня, словно соковыжималка. Я почувствовал, как он уткнулся мне в шею носом и от всей души позлорадствовал.

-Ну и куда теперь, навигатор?

Тапки мягко ступили на грязную крышу. Сердце сжалось, напевая прощальную песню чистоте полов. Я хотел было стряхнуть с себя мальчишку, но вовремя увидел, что тот был босиком.

-Сними меня.

Теплый ветер подул прямо мне в лицо, хлестнув меня его волосами по щекам. Груша зашелестела листвой

-Ну и что ты хотел мне показать на крыше?

От коробки, которую я всунул мальчишке в руку на первом этаже, дико аппетитно несло пиццей. Мой живот опять разошелся жалобной песней. Я опустил на колени и отпустил ноги Рэя. Тот аккуратно спустился на корточки и, прощупывая пространство, сел, подобрав под себя ноги. Затем он положил на колени коробку и полез внутрь. Я мгновенно оказался рядом с ним в позе лотоса и отобрал еду от посягательства его грязных микробных пальчиков.

-Давай сюда руки.

Я поочередно вытер его ладошки краем своей рубашки. Не хватало мне еще от глистов его лечить. Затем мы молча принялись за трапезу. Удивительно, и почему я раньше не додумался залезть на крышу? Я не знал, что именно этот мальчишка хотел показать, заташив меня туда, но вот вид оттуда открывался просто шикарный.

Дожевав свой первый кусок, Рэй принялся облизывать пальцы

-Что ты видишь?- спросил он; я уже, если честно, не ожидал от него никаких больше звуков.

Над нами простиралось небо, моё небо, которое всегда остаётся на своём месте, неизменно и постоянно покрывая всё в этом мире. Сегодня оно было слегка засорённым белыми, отрывистыми облачками, разбросанными по сторонам, словно куски ваты. Оно уходило глубоко вдаль, к обманчиво ограничивающему его горизонту.

-Техзона,- ответил я, прожевав очередной кусок. Она и правда окружала мой дом со всех сторон. Справа и чуть-чуть назад частный сектор быстро возрастал и переходил в постройки городского типа, более-менее сохранившие свой обжитой вид. За их границей начинался сам город. Он походил на приземистую небольшую грибную поляну с кучей плоских, толстых сыроежек и груздей, из которых вверх вылезли многочисленные высокие и тонкие опята-памятники. После этой войны их стали строить с безбашенной фанатичностью. Но выше всех, конечно, с непревзойдённым изяществом стояла моя Акассея. Сзади и слева находились пустоши, места, в которых природа уже давно взяла своё господство, уничтожив следы человеческой деятельности. Даже покрывающие эти места развалины больше не принадлежали человеку. Но вот впереди, куда переходил и названный мной ранее район построек, начиналась свалка. Где-то под ней всё ещё существовал один из самых последних, самых продвинутых и когда-то самых могущественных Мегалополисов на Земле. После окончания войны весь хлам просто привозили и кидали на первом попавшемся месте, сваливали на улицах, закидывали в беседки, окна домов. Отрывались как могли, так сказать. И теперь этот мощный когда-то город выглядывал из-под гор и навалов мусора своими самыми высокими верхушками. Их железно-стеклянные изящные бока блестели на солнце, отбрасывая ослепляющие блики

"Лицом к лицу лица не увидать.

Большое видится на расстоянии ..." - писал Сергей Есенин.

Художники работают за мольбертами стоя, чтобы всегда иметь возможность отойти и посмотреть на картину издалека. Во всех стоящих музеях и галереях залы делают огромными, чтобы можно было увидеть всю композицию в целом. Копаясь в мелочах, не видишь всей конструкции. Какой-нибудь совершенно очевидной детали, которая находится прямо на самой поверхности. Теперь, на контрасте двух городов, отражающих совершенно разные эпохи, это было видно особенно ярко.

Мегалополис, в некоторых своих частях, возрождался. Железный мертвый скелет постепенно начал обрастать мышцами пристроек, по главным артериям улиц, тех, что были расчищены от механического и технологического мусора на тельцах-машинах, ездили микроорганизмы люди. Люди, отверженные и выгнанные из общества города, обосновали своё общество, угнетаемое, но новое, сильное, желающее признания.

Рэй уронил несколько кусочков колбасы в сыре вниз - те пролетели несколько метров и скрылись в шелестящей густой грушевой листве. Я проводил их задумчивым взглядом.

-На моей улице жила старая собака. Мальчишки любили привязывать её к столбу и закидывать камнями. Иногда кормили колбасой со слабительным. Вряд ли пес понимал, что это было по их вине и что вообще это было. Его били палками, измазывали в глине. Пес терпел. Он обреченно выносил все издевательства и даже почти не рычал в ответ. А потом однажды трое из этих мальчишек попали в больницу с тяжелыми рваными ранами. Терпение не бесконечно, даже у самых терпеливых.

Подул сильный прохладный ветер, мальчишка шмыгнул носом, а я зачем-то накинул ему на плечи свой джемпер. Груша громко шелестела под свисающими с края крыши ногами, вероятно, прося следующую порцию колбасы с сыром.

Глава 9

-Хорошие новости!- я поднял над головой бутылку вина и торт,- и одна из них состоит в том, что ты прекрасно выглядишь. Как и всегда, мам.

Она рассмеялась и хлопнула меня по плечу. Я, присев, обвинил её нагруженными всякой всячиной руками и уткнулся носом в кучерявые волосы. От неё пахло её любимыми старыми духами, которые хранились в комодке и использовались только в крайних случаях. Что-то вроде лаванды и гвоздики, я в запахах не сильно разбираюсь, но вот мама придавала

большое значение их сочетанию. На самом деле гораздо реже можно встретить человека с правильным ароматом, нежели с приятной внешностью.

Я зашёл в дом и вручил маме её подарки. На этот праздничный вечер я от души потратился для своих любимых родителей.

Значительную сумму сгрела с меня продавщица цветов в магазинчике у самого чёрта на куличках. Нежно оранжевые каллы – мамины любимые – которые я еле отыскал, едва ли были не самыми последними на этой едва живой планете. После Третьей Мировой войны Красная Книга стала просто бессмысленной. Кто-то предпринимал попытки продолжать вести учёт уже исчезнувших с лица Земли существующих когда-то видов животных и растений, но их оказалось так много, что данный список всё равно крайне далёк от завершённости. С ароматными цветами я принёс маме ещё два сокровища, найденных мной накануне в моём новом доме: в бумажном цветастом пакете лежали два старинных – чуть ли не антикварных – томика стихотворений Блока и Мандельштама. Мама безумно любила стихи, но редкие настоящие книги стоили ниже однокомнатной квартиры. Заглянув в пакет, мама подняла на меня слезящиеся глаза.

-Алекс, не стоило...

-Я имею право проставиться или нет?- тряхнул я головой,- а где папа?

Рукой я уже нащупал в сумке коробочку с серебряными часами.

Он был уже на кухне. На столе стояли тарелки с холодцом и селедкой под шубой. При виде этих деликатесов у меня появилось сильное желание выкинуть торт в окно и схватиться за вилку. Отец, видимо, разделял мою позицию. Покончив с официально-культурной частью, мы приступили к трапезе. Мама принесла бокалы.

-Ну давай, рассказывай! Поесть и потом успеешь.

Я спешно принялся дожевывать напиханные в рот вкусности и сделал несколько глотков. Затем спешно вскочил и метнулся в прихожую. Вернулся я со спрятанными за спиной руками и выражением, явно напоминавшем объевшегося сметаной кота.

-Мам, пап, гхм-гхм, хотя нет, Елена Викторовна и Олег Васильевич, вы приглашены на праздничный костюмированный карнавал в честь открытия Международной крепости мира!

С этими словами я явил на свет два ажурных приглашения.

-Вход только для избранных,- провозгласил я, сел на свой стул и заерзал на нем от нетерпения. Мама охнула и взяла бумажки в руки.

-Это же надо как-то одеться празднично, чтобы красиво...

Папа громко втянул воздух носом и посмотрел на золотистые ажурные буквы.

-Ну да... Прямо-таки в костюмах?

-Нужно приходиться в масках. Как бы символ равенства между людьми разных стран и народов. У меня тоже есть билет.

-Ты пойдешь один?

Я задумался вбухал на свой кусок хлеба три вилки хрена. Шмочь шлепнулся передо мной на стол. Я принялся собирать его обратно зубчиками все той же вилки.

А это, кстати, идея. Билет был плюс один, что значило, что я имел право притащить с собой на этот карнавал хоть какую угодно корову в маске. По чистой случайности, одна такая потенциально полезная корова как раз находилась у меня дома.

-Да, один,- я засунул в рот сразу полкуска хлеба и принялся заедать стрельнувший сразу в нос хрен холодцом. На некоторое время мысли мои вернулись к базовым животным потребностям - на удовольствии от фирменного отцовского холодца. У папы был свой оригинальный рецепт, он делал это блюдо исключительно из мяса свиных голов, пренебрегая какими-либо овощами. Подумать только: замороженное в жирной соленой воде мясо, а я не променял бы тарелку такого ни на какие суши в городе. Мамина же селедка под шубой была, наверное, единственным признаваемым мной праздничным

майонезным салатом. Как ни старались, но родители так и не смогли привить мне любовь к оливье или так называемому "крабовому", в котором уже давно можно найти все, что угодно, кроме самих крабов. Более-менее насытившись, я отхлебнул из своего бокала откинувшись на спинку стула и обвел кухню довольным взглядом. Всё-таки я же не поесть к родителям приехал. С тортом и пустым желудком, конечно, но не ради еды. Папа и мама тоже заканчивали трапезу и уже были на подходе к готовности беседы.

Вечерело, но уходить я не спешил. Как когда-то раньше, мы вновь втроем сидели на нашей домашней кухне, болтая совершенно на отвлеченные темы. Тихо посапывал чугунный чайник на плите, отец вытер руки о рубашку и, наперекор маме, курил за столом, мать снова звонко смеялась, поправляя свои короткие каштановые с проседью кудри и время от времени вскакивая понюхать свой букет. Всё остальное для меня вдруг исчезло, и я вдруг резко осознал, насколько сильно мне этого не хватало.

-Волнуешься перед открытием, сынок? - спросила мама, отложив в сторону вилку и коснувшись моей ладони.

Перед открытием. Оно торжественно и неумолимо приближалось, с каждой мыслью о нем бросая меня в волнения, жар и холод. Мои щеки вновь вспыхнули огнем, и, не найдя слов, я кивнул. Она внимательно заглянула мне в глаза.

-Дорогой, ты же знаешь, что можешь рассказать мне всё, что угодно?

От этой фразы мне стало слегка не по себе. Родная и приятная атмосфера вдруг стала слегка напряженной. Я снова кивнул. Мама выжидающе продолжала изучать мой взгляд. Я машинально выпрямил спину

-Что-то не так?

-Это мы хотели у тебя спросить,- вступил в разговор отец,- не может же все проходить абсолютно гладко, ведь так?

Он непринужденно хохотнул, но я почувствовал, что от меня чего-то определенно ждут. Я нервно потеревил ткань рубашки. В моей голове вновь проснулись коварные неугомонные мысли.

-Тебе есть, что нам рассказать, дорогой? - мама.

-Вообще-то есть.

Я наклонился над столом. И закатал рукава. В моей голове, словно банке с майскими жуками, копошились в темноте и скребки многочисленными лапками мысли.

-Знаете, на самом деле я долго думал над тем, почему у Акассеи до сих пор не появилось архитектора. Ведь я, по правде, вообще-то не архитектор. Это рекламный условный ход для рекламной компании. По документам я числюсь инженером-проектировщиком Акассеи. А настоящего архитектора - после случая с мистером Фольком - нет. Какое-то время я думал, что просто не было желающих из-за суеверных слухов, но не может же быть, что не оказалось совершенно никого, кто бы плевал на стереотипы! Но затем я понял: они не хотят, чтобы случай с мистером Фольком повторился. Архитектор - профессия выше проектировщика, у него больше полномочий и обязанностей. Что-то кроется за всем этим. Я нашёл в Акассее радиопередатчик. По своей конструкции здание представляет собой почти идеальную антенну. Что, если это готовит правительство? Что, если *моя* Акассея предназначена для чего-то еще?

Наступила тишина. Отец закашлялся в кулак и поправил на коленях край замявшейся рубашки.

-Радиопередатчик? Хочешь сказать, что скоро вернут радио?

Они ничего не поняли. А меня вдруг осенило. Я поежился и залпом выпил половину кружки своего чая. Ах этот хитрый мальчишка.

-А что ты с ним сделал?- донеслось до меня сквозь стену нахлынувших мыслей.

-А? Ничего, он сидит у меня дома. С кем?

И тут я понял, что проболтался. Про Рэя я упорно не хотел им рассказывать. Честно сказать, я сам еще не понял, как относился к этой ситуации, что уже говорить о родителях.

Отец слегка наклонился вперед.

-Хочешь сказать, что сейчас у тебя дома находится раиопередатчик?

-Что? Нет, конечно. Дома... я говорил? У меня теперь есть собака!

Спустя долгие двадцать лет мечтаний эти слова наконец-то прозвучали в этих стенах.

-А что насчет передатчика?

-С ним всё в порядке.

Я начал уже жалеть, что рассказал им об этом. Лишняя это информация для них. Я потянулся и встал, чтобы собрать со стола измазанные в тортовом креме тарелки. Я наелся так, что с трудом мог свободно передвигаться без ощущения того, что занимаю своим телом все окружающее пространство.

С мощным выдохом я ухнул на свою старую кровать и уставился в потолок. Знакомые пружины впились в спину. Любимый старый матрас встречал меня радостными объятиями. Голова кипела от тусовки перемешавшихся мыслей. Я подтянул к себе рюкзак и зашарил по нему в поисках моего диктофона. Прошло минуты две - поиски оказались тщетны. Вздохнув, я сел и продолжил копать. Результаты остались теми же. Я снова принял лежачее положение. Диктофон остался дома, чудно. В тишине полупустой комнаты громко тикали часы. На какое-то время я вновь почувствовал себя наивным глупым пятнадцатилетним мальчишкой, мечтающим сделать что-нибудь настоящее, что надолго останется в исторической памяти человечества. Вопреки ожиданиям, вино прочистило мой мозг и взбудрило шевелящиеся мысли. В дверь постучали. В комнату вошла мама с подносом. Вряд ли в меня могло что-то ещё влезть, подумал я. Она аккуратно села на краешек кровати и поставила поднос на тумбочку. До меня донесся запах горячего чая с корицей и лимоном.

-Все хорошо?

Я повернул к ней голову. Как приятно видеть её здесь, рядом со мной, и её добрые глаза обеспокоенно смотрят мне в душу.

-Все замечательно, мам. Все просто прекрасно.

Я сел на кровати и всё же взял в руки слегка дымящуюся кружку. Чай. С лимоном, корицей и молоком. Мама всегда знает, чего я так хочу.

-Сейчас такое время, мы с отцом очень беспокоимся за тебя.

Такое время. Даже они заметили это, находясь в стороне от всех событий.

-Все в порядке, это лишнее. Правда.

Она сидела, задумчиво водя пальцами по краю кружки. Вдруг мама подняла голову и встретилась со мной слезливым взглядом.

-Пожалуйста,- взмолилась она,- не делай глупостей. Просто отдай то, что от тебя надо.

-Мам, ты...

Она отставила свой чай и молниеносно схватила меня за плечи.

-Обещай мне, что не выкинешь ничего ненужного. Будь послушным, умным мальчиком.

Ей что-то известно. Что-то происходит. Возможно, оно происходит прямо в данную минуту. За доли секунды, смотря в огромные распахнутые передо мной родные глаза, способные вместить в себя целый огромный мир для себя и маленького глупого мальчика-архитектора, я осознал это, словно самую очевидную и глубокую истину бытия.

-Я не могу,- неожиданно сам для себя сказал я,- прости, мам, но мне надо бежать.

Я поцеловал маму в щеку, поставил на поднос кружку и вылетел из комнаты.

Мой диктофон. Уже не первый день я не мог его нигде найти. Ничему не учат меня мои ошибки! Сколько всего я успел в него наговорить! Лихорадочно я пытался вставить ключ в замочную скважину. Воображение услужливо рисовало в голове одну за другой ужасные

картины. Внутри меня могло ждать все, что угодно. Дождавшись заветного щелчка, я вихрем ворвался внутрь. Вопреки ожиданиям, на первый взгляд вроде бы ничего не изменилось. Гостиная, кухня, зал, комнаты второго этажа - я даже в ванную заглянул - его нигде не было. Одно из двух: либо его кто-то забрал, либо этот гад свалил, что-то с собой прихватив.

И что мне теперь надо было делать? Геройски бросаться на его спасение, или сделать вид, будто ничего не произошло? Спихватившись, я вновь облазил весь дом, но и радиоприемника не было и следа. Свалил. Свалил, гадина. От досады я пнул тумбочку и ушиб ногу. Я почувствовал себя самым тупым и наивным идиотом на планете. Вновь. Уже в хриллионный раз за последние несколько месяцев. Выместив всю злобу на мебели, я со всей дури плюхнулся в кресло. От досады хотелось убивать. Или сломать себе что-нибудь. Пустой дом гудел тишиной. Он гудел и смеялся над моей отсталостью.

Ну и ладно. Какое мне до этого дело? Моя обязанность заключалась в возведении Акассеи. Приёмник - передатчик, восстание- революция; да касается это меня? Я откинулся на спинку кресла и провел руками по лицу.

На лестнице что-то гроыхнуло и скатилось вниз. Я рывком вскочил с места. На полу в коридоре лежал Рэй, в полуметре от него - вышеупомянутый радиоприемник.

-Вернулся?- спросил он, потирая ушибленный затылок. В порыве чувств я схватил его за ворот футболки и приподнял над полом.

-Ты где был?!

Мальчишка взял меня за запястья.

-С чего такие бурные эмоции? Можешь не беспокоиться, я не пропаду.

-Где был?- прорычал я, но уже не так яро. Мне самому уже начало казаться, что я вновь глупо выгляжу. Рэй вдруг сцепил руки у меня за шеей и подтянулся выше. От такой неожиданной близости я опешил и слегка запоздало попробовал отстраниться, но вместе с моим корпусом поднялся и Рэй. Его лицо все еще было ужасающе близко. Я вздрогнул и выпустил из рук ткань футболки. Рэй встал на ноги и облокотился на перила.

-Соскучился? Или волновался?- ехидно поинтересовался он. Я злобно фыркнул, поднял с пола приемник и сунул ему.

-Скажи мне,- я уже знал, что он ответит,- ничего же глупого и бессмысленного не будет?

Мальчишка промолчал. По его лицу я не смог определить ответ.

-Готовься. Завтра ты приглашен на маскарад.

Мальчишка попадет в Акассею не зависимо от его желания, я это устрою. Послушный мальчик, кажется, нашел игрушки поинтереснее.

Открытие должно было состояться днем. По расписанию сначала шла всеобщая торжественная часть, затем начинался типичный городской праздник с выступлениями, палатками игрушек, сувениров и полусырыми шашлыками с кетчупом и майонезом, разбираемыми нарасхват. Горы мусора, светящихся вертушек, ярких красных ленточек, дым, сильный запах пропитанного специями мяса и, конечно, вечерний салют - праздник, которых город видел только в дату окончания войны. И только в самом конце начиналось настоящее действие.

На торжественную часть я собирался с особой тщательностью. Еще несколько недель назад я перерыл и перемерил весь свой гардероб. Я принимал и менял решения, наверное, раз пятнадцать, учитывая то, что самих вещей у меня насчитывалось и того меньше. В конце концов, мой костюм был выглажен, аккуратно повешен на вешалку и спрятан в шкаф. И вот, на открытии я стоял в своих единственных шнурованных туфлях, коричневых штанах и бежевой рубашке с красным вышитым на воротнике незамысловатым узором.

Шляпу я подобрал особенную: коричневая, чуть светлей штанов, с короткими, слегка загнутыми вверх полями. Я купил её однажды у женщины, торгующей через несколько кварталов от моего дома. Погода была чудесная. Солнышко выглядывало из-за туч, а по площади дул легкий прохладный ветерок. Огромная толпа народа, составляющая все население этого огромного города, стояла передо мной, внизу, пихаясь и шевелясь. Вероятно, многие из них ещё не до конца осознали настоящую торжественность этого момента. Сотни детей, прыгающих на месте от скуки и безумного желания, наконец, купить и съесть огромную порцию сладкой ваты, даже не понимали, что именно в те минуты на их глазах творилась история.

По периметру площади стояли солдаты Защиты. Все, как один, они были одеты в свою строгую синюю форму, и не выражали даже никаких эмоций. Разминая в карманах вспотевшие ладони, я лихорадочно вглядывался в лицо каждого попадающего под мой взгляд солдата. И с каждой девушкой в их рядах чувствовал, как по спине пробегал жуткий холодок.

Но даже это не могло испортить этот день. Я был вдохновлен. Я был торжественен. Прямо как совершающийся момент

Ещё, вон там, разве это...? Нет, не она. Фух.

На сцену вышел мэр города и подсеменя к стоящему в середине микрофону. Он развел руки в стороны, и шум в толпе быстро стих. Мэр довольно поправил свой воротник и пригладил пиджак.

-Дорогие граждане!- провозгласил он в микрофон,- сегодняшнюю дату мы все будем вспоминать еще не один год! Этот день станет нашим ежегодным праздником, всемирным праздником, который объединит всех оставшихся на нашей планете людей. Немного позже к нам на торжественный маскарад приедут представителей всех оставшихся на Земле четырнадцати городов!

Ну, насчет этого он, конечно, загнул. Безусловно, по доброте своей душевной, приглашения на планируемую закрытую тусовку на самой примитивной механике выслались во все возможные стороны и направления, с утра в нашем городе уже даже заселилась парочка делегаций, но едва ли этим вечером в Акассею войдёт и половина тех, кто соизволил прислать ответ. Я моргнул и очнулся от мыслей, почувствовав, что в спину мне упирается пристальный взгляд. Я обернулся. На сцене, всего в паре метрах сзади, стояла Кэсси Клер. Встретившись со мной глазами, она сделала вид, что внимательно следит за выступлением мэра, и отвела взгляд. У меня появилось странное чувство, что скоро что-то случится. Что-то совсем не запланированное. Или же, скорее всего, запланированное, но совсем без меня. Я пропустил слегка раздражённый вздох: развившаяся за последнее время паранойя не давала мне спокойно даже насладиться моментом всей моей жизни. Краем глаза я заметил в толпе странное течение. А потом ещё одно. И ещё. А затем я понял, что просто превращаюсь в чертового параноика. Вокруг сцены бегали репортеры с фотоаппаратами, и я выпрямил спину, чтобы принять более фотогеничный вид, и постарался принять выражение лица адекватного и приличного человека. Между тем мэр продолжал говорить.

-Спустя столько лет мы наконец-то пришли к столь желанному результату! И в будущем все вы будете с гордостью рассказывать своим внукам, что стояли здесь на этой площади в этот торжественный день!

Он снова развел руки в стороны, словно в ожидании чьих-то объятий. Народ продолжал тихо шуметь. Юсиф тоже был здесь. Он стоял с другой стороны, нежели начальница Клэр. Меня он даже не замечал. Что-то изменилось: приторный сахарный сироп, излучаемый им раньше в мою сторону, резко сменился острым перцем и нагретым на раскаленной сковороде маслом. Простое раздражение и неприязнь, ранее испытываемые мной при его

появлении, покрылись ощущением беспричинной тревоги, подстегивающей меня держаться от него ещё дальше.

Тем временем у микрофона проходила своя тусовка. Поздравить всех уже успели: и министр культуры и просвещения, и даже несколько депутатов Городской Думы. Я снова поймал себя на том, что с каким-то ожиданием вглядываюсь в толпу. Ну не мог я иначе!

Ты ведь наверняка сейчас тоже здесь, как папа и мама. Мы все снова вместе, на самом важном событии в моей жизни. Нет, я уверен, ты просто не могла этого пропустить. Я бы тебе такого не простил.

Хотя лучше бы тебя там не было.

Тетенька-организатор подала знак, и мы с Генри растянули перед входом ленточку. Мэр торжественно попросил в микрофон вынести ему символические ножницы. Подушку предоставили нести маленькому мальчику, одетому в вельветовый почему-то зеленый костюмчик. В этих жилетке и штанишках он походил на маленького лепреккона, которому не хватало клевера и чепчика. Если таковые вообще ходили в чепчиках. Мокрый, словно мышонок, он выбежал к мэру и стал, уцепившись в вынесенную им в руках подушку. Напуганными глазами малыш смотрел на мужчину перед собой. Мэр взял в руки ножницы, поднял их над своей головой, показывая народу. У меня в голове почему-то зародилась не свойственная моменту ассоциация, в которой он опускает их прямо остриями на бедного напуганного ребёнка. Малыша, видимо, посетила та же мысль, поскольку он весь съёжился, сделавшись ещё меньше. Покрутившись на месте, мэр города подошёл и медленно перерезал растянутую красную ленточку. Все взорвались радостными аплодисментами. Отчасти счастье толпы подстёгивалось тем, что тот жест означал конец торжественной части. Большая часть народа уже давно приготовилась стартовать к ближайшим шашлычным палаткам, запах от которых разносился по всей площади и даже выходил за её пределы.

Расправившись с лентой и вернув ножницы тут же удравшему мальчугану, мэр подозвал меня жестом руки.

-А сейчас,- провозгласил он в микрофон,- я хотел бы выделить человека, на чьих плечах был построен данный памятник архитектуры, ставший для нас сегодня главным объектом действия! Сынок, подойди ко мне.

Я подошёл. Теперь все несколько тысяч глаз смотрели на мою незащищенную фигуру.

-Этот симпатичный юноша - Алекс Бэй – не только принял на себя полномочия как проектировщика и планировщика, так и занял должность ведущего архитектора-реставратора. Более того, я спешу поздравить его, так как это его первый самостоятельный проект!

Он рассмеялся и похлопал меня по плечу.

-Я хочу пожать руку этому перспективному юноше. Возможно, в будущем - в каком-нибудь далеком, конечно - именно он будет стоять на моем месте.

Он снова немного наигранно рассмеялся, а я подавил в себе желание поморщиться. Да не дай Бог мне стоять на вашем месте, дорогой мэр. Он с широкой улыбкой повернулся ко мне и протянул руку. Я тоже улыбнулся и ответил на рукопожатие. Это был уже не первый раз, когда я жал нашего мэра за руку. Он уже поздравлял меня, когда мой реставрационный проект Акассеи победил на городском конкурсе. С тех пор на нём не изменился даже цвет рубашки: все тот же низенький рост, лысина на макушке, паутина морщин от краешков глаз и усталость в глазах. Невольно в голову вновь пришел Юсиф. Интересно, а какого цвета он пришел сегодня? А ладонь мэра была все такой же сухой и шершавой. Мы приветливо улыбались друг другу в лица и трясли конечностями, когда что-то резкое вдруг резануло меня по лбу; шляпа слетела с головы, отскочив куда-то в сторону. Я почувствовал, как по виску течет что-то горячее.словно напуганный олень, я резко напрягся. Мои глаза широко открылись, а пальцы крепко сжали руку стоящего передо мной мужчины. Тот резко

изменился: продолжая держать на лице улыбку, он наклонил голову и предупредительно уставил на меня пристальный взгляд. Торжественная музыка заглушала все возможные звуки. Едва ли кто-либо из толпы принял этот момент за что-то опасное. Успокойся, Бэй, и продолжай улыбаться. Это была не пуля. Это твой день, почему же ты так напуган?

Я сглотнул, чувствуя, как капля потекла по щеке. Это пот? Осмелившись, я непринужденно поднял руку и будто бы почесал лоб. Место прикосновения неприятно загло. Вопреки вперенному в меня взгляду я посмотрел на свои пальцы и почувствовал, как меня резко бросило в жар. Так и не тронутая капля крови скопилась на подбородке, обособилась и упала вниз, распластавшись по моему ботинку.

В меня стреляли. Стреляли, на самом деле, в мэра. Меня осенило. Я мгновенно схватил за плечо стоящего впереди мужчину и с криком "Ложись!" резко ухнул вниз. Что-то хрустнуло под моими пальцами - мэр вскрикнул, и его тело появилось рядом со мной на сцене. Над моей головой пролетело несколько пуль. Со стороны мэра послышалась череда громких ругательств. Музыка оборвалась, а он сел, подняв левую руку вверх. Правая безвольно болталась у него вдоль тела.

-Спокойно!- кричал мужчина что есть мочи, чтобы его точно услышали,- все в порядке! Произошло лишь небольшое недоразумение!

Толпа роптала и шумела; голоса её слились в моих ушах в единый несмолкающий шум. Немного неуклюже опираясь на левую руку - к нему подбежали несколько человек на помощь - мэр встал.

-Прошу вас, всё в порядке! От переизбытка чувств нашего дорогого архитектора не держат ноги! Продолжаем наслаждаться праздником!

Затем он повернулся к одному из служащих. Музыка вновь принялась громко играть.

-Скажите им, чтобы опустили оружие! Живо!- прорычал мэр,- вызовите врача, пусть ждет меня внизу, черт побери!

Я приподнялся над сценой и медленно встал на ноги. В ушах звенело под пульсации оркестра. И больше половины автоматов Защиты было направлено на меня. И они в любой момент готовы были уничтожить угрозу.

-На этом я объявляю Международную Жемчужину Мира открытой!- донеслось до меня. Я медленно поднял руки, чувствуя, как к горлу подкатил ком тошноты. Улыбайся, пока на тебя наведен объектив чего-то оружия. Улыбайся, Бэй, иначе десятки пуль нашпигуют свинцом твое нелепое тело.

Неужели среди них стоит и она? Неужели ты тоже прямо сейчас стоишь и смотришь на меня в маленький рассеченный глазок? Неужели твоя рука не дрогнет, спустив курок?

Я ожидал, что на меня набросятся. Ожидал, что потребуют объяснений и надерут за произошедшее зад. Но мне не сказали ни слова. Все словно решили сыграть в молчанку. Или же мне это все приснилось? Я прошёл мимо группы наших работников и даже миновал Юсифа - тот бросил на меня короткий, странный взгляд. От этой молчанки мне стало страшно. Неожиданно мне почему-то захотелось поймать Генри - его болтовня обладала на редкость необходимыми для жизни свойствами: она крайне раздражала в своём присутствии, но без неё чего-то будто не хватало. В толпе я заметил его лохматую нелепую макушку и принялся продвигаться в её направлении. Но, чем дальше я продвигался, тем дальше она уплывала от меня на волнах чужих голов. Неожиданно из толпы ко мне вынырнула женская фигура. Я чуть не врезался в Кэсси Клер, стоящую на моём пути подобно бетонному столбу. Мы встретились взглядами, и я почувствовал, как мурашки побежали по моей спине. Она смотрела на меня странным не читаемым мной взглядом, словно пытаясь разобраться в неожиданно пришедших в её голову мыслях. Я резко выпрямился и вызывающе посмотрел в ответ. Мы простояли так несколько секунд, после

чего она отвела взгляд. Я продолжил пробираться сквозь толпу, но голова Генри бесследно исчезла в мешанине людей.

Дом встретил меня очередной лужей на полу первого этажа, в которую я тут же наступил, вытащив ногу из ботинка. Носок тут же насквозь пропитался в собачьей моче, а из моего рта вырвалась череда наигрубейших ругательств.

Как же я дико устал.

Мысли о произошедшем вызывали редкие нервные смешки. В меня сегодня стреляли. Стреляли! Подумать только! А, может, стреляли вовсе и не в меня? В меня сегодня промахнулись! Покушение на мэра на глазах всего города, которое совершилось в самый важный момент моей жизни. Привет всем, меня зовут Алекс Бэй, и, возможно я выхоживаю у себя дома соратника тех людей, которые чуть не засадили мне в голову пулю. Возможно.... Я закрыл глаза и живо представил, как тощие красные пальцы с обкусанными ногтями сжимают рукоятку пистолета. Как худая рука уверенно наводит дуло пистолета прямо мне в лоб. Если бы это был он, можно ли было бы считать, что он промахнулся? Может ли быть, что над черной дырой пистолета когда-нибудь я увижу именно его ухмыляющееся лицо?

Идиот. Только идиот мог представить снайпером слепого мальчишку. Захотел бы - он открыл в плите газ, пока я сплю. Может, единственная причина, по которой он ещё этого не сделал - из меня можно выжать еще какую-то пользу. Святая Анна-Мария, бескорыстно помогающая каждому проходящему мимо. Святая Анна-Мария сидит на полу и пьет дорогой коньяк. Думаю, реальная дама грешила даже чем-нибудь поядреней. Ну или подешевле, что, в принципе, примерно одно и то же.

Я снял носки и кинул их в глубь коридора. А ну их куда подальше. Надев на ноги тапки, я спустился в погреб и открыл там дверцу деревянного нишевого шкафчика, время для которого теперь пришло. На кухне я откупорил бутылку коньяка и сел у шкафчиков прямо на пол, прислонившись спиной к дверцам. Между лопатками мне упиралась ручка. Ко мне сразу же подскочил щенок и принялся лизать пальцы моих ног, не обращая ровно никакого внимания на мои лягания. Чёртова псина. Я протянул руку и принялся чесать её по густой чёрной шерсти, пока она покрывала мою ладонь обильным слоем слюны. Я приложился к горлышку бутылки и сделал глубокий глоток, после чего чуть не выплюнул всё обратно. Я не помню, когда в последний раз пил настоящий коньяк и пил ли я его вообще. Вкус оказался на редкость гадкий. По дому снова раздавалась рваная кривая музыка, однако на этот раз отрывки были длиннее и ровнее, нежели во время его прошлой слышанной мной игры. Мальчишка почему-то упорно пытался стать слепым маэстро. Я его не винил – возможно, это была та самая ниточка, что соединяла его с прошлой жизнью, в которой ещё были цвета и тени. Я вновь по-варварски отхлебнул коньяк прямо из горлышка бутылки. Гадость найдорожайшая. Как раз то, что надо в эту поганую минуту. А мальчишка преуспевал, однако. Мелодия слегка выровнялась и начала стремительно разгоняться. Напряжение нарастало по мере её длительности - я словно чувствовал, как его длинные тонкие пальцы настороженно бегали по клавишам, боясь ошибиться и оборвать мелодию незаконченной. Возможно, когда-то Рэй играл её с несравнимой легкостью, с какой чесал собаку за ухом. Сейчас же это было самое трудноисполнимое и самое важное для него произведение. Я закрыл глаза и зачем-то представил, как мальчишка склонился над фортепьяно с совершенно сосредоточенным, до покраснения и капелек пота, лицом. Как он забрал и завязал за головой в узел свою длинную переплетенную со всяким бисерно-ленточным мусором челку, как делал в минуты, требующие важнейшей концентрации.

И тут музыка резко оборвалась. Послышался неприятный звук размашистого удара по клавишам, затем ещё и ещё один, после чего крышка фортепьяно с грохотом опустилась на место.

В доме наступила тишина. Слышно было только бормотание холодильника из кухни и поскуливание щенка у моих рук. Мы молчали. Я был занят заливанием своего здоровья старой алкогольной жижей, которая была даже старше и дороже меня. Рэй, наверху - молчаливым проклинанием своей жизни. Вскоре шум на лестнице оповестил меня о его приближении. Рэй по перилам спустился на первый этаж и позвал к себе собаку. Наивный щенок радостно подскочил к мальчишке. Присев на корточки, тот погладил её по шерсти и сполз на пол. Я опять опрокинул в себя бутылку, громко булькнув ее содержимым. Уловив звук, мальчишка на четвереньках подполз ко мне и завладел выпивкой. Сделав несколько огромных глотков, он издал возглас удивлённого ламантина.

- Вот это я понимаю! Наконец-то в тебе проснулся мужчина. Для начала сойдёт, но до полноценного мужика тебе не хватает чего-нибудь менее женственного.

Он снова принялся к бутылке, а я поднялся с пола и достал из сумки купленные мной ошейник с поводком. Пусть хоть у кого-то этот день будет праздником. Хотя, что я несу? С каких это пор ошейник считается праздником? Я вновь сел на пол и позвал к себе плещущую дружелюбием и энергией собаку. Щенок тут же принялся толкать меня в грудную клетку и покрывать слюной. Кое-как отпихиваясь от навязчивой мокрой мордашки, я с третьей попытки нашупал на ремешке дырку и застегнул ошейник.

Реакция была бурной. Сначала щенок не понял, что именно произошло. Собака села на попу и попыталась лапой сбить с шеи прицепившегося паразита. Не одержав в этом деле никакого успеха, щенок принялся громко возмущенно скулить и кататься по полу. Я поднял глаза на мальчишку: Тот отнял от губ бутылку и внимательно прислушивался.

- Что вы там вытворяете? - спросил он подозрительно. Неужели я заставил его понервничать. Меж тем собака вывернулась через спину и принялась лежать описывая на полу круги. Ошейник явно ей не нравился. Устав, животное притихло и грустными глазами принялось вызывать у меня жалость. "За что?" - читалось в этом печальном взгляде. Взгляд мой притянули настенные часы, неумолимо отсчитывающие время до маскарада. Ударенный идеей, я вскочил и отобрал у мелкого бутылку коньяка.

- Поднимайся, барышня. Сегодня самое время стать немного женственнее. Время подбирать наряд на бал.

Глава 10

Кто бы ни был хозяином этого странного дома, о судьбе своих шмоток он не заботился. Я сделал набег на чердак и спустил оттуда несколько коробок одежды. Одна за другой, они распахнули передо мной свои пыльные объятия.

Люблю, до безумия люблю копаться в старых вещах, я, наверное, уже это говорил, но повторять никогда не устану. Подумать только, сколько всего нам могут рассказать предметы, прожившие уже несколько жизней. Ты никогда не любила старье: говорила, что в хламе нет ничего интересного. Время от времени я находил где-нибудь - у бабушки дома, или же в нашем заброшенном магазинчике на краю радиационной зоны - и приносил домой что-нибудь старое, не заинтересовавшее даже воришек и заядлых бомжей, и оставлял у себя в комнате. Этого мусора накапливалось у меня в невообразимых количествах, вскоре он занимал все полки, шкафы и даже столик. Им никогда не было никакого применения кроме, разве что, постоянно мешаться и падать с предназначенного места. Из-за жалости я не мог заставить себя выбросить все эти вещи, и поэтому продолжалось это все каждый раз до того момента, пока мама не срывалась и не заваливалась ко мне с огромными мешками, и вместо свалки на втором этаже я неожиданно обнаруживал свою комнату. И тогда весь круг начинался сначала.

С древних времен розовый цвет считают цветом радости, искренности, оптимизма и любви. Он являлся цветом принцесс. В Европе ярким розовым цветом украшали поместья и дворцы. В древней Греции этот цвет являлся цветом Афродиты – богини любви. В Китае розовому цвету приписывали целебные свойства. В азиатских странах данный цвет означал знание, учебу и карьеру. Многим известна способность розового поднимать настроение. Например, в одном из самых криминальных городов Индии власти перекрасили фасады домов в приятный цвет пинк. И буквально через шесть месяцев поразились произведенному эффекту - уровень преступности снизился на сорок процентов, а население весьма позитивно отзывалось во время социальных опросов о жизни в своем любимом городе. В восьмидесяти процентах из ста девушка выберет на свой выпускной платье светло-розового цвета. Нежная, словно лепестки свежей розы, именно из такой ткани было твоё платье в день окончания школы. И именно из неё же был тот самый вечерний наряд, который я держал в руках. Я поднял платье повыше, визуальнo примерив его сидящему в ожидании мальчишке. Чудесно.

-Что тебе понадобится для расшифровки сигнала с передатчиком?- спросил я, пока тот избавлялся от футболки.

-Не помешало бы зрение,- пробурчал тот, крайне недовольный изложенной мной затеей. Передо мной вновь стала его тощая костлявая фигура. Однажды я наткнулся на старые рисунки времен начала двадцать первого века, изображавшие популярную тогда по одной игре легенду о тощем высоком человеке в костюме по имени Слендер. Для пущей схожести Рэя подводил лишь его низкий рост, который не спасала даже его взъерошенная шевелюра. Я подошел ближе, став прямо перед мальчишкой.

-Я так полагаю, на этом список заканчивается, так?

-Чтоб ты сд... - и тут я надел ему на голову платье, так что конец фразы безнадежно ушел в ткань. Эх, жалко: а я так хотел услышать. Кажется, на меня подействовал коньяк - я определенно начал дерзеть. Не помешало бы мне почаще залезать в минибар.

Минуты три мы вдвоем пытались выпытать мальчишку из паутины шелка, что, скажу я по правде, оказалось заданием крайне сложным. Как только девушки умудряются залезать в эти мешки лабиринтов? Рэй засунул в дырку сразу две руки и застрял в области талии платья. Зажатый в тисках одежды, он громко заверещал, боднул меня головой и принялся истерично мотаться по залу, словно перепуганный до ужаса дельфин. Я собрался было его остановить, но немного затормозил, окинув взглядом происходящую картину. Тощая бледная фигура со скоростью мыслей невротеника металась по залу, сбивая мебель и изливаясь матами во все стороны. Широкий шелковый подол розового платья развивался по волнуемому им воздуху. Со стороны это вдруг напомнило мне разъяренную медузку. Разъяренная бранящаяся медузка наткнулась на кресло, отскочила к дивану, ударилась со всей мощи мизинцем правого шупальца и, издав громкий рев, заскакала на левом. Я осел на пол, не в силах сдержать уже не беззвучный смех. От переполнявшего меня восторженного злорадства я аж постанывал. Меж тем медузий балет продолжался. Главная героиня завертелась на своем месте, развивая в стороны розовую шляпку, и затащила свою обворожительную медузью песенку:

-Вытащи меня отсюда, падла!!!!

А на полу распласталась потрясающаяся от смеха морская звезда Алекс Бэй.

-Иидии.. *стон*... Сюда.

Медузка замерла, прислушиваясь.

-Ты где, черт возьми?!

От нового приступа смеха я застонал ещё громче, не в силах сказать ещё хоть слово. Рэй повернулся в мою сторону и принялся понемногу продвигаться на стоны, ощупывая ногами каждый квадратный сантиметр поверхности. Я лежа наблюдал за происходящим, и пришедшая мне в голову мысль о провальности моей задумки стремительно подавляла мою

веселость. Как этот слепой мальчишка сможет, хоть и в моем сопровождении, не раскрыв себя пройти на маскарад, пробраться к спрятанному радиопередатчику и даже расшифровать транслируемый им код, если он даже пройти по комнате спокойно не может? Собравшись с силами, я поднялся с пола и принялся и дальше протягивать платье с головы на туловище. Спустя минут десять моя рука уже застегивала молнию на покрытой бесчисленными шрамами спине.

После таких упражнений мы устали сильнее супружеской пары на предпраздничном походе в магазин. Не помешало бы хорошенько отдохнуть. Я развернул к себе мальчишку и тут же вспомнил про ещё один совершенно забытый мной нюанс: бюст платья беспощадно выпирал вперёд, беспомощно висляясь в воздухе. Нелепость вида вызвала у меня еще один, правда, быстро подавленный на этот раз приступ смеха. Отчаянно я принялся искать потенциальную грудь для своего сопровождающего. Сопровождающей, будущей, если быть точным. Обежав по периметру зал, я вернулся к коробке с одеждой. В область декольте платья полетели различные женские шмотки: серая водолазка, майка, какой-то большой цветастый платок, свернутый в нелепый комок. Спустя несколько минут мальчишка обзавелся довольно большим, немного бесформенным, но мягким женским приданым. Оставался последний штрих, не считая, конечно, обуви. Заранее подготовившись, я собрал на затылке Рэя купленными по пути домой в дальнем ларьке заколками его длинную челку, а за висками приколот удачно откопанную среди вещей вуаль. Однако даже через нее чувствовалась степень нахмуренности полудетского недовольного личика.

Этим вечером у Акассеи былолюдно. Праздник подходил к концу, когда мы прибыли на площадь. Со всех сторон толкались люди, звучал радостный детский и полупьяный взрослый смех, громко со сцены старалась перекричать всех оркестровая музыка, разносимая через колонки микрофонами.

-Просто, черт возьми, держи меня крепче за руку,- сказал я, сжав его ладонь. В такой толчее потерять мальчишку казалось даже легче, чем попытаться свободно присесть. Рэй в ответ обхватил мою руку своими холодными пальцами. Из-за вуали я не мог видеть его лица, так что было сложно определить, что он чувствовал. Стараясь избегать лишних контактов, мальчишка заерзал мимо людей, словно извивающийся червяк. Правда, помогало это не сильно: всего за несколько минут его обтерло тел двадцать восемь, если не больше, так что я уже начал беспокоиться за сохранность выделенного мной платья.

Акассея была прекрасна. От самого основания по краю жемчужной раковины на ней сияло множество фонарей, собирающихся на вершине в звездный светящийся каркас. Словно девушка в драгоценных камнях, нарядившаяся на праздник, она украшала собой все посвященное ей мероприятие. На несколько мгновений я застыл, восхищенно любуясь красотой своего творения. Мальчишка нетерпеливо задергал меня за руку, не желая находиться больше в месте с такой концентрацией не видимого им народа. В конце концов, вымотанный чужими плечами, животами и спинами, он сдался, и я почувствовал, как сбоку ко мне аккуратнo прижалось теплое худое тело.

И тут все огни на площади резко выключились. Оркестр затих. В наступившей тишине резко возрос шум взволнованного народа. Я оглянулся по сторонам, ища ответ на вопрос, что происходит. Взгляд мой уловил пару солдат Защиты, спокойно стоявших с автоматами на плечах. Причин для беспокойства стало меньше. Может быть, это - легкий намёк на окончание мероприятия? Рэй сжал мою руку сильнее; по торчащим ушам, казалось, можно было определить степень напряжения его слуха.

Моя принцесска восточная.

И тут прогремел выстрел. Прежде, чем я успел удивиться этой непонятной мысли, что-то с пшиком поднялось вверх, и, спустя несколько секунд, в небе взорвался и рассыпался по сторонам снап ослепляюще ярких искр. Затем ещё один, и ещё, и ещё. Череду взрывов

слилась в один большой, удивительный каскад, освещая площадь, будто дневное солнце. Музыка подскочила и принялась продолжать игру.

И на фоне праздничного салюта отчетливо выделялась грациозная фигура Жемчужины Мира.

-Извините, это вы - Алекс Бэй?

Я дернулся от того, что меня дернули за рукав. Точнее, меня дернули за рукав, и я дернулся.

-А? Я?

-Можно с вами сфотографироваться?

Передо мной стояла девушка-подросток с пышными кучерявыми волосами. Ее ярко обведённые глаза выделялись в вечернем сумраке.

-Зачем?

Меня так давно не просили о фотографии вне журналов и программ, что я совсем отвык, сидя в своей каморке дома. Несколько девчонок облепили меня со всех сторон, так что мне пришлось выпустить руку Рэя - та ускользнула от меня и исчезла в толпе.

-Улыбнитесь в камеру!- скомандовала девушка в цветастом платье,- сейчас вылетит птичка!

Мы дружно встретили птичку улыбками, сияющими в свете салюта. Откуда ни возьмись подлетело ещё несколько человек, и вскоре мне уже начали подсовывать салфетки, подразумевая, наверное, что я как-нибудь автографично в них высморкаюсь. Меня окутала вереница всевозможных запахов различных парфюмов, блесков для губ и прочей девчачьей косметической ерунды. Сквозь закрывшие меня тела я пытался разглядеть фигуру, которую сопровождал. Салют тем временем закончился, и оркестр принялся собирать инструменты. Массы начали движение, собираясь разойтись и продолжать праздник в своих домах. Тут я испугался за своего питомца. Раскидавшись в разные стороны извинениями, я растолкал девчонок и принялся лавировать между людьми. Пару раз я врезался в детишек, локтей пятнадцать нашло мое тело на своем пути, когда я наконец нашел его. Тощая фигура в розовом платье стояла, отчаянно вслушиваясь в окружающий мир. Вздывившаяся горбом накидка натянулась на предплечьях, выделяя выступавшие на тощих руках мышцы. Со всех сторон его пихали спешащие домой фигуры. Облегченно выдохнув, я рванул вперед и на бегу сгреб мальчишку в охапку. Тот резко дернулся и принялся извиваться, размахивая руками в разные стороны. Я что есть сил прижал его к себе, не давая вырваться. Вопреки производимому впечатлению, его тощая фигурка обладала поражающей силой.

- Успокойся, я это, я!- сказал я мальчишке в ухо, чтобы перекрыть шум толпы. Рэй повернулся и принялся ощупывать мое лицо. Длинные пальцы маленьких лапок прошли по моим щекам, провели по переносице и сплющили мой нос в сливу, словно стальные плоскогубцы. От неожиданности я замычал и дернулся назад.

-Да узбагойся уже!

После сливы последовала чисто женская пощечина, свидетельствующая о том, что мальчишка уже вошёл в образ. Я взял его за руку.

-Пошли.

На входе в Акассею стояла стройная девушка в ажурном платье и пилотке с победной военной звездой спереди. Нашу экстравагантную парочку она встретила довольно странным взглядом, задержавшись особенно на моей загадочной спутнице. Я подал ей свой пригласительный и поправил свою бордовую бабочку, стараясь выглядеть как можно увереннее.

-Добро пожаловать, Алекс Бэй,- улыбнулась девушка в конце концов, возвращая мне билет. Я кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака свою маску. Под мигание гирлянд мы прошли внутрь.

Большая входная зала была неузнаваема. Роскошное, освещенное десятками узорами расположенных на потолке лампочками помещение казалось, сочло бы оскорбительным даже предположение того, что всего несколько недель назад на месте утонченных диванчиков лежали полурваные спальные мешки. Отреставрированная по моим проектам от конструкции до интерьера, Акассея совершенно самостоятельно жила и развивалась, и этот факт порождал внутри меня странную помесь страха и восторга. Я застыл на входе в залу, восхищенно рассматривая помещение. Подумать только: всё это создал я, пусть руками рабочих, нанятых мной с помощью компании, но я стал главным движущим составляющим звеном. Организационным локомотивом, толкающим и тянущим весь этот процесс.

В небольшой нише под лестницей расположились музыканты, распространяющие по помещению приятную медленную мелодию. Десятки людей в праздничных костюмах и масках рассыпались по пространству, собравшись в группки. Особую популярность набирали столики с едой. Нежного цвета стены отражали свет ламп.

Мальчишка, стоящий всё это время рядом и внимательно прислушивающийся к окружающим нас звукам, нервно задёргал моей рукой:

-Что там такое? Чего застыл?

Я очнулся и ещё раз оглядел помещение, на этот раз более осмысленно. Стоило вспомнить – ну, или, на крайний случай, набросать план действий. Кэсси Клэр тоже была уже здесь, я узнал её даже в маске: она стояла возле своей начальницы, беседовавшей с одной из иностранных делегаций и – вот удивительно – внимательно смотрела на нас. Особенно, заметил я, её интересовала сопровождающая меня фигура с вуалью, скрывающей лицо. Я сразу принял важный вид и наклонился к уху мальчишки:

-Для начала походим здесь немного, чтобы перестать привлекать к себе лишнее внимание.

Вдруг словно из ниоткуда выскочил Юсиф с расплывшимися объятиями. На нём был ярко-зелёный костюм с ядовито красным платком. на лице находилась маска какого-то неведомого японского зубастого чудовища. Я резко насторожился, крепче ухватив руку Рэя.

-Алекс! Дорогой мой мальчик, вот и ты! Я, признаться, уже имел наглость отрекомендовать тебя нашим иностранным гостям. Я смотрю, ты решил нам сегодня приподнести сюрприз в виде своей неожиданной спутницы?

После этих слов он грациозно облетел меня и с энтузиазмом принялся целовать руку мальчишки. Не ожидавший таких действий, тот испуганно дернулся и с размаху ответил кулаком в хватающее руки пространство.

Юсифу прилетело прямо в челюсть, чуть левее его вездесущего рта. Тот замер, медленно подняв руку к пострадавшему месту. Рэй тут же наигранно ахнул и принялся трясти рукой, словно ушибив её.

-Аккуратнее, мужчина! Я, между прочим, приличная девушка!- раздался из-под вуали полуписклявый обиженный голос. Затем этой же ладошкой меня шлёпнули по плечу:- а ты тоже мне! Стоишь и смотришь! Неужели тебе не безразлично?

Я опешил, не зная, что на это ответить. Рэй обвил рукой мою шею, повиснув на мне, словно вешалка.

-Ничего, я же знаю, что ты у меня такой стеснительный мальчик! Элионора!

Он подал было снова руку Юсифу, но в последний момент одёрнул её и погрозил пальчиком. Я в ужасе и страхе ждал, что же произойдёт дальше: обычно конфетного мужчину переконфетили его же конфетти. Теперь оставалось ждать, выгонят ли нас за шкурку из здания, или же примут эту небольшую сценку как достойную визитную карточку. Юсиф вытащил свой ярко-красный платочек, смял его и неуверенно

расхохотался. Рэй подхватил его ноту и вытянул её ещё громче. Признав свое поражение, Юсиф помял ещё немного свой режущий глаза платочек и признал свое поражение.

-Юсиф, Анатолий Германович, но вы меня можете звать просто Юсиф Если бы вы знали, как приятно видеть, что в нашем обществе есть такие верные девушки. Однако вы позволите мне забрать ненадолго вашего спутника по нашим, так сказать, профессиональным делам?

Рэй кокетливо поправил свою вуаль и игриво погрозил пальчиком.

-Ну нетушки, сегодня вечером я не отойду от Алекса. Здесь так много страшных незнакомых людей. К тому же этот вечер, мой малыш обещал, будет весь мой.

После этого заявления я поперхнулся слюной. Мне стоило дичайших усилий подавить позывы кашля.

-К тому же я сегодня вывихнула ногу и просто не могу без тросточки.

Его неожиданно потная ладонь отпустила мои пальцы и уцепилась за мою ногу. Очнувшись, я обхватил мальчишку за талию и притянул к себе.

-Боюсь, она права: этим вечером мы идем исключительно в одном наборе. Так кому вы меня, говорите, успели отрекомендовать?

Юсиф скрипнул зубами. Я же почувствовал, как внутри него жаждет загореться смертоносный маленький параболоид. Однако я знал, что сироп, вырабатываемый этим шустрим стариком, не закончится до тех пор, пока вокруг нас есть публика сладкоежек. Поэтому мы стояли и взаимно улыбались друг другу в лица. Рэй же, из-под своей шелковой вуали, посылал свои улыбки в неведомую пустоту.

-Ну что-ж, в таком случае - пройдемте,- развел руками Юсиф после обмена любезностями. Он направился куда-то в сторону столов с едой, концентрация людей возле которых была наибольшей.

Вечер продолжался. Люди все прибывали, пространство вокруг нас все пестрело и пестрело, заполняясь всевозможными дорогами шелками и масками. Вскоре в череде всевозможных любезностей и деловых разговоров мальчишка безнадежно заскучал и принялся ерзать на месте. Не прошло много времени, как он нашёл стол с едой. Аккуратно шупая поверхность скатерти, он добрался до тарелки с пирожными, вляпался в крем и кое-как поднял одно из них. Следующим препятствием на пути к счастью была шёлковая вуаль. Чтобы не терять равновесие в окружающей его неизвестности, мальчишка как бы невзначай облокотился на меня спиной, да что там – облокотился – он лёг на меня сбоку, окончательно освободив обе свои руки для наслаждения пищей. Стараясь открыться как можно меньше, Рэй за краешек приподнял ткань и скрыл под ней пирожное, уничтожив его за долю секунды.

Отвлекаясь от разговора о функциональных особенностях несущей конструкции, я краем глаза наблюдал за развернувшимся представлением. Со временем на него начали переключать внимание и некоторые иностранные послы, время от времени всё ещё пытавшиеся поддерживать беседу. Однако когда вуаль оказалась отчасти вымазана в креме, за мальчишкой наблюдали уже все. Прилагая все усилия, чтобы не раскрыть лицо, Рэй запихивал очередное пирожное себе в рот целиком. В итоге в креме оказались вся нижняя половина вуали и обе цепкие лапки, которыми он не преминул за меня ухватиться. Я неловко улыбнулся наблюдающим за нами парам глаз и вежливо попросил отойти.

-Ты чего творишь?- спросил я мальчишку, уединившись. Тот попытался облизать липкие пальцы.

-Чего? Разве это не для всех? Помогите мне лучше вернуться и съесть ещё одно. Из первого до моего рта вообще дошла только половина.

-Обойдешься,- пробурчал я,- пойдём. Мне кажется, мы достаточно посветились.

Мы вышли из зала, завернув в соседний пролет. Дверь в подвал была, как не странно, заперта. Я принялся возиться, стараясь открыть замок.

-Доставай давай,- повернулся я к нему, нащупав, наконец, заветный запасной ключ. Но мальчишка резко прижал меня к стене, закрыв ладонями моё лицо. Я почувствовал, как его пальцы нащупали и зажали мой рот. Тут я заметил, что он уже успел избавиться от мешающей на лице вуали. И тогда сквозь мешанину долетающих до меня звуков я услышал два приближающихся голоса. Женщина громко и заливисто смеялась, стуча каблуками по паркету. Казалось, это была та самая представительница и делегации Республики Конго, чья причёска возвышалась над головой хозяйки, словно Эйфелева башня. Голоса мужчины я распознать никак не мог, скорее всего, ещё какой француз, члены делегаций держались преимущественно своих компашек, опасаясь заговаривать с кем-то посторонним, и лишь наши представители бегали от одних к другим, щедро раздавая гостеприимство в разные стороны. После войны страны превратились в небольшие жилые островки, окруженные морями радиационных и безжизненных пустыней. Ограниченность ресурсов, недоверие к остальным и отчаянные попытки собрать и восстановить все, что от себя осталось - тут не до активного международного дружелюбия. Мы замерли в каморке, прислушиваясь к действиям за скрывающими нас высокими перилами. Женщина без остановки щебетала что-то волнительное, едва ли касающееся политики. Её спутник вставлял редкие фразы в моменты, когда та останавливалась набрать в легкие воздух. Парочка пропорхала по коридору и перебралась на лестницу. Изящные женские пальчики с узорчатым маникюром легли на перила в паре десятках сантиметров от моей головы. Посмотри кто-нибудь из них вниз, и им предстала бы удивительная картина. Запах платья мальчишки в моём носу перебивал яркий французский парфюм. Ждать, когда же они опомнятся и уйдут, казалось, предстояло ещё целую вечность.

Но неожиданно ситуация резко изменилась. Оповещающие о приближении других гостей праздника звуки спугнули воркующих голубков: французы притихли и спешно куда-то исчезли, в то время как мы лишь сильнее вжались в боковую стену лестницы. Я уже слышал едва уловимое потрескивание - вероятно, это шалили механизированные датчики в моей голове, реагирующие на сигнал передатчика.

-Вы в этом уверены?- прозвучал громкий, низкий голос, перебивающий звуки оркестра.

-Мы проверили все раз десять..

-Надо было двадцать! Послали кого на места?

-Да, люди уже должны быть там.

Они стали прямо напротив нас - боком к небольшому проему, в котором мы стояли. Два мужчины в темной форме - охрана. Высокий человек с нагрудной нашивкой - видимо, начальник, потер переносицу.

-Ладно с этим, где мальчишка? Вы за ним следите?

-Всего несколько минут назад он был в зале

-А сейчас? Кто к нему приставлен?

-Семенов, сэр.

-И где Семенов?

-Мы отправили его на проверку камеры на углу Ново-Пресненской.

Мужчина взвыл.

-Если этот шкет что-нибудь выкинет, я первым делом пристрелю вас, и только потом пойду все расхлебывать! Все видели, что он натворил сегодня на церемонии открытия?

И тут он повернул голову в нашу сторону. На долю секунды мы столкнулись взглядами, и тут волшебным образом сработала реактивная интуиция Рэя: резко подавшись вперёд, он впился в мои губы своими, ещё крепче вжав меня в стену и пряча от мужчин свое неприкрытое лицо. Спohватившись, что и мне стоит внести что-то в ситуацию, я обхватил руками его тонкую бабскую талию. Затылок уперся в стенку лестницы, в ушах затрещало громче.

-Какого..

Охрана стояла в шоке.

Я был в шоке. И только мальчишка усердно пытался параллельно нахлобучить на себя вуаль. Ногти мои проскребли по шелковой ткани розового платья, в мозг от адреналина ударила кровь. Я не хочу, чтобы последним моментом в моей жизни оказался поцелуй с этим нахальным пацаном. Ну все, как только выкрутимся - убью. Точно убью гада. Если выживем. Спасу, а потом убью.

Зрители нашего представления зашевелились. Придя в себя, начальник охраны подлетел к нам и громко кашлянул.

-Я попрошу вас вернуться в зал.

Я оторвался от губ мальчишки и прижал его лицо к своему плечу.

-А? Простите?

Мужчина одернул свой форменный пиджак и ещё раз громко откашлялся.

-Гхм-гхм! В силу своих прямых обязанностей я прошу вас покинуть эту нишу и переместиться в зал, где сейчас проходит мероприятие.

-Сейчас-сейчас,- я перехватил у Рэя вуаль и помог прикрепить её обратно ему на голову. Только затем я перевернул мальчишку к охраннику. Тот якобы стеснительно принялся похихикивать и прикрываться от стоящих перед нами мужчин.

-Простите нас пожалуйста, так неловко получилось...-залепетал он.

-Ну что-ж, малыш, пойдём? - спросил я его.

Тот уцепился в мою руку и вновь разразился своим фирменным пробирающим смехом. Пошатываясь, мы под пристальным взглядом охраны прошли к дверям холла, из-за которых все ещё доносилась оркестровая музыка.

-Напомни мне проблеваться, когда будет возможность,- он демонстративно вытер рот измазанной в креме вуалью,- ну и каков же план дальнейших действий, Петр Николаевич?

Я проигнорировал его высокие знания истории и действительно задумался. Охрана теперь изо всех сил будет сторожить это место, да что там место - изо всех сил они будут сторожить меня, словно кусок радона критической массы: миллиграммом больше - и бум! Лица правительства с иностранными представителями теперь только на фотографиях в рамочках. Я оглядел праздничный холл Акассеи. Изящная мебель на тонких, но устойчивых ножках, кремовые стены. Вообще-то, я не приверженец маленьких деталей и королевски роскошных узоров, но Акассея ещё внутри моей головы начала капризно устанавливать свои правила. Она требовала изящества, грации, раскинувшись в пространстве нежным цветком, балериной, не окончившей своё движение. Холл был полон людей. Вопреки моим ожиданиям, пространство и правда пестрело костюмами, а главное - масками, скрывающими лица. Что-то тревожное зашевелилось внутри меня. Казалось, на самом видном месте находилось то, что бросалось в глаза, но никак не доходило до мозга. На самой поверхности, простое до самых чёртиков.

В стороне ото всех у стены стояла одинокая стройная фигура с бокалом в руке. Ее изящная маска, сплетенная из тонких нитей, изображала черную кошку. Это была Кэсси Клер. Она задумчиво смотрела на происходящее в холле. Я бросил взгляд на охранника возле двери и решительно повел мальчишку в сторону девушки.

-Здравствуйте,- я приблизился к ней, обхватив своего спутника за талию для более удобного маневрирования. Клер заинтересован ним взглядом просканировала мою "спутницу",- знаменательное событие, спешу поздравить вас с тем, что оно, наконец, свершилось.

-Для счастливого человека вы слишком официальны, дорогой Алекс,- прозвенела она. Я почувствовал, как ее ответ уколол меня под лопатку.

-Да, к сожалению, моя маска едва ли скрывает мою личность. Предпочитаете мне хлестать шампанское и танцевать босиком на столе?

-Что же вам мешает? К тому же я вовсе не собиралась заставлять вас снимать ботинки.

-Зря, моя дорогая,- защебетал вдруг мальчишка, хозяйски уцепившись в мою руку,- знали бы вы, какие у Алекса прекрасные пальчики на ногах, особенно мизинчик на правой - благодаря ему я готова простить моему сладкому всякие завалы из носков!

Второй раз за этот вечер он спасает меня и вводит этим в ступор. От стыда я почувствовал, как у меня загорелись кончики ушей.

-Ну что же ты, не надо этого стесняться, это ведь твое прямое преимущество,- Рэй игриво нащупал мое ухо и заправил за него клочок волос. Кэсси Клер фыркнула и принялась с интересом рассматривать его уже исподлобья. Казалось, выход мальчишки ее уделал. Это сработало. Показательные выступления закончились, настало время объявить перемирие. Все замолчали. Клер все странно пялилась на мою спутницу.

-Ну,- прервал, наконец, я эту затянувшуюся паузу,- не поделитесь своим впечатлением о нашем мероприятии?

Кэсси Клер сморщила выглядывающий из-под маски нос. Как у всех уверенных в себе людей, он у нее был вздернут вверх.

-Сборище детишек на празднике. Уже не утренник, и уже даже шампанское есть, так самомнения полные слюнявчики.

Слюнявчик. Один такой совсем не помешал бы мальчишке во время приема пищи. Я посмотрел на него и заметил на вуали ещё пару засохших кремовых разводов. Свинья, хотя что с него взять? Я все продолжал бросать косые взгляды на охранников у выхода, пристально сверлящих меня взглядами. Когда я был ещё совсем мелким, я любил представлять, как выполняю важные миссии по спасению упаковки конфет или кукурузных хлопьев из страшного плена, пытаюсь незаметно стащить их с кухни. Готовящая у плиты мама была строгим охранником, к которому я нередко применял свой самый беспощадный и почти всегда безотказный манёвр – поцелуй в щёку – заглушая её бдительность. Боюсь, эти охранники не настолько бесстрашны, чтобы попасться на данную уловку. А время-то шло....

-Тик-так,- прозвучало как-бы сквозь мои мысли.

-Да знаю-знаю,- машинально отмахнулся я и только затем понял, что это было вслух. Я спохватился:

-А? Что, простите?

Кэсси Клер смотрела на меня своими широко распахнутыми глазами. Лишь сейчас я почему-то заметил у неё родинку над выступающими из-под маски тонкими губами. Неужели мне когда-то могли такие нравиться? Она теребила рукой соломинку в своём стаканчике.

-А вы, я смотрю, взволнованы, дорогой Алекс. Случайно не перед предстоящим ли моментом вечера?

Момент вечера, да. Старая добрая традиция маскарадов, когда в полночь выключается свет, и все снимают маски. Признаться, я и раньше ловил у себя в голове эту мысль: предстоящие несколько секунд могли бы послужить прекрасным шансом вновь улизнуть из зала, однако это не давало возможности избежать грозящихся начаться тут же с включённым светом поисками. Что бы ни творилось в этот странный день, меня из-за этого подозрительно пасли, словно овечку на пастбище. Я посмотрел на часы: уже сорок пять минут двенадцатого. Я было уже повернулся обратно к собеседникам, но тут зацепился за фигуру, стоящую у дальнего столика с закусками и старающуюся без помощи рук снять языком с кончика носа кусок сервелата. Глаза, лоб и левая щека его были закрыты серой маской, но одни лишь действия уже выдавали Генри с потрохами. Если, конечно, никто из иностранных делегаций не решили привести с собой еще одного такого гения мысли. Колбаса слетела с носа, проскользила на своем жирном боку по открытой щеке и сорвалась вниз, где была почти ловко подхвачена руками. Вытерев рукавом пиджака лицо, Генри со всей невозмутимостью принялся жевать этот кусок. Тоже мне, член светского общества.

Как его вообще пустили на это мероприятие? Скорее всего, он пришел как ассистент мистера Вольного, который, кстати, держался с тетей Людой недалеко от индийской делегации и заодно тарелок с халвой и фруктами. Меня вдруг пронзила неожиданная мысль: я вспомнил про ещё два маленьких билета – где-то здесь были и мои родители. Толпа слегка разволновалась, и я, повинувшись ей, посмотрел в сторону главной двери. В окружении толпы находился мужчина, тоже в маске, но узнать которого также не составляло труда: его плечо и рука были крепко зафиксированы медицинским каркасом,- это был мэр города. Мальчишка, держащийся за меня, видимо, услышал со стороны шум и вдруг дёрнулся, словно его подключили к электропитанию:

-А что там происходит? – он напряжённо наострил уши.

-Явление Христа народу,- пробурчал я без особой неприязни,- так, соберись. Нужно найти способ неподозрительно выйти с этой тусовки.

Неожиданно, пока я отвлекся на рассмотрение окружающей обстановки, Рэй побледнел, издал крик умирающей чайки и рухнул на меня. Я не успел поймать его, и тушка в розовом платье свалилась на пол. Я наклонился к нему. Мальчишка отчаянно махал на себя руками, приговаривая трагическим голосом:

-Воды, прошу, воды! Здесь совсем нечем дышать! Держу пари, это всё гадкие кексики! Кто-нибудь принесёт мне попить?!

Мы тут же привлекли львиную долю присутствующей толпы. Кто-то придвинулся ближе, чтобы лучше рассмотреть представление, другие же отошли подальше, на радиус разброса опасного мусора. Вскоре в руке мальчишки уже был бокал шампанского. Тот махом влил в себя половину, после чего довольно причмокнул и поинтересовался:

- А что-нибудь покрепче есть?

Я едва сдержался, чтобы не зарядить ему подзатыльник. Я наклонился и зашипел ему в ухо:

-Ты что вытворяешь? Может, сирену ещё врубишь?

Он заохал.

-Мне срочно нужно в дамскую комнату. Проводи меня до уборной!

А это он ловко придумал, шумно, правда, но в самом его стиле. Я помог ему подняться и повёл его к выходу. Продолжая разыгрывать свою мылодрамму, мальчишка напряжённо вслушивался. Его уши так и торчали в стороны, словно два настраиваемых локатора.

-Мэр рядом?- прорычал он мне в ответ. Вопрос сбил меня с толку.

-Ну, того,- я посмотрел на мужчину с перевязанной лапкой,- слева по курсу. Мне в пространство трёхметровой радиуса от него путь заказан.

Рэй настороженно прошупывал пространство всеми своими ощущениями. Страшно представить, каким был теперь мир для этого ребенка: звон бокалов, чужие голоса, шуршание одежды, запахи туалетной воды, парфюмов, кожи, еды на шведских столах.

-Далеко? – не успокаивался он. Такой неживой интерес к мэру мне совсем не нравился. Я ускорился, надеясь покинуть опасную зону.

-Тебе прям чешется?

-Ты можешь просто ответить?

Я вздохнул, предчувствуя неладное.

-Ну, метрах в трёх.

Мальчишка вдруг резко упёрся и пихнул меня в бок.

-Поворачиваем!

Я упёрся в ответ, мы резко вильнули в диагональ между направлениями к мэру и выходу. А мужчина тем временем общался с какой-то азиатской делегацией. Его вид выражал либо крайнюю беспечность, либо наивысшую степень волнения. У нас затеялась потасовка.

-Что ты, черт возьми, вытворяешь?

Мы остановились, уравновесив упорные силы.

По залу разнёсся звон: все обернулись на стоящего у основания боковой колонны Юсифа с бокалом и вилок в руках. Рядом с ним стояли несколько переводчиков. Выпрямив спину, он с грацией, которой позавидовали бы маленькие принцессы, откинул со лба скучный клочок волос и заговорил. Тут же с небольшим опозданием за его словами зазвучало -Дорогие гости! Дамы и господа! Нет слов, способных в полной степени описать мою радость сегодняшней знаменательной дате! Остались считанные минуты перед волшебным, символическим моментом в истории, когда все из нас раскроют свои лица друг перед другом. Я хочу, чтобы никто не забывал этот вечер. Ведь, даже сняв тайну, скрывающую различия между нами, мы все равно останемся равными друг между другом. Умеют же эти политические деятели красиво говорить. Казалось, из обычного похода в туалет они могут сделать эпичную трагедию. Спустя столько интервью, анкет и телешоу, которым я был подвержен за время проектирования Акассеи, я все равно тратил невероятное количество сил на формулировку одного адекватного ответа на вопрос. Сироп изо ртов этих людей лился просто так, как водичка из крана. Попав под влияние гномьева красноречия, я отвлекся и потерял контроль над мальчишкой. Тот тем временем продвинулся ближе к мэру. Юсиф провозгласил: «Так давайте же сделаем это!» и торжественно влил в себя остатки шампанского.

В этот момент наступила резкая тьма, даже после такой прелюдии оказавшаяся совершенно неожиданной.

Я резко схватил Рэя за руку. Перед глазами, не привыкшими ещё к темноте, ещё стояла картина торжественного Юсифа.

«Вечер Анны Павловны был пущен. Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину. Но среди этих забот все виден был в ней особый страх за Пьера. Для Пьера этот вечер был первый.. Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбегались глаза. Он все боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать..»

«Ты гораздо больше Пьер Безухов, чем Андрей Болконский»

Меня резко ударили под дых чем-то твердым – я выпустил руку мальчишки и согнулся пополам, хватая ртом воздух. Ухо мое обдало горячее дыхание:

-Я и наполовину не так слеп, как ты.

Спohватившись, я потянулся к своей маске. Мои глаза начали различать в темноте очертания фигур, как вновь зажгётся свет. Теперь приходилось шуриться уже от него. Послышался сдавленный возглас и звук снятия с предохранителя оружия. Всего в нескольких шагах от меня стоял мэр, тонкая рука уверенно прижимала к его шее острую отвертку. Мальчишка стоял за мэром, схватив его в свой плен; из-за широкой фигуры выглядывали края розового платья.

-Стоять! – четко проревел он, когда охранники Защиты ринулись со своих мест. Все замерли. И тут я заметил, что мэр был не единственным заложником. По всему залу там и здесь члены правительства стояли недвижимости статуями. Люди в костюмах официантов держали в руках угрожающие предметы: шила, заколки и даже вилки. Казалось, безобидные предметы в этой ситуации играли роль холодного оружия. Все замерли. Я принялся разглядывать напавших. Все они были в масках, по большей части словно металлических моделей человеческих лиц. Взгляд мой резанула знакомая кошачья морда: Кэсси Клер держала пилочку у горла своей начальницы. Дальше, у противоположного

конца стола Генри держал мистера Вольного. За ними находилась ещё одна до боли знакомая фигура, в которой я едва узнал задиру Эдди

В заложниках были члены местного правительства, за исключением пары-тройки незаметных личностей. Однако нападающие не тронули ни одного члена делегации: иностранные гости стояли в полной неприкосновенности, испуганно озираясь широко распахнутыми глазами. Идиоты. Что они наделали. В первую же ночь своей жизни Жемчужина мира оказалась захвачена.

-Уважаемый господин мэр,- прозвучал в установившейся паузе голос Рэя,- от лица всех ваших подданных, населяющих техническую зону, я извиняюсь за проблемы, которые могут вытечь из созданной ситуации. К сожалению, это один из немногих способов, способных гарантировать, что наши слова будут услышаны. Сегодня, на открытии Международной Резиденции мирных переговоров мы пришли, чтобы высказаться. Как вы видите, ни у кого из наших людей нет оружия. Мы уважаем правила священности и безопасности земли под этим строением. И мы ждём этого и от ваших слуг.

А красиво говорит, жучара. Я и представить не мог, что мальчишка может так шпарить. Где он только такого красноречия набрался? Не иначе как репетировал сидел, мало ли чем он ещё занимался, пока меня не было дома. Оторвав внимание от фигуры в кошачьей маске, я принялся разглядывать другую, не менее теперь неизвестную для меня, почти скрытую широкоплечим туловищем мэра. Я сверлил его так, чтобы он даже без зрения почувствовал мой взгляд. Но я был слишком наивен, считая, что сюрпризы для меня от этого красавчика на вечер уже закончились. Рэй вдруг вскинул голову и заговорил на почти чистом (насколько невежественный я мог судить) французском языке. Затем последовало ещё обращение на – кажется, португальском? Или испанском? И даже на китайском сказал, чтоб его. Знакомый язык немного успокоил чувство моего достоинства, на китайском мальчишка извинялся, выказывал уважение к нашим гостям и просил проявить понимание и не беспокоиться.

-Мы пришли для переговоров,- с ударением на последнее слово произнёс Рэй и замолчал в ожидании.

По лицу мэра было трудно понять его реакцию. Он угрюмо кивнул и обратился к воинам защиты:

-Опустить оружие.

Затем добавил:

-Живо!

Те замялись, но остались стоять. Люди в синей форме продолжали уверенно держать оружие перед собой.

-Вы слышите меня или нет? – мэр заметно разволновался. Он совершенно потерял контроль над ситуацией, да ещё на глазах у политических представителей других стран. Лицо мужчины приняло более тёмный оттенок.

-Никто сегодня не выстрелит...

Последовал выстрел, и мужчина принялся оседать на мальчишку; тот растерянно попытался поймать его и удержать на руках, но разница в весе и размерах всё-таки была неуклонна. Они упали на пол, тощая фигура в розовом платье оказалась придавлена широким телом в тёмном костюме с розой в нагрудном кармане, сквозь наполовину сдёрнутую вуаль я мог разглядеть напуганное и растерянное лицо мальчишки. Я было рванулся к нему, но тут же замер, рискуя тоже напороться на пули. Я попытался вспомнить, откуда произошёл выстрел и оглядел помещение. Лица всех до одного воинов Защиты не выражали ровно никаких эмоций. Каждый из них мог с равным успехом как стрелять в мэра города, так и печь блинчики на масленицу. В критические моменты меня просто пропирает на наиглупейшие шутки. Бывшие несколько секунд назад нападавшими

растерянно начали переговариваться. Иностранцы в панике, боясь получить пулю, негромко принялись переговариваться.

Резкий звон во второй раз разрезал эту ночь. Все вновь посмотрели в сторону колонны. Там всё так же стоял Юсиф с бокалом и ложкой в руках. Добившись всеобщего внимания, он поправил свою бабочку и на чистом китайском заговорил, прося всех гостей успокоиться и не паниковать.

Ведь на ваших глазах, дорогие дамы и господа, совершается история.

Глава 11

Всё-таки политиками не становятся политиками рождаются. Рождаются в каком-то захолустье на краю общества, где-нибудь в месте, подобном техзоне, а потом устраивают революции. Или восстания, войны. «Дети Евы», как назвал бы их немецкий писатель и философ Герман Гессе. Особенности, от рождения несущие на себе печать Каина. Ее нельзя нарисовать, нельзя свести или передать. Печать Каина словно лежит на них и сквозь них, ввевшись своей судьбоносной краской в каждую частичку сущности. Это Наполеон Бонапарт, которого чтит Раскольников, которого уважал когда-то Пьер Безухов. И там, где есть эти люди, творится оно. Порой один такой человек способен взять этот мир, словно старый рваный носок, и вывернуть наизнанку.

За окном была теплая ночь. Ночь знаменательного дня, обернувшегося в какофонию. Это была кульминация, стационарный судьбоносный узел во времени и пространстве, в котором сходились все нити мироздания, на которых подвешена к небу земля, на которой мы живём. Возможно, сейчас ты ещё не можешь этого понять, думаешь, что я несу какую-то чушь. Но когда-нибудь ты поймешь. Только я больше не буду тебе писать. Потому что той ночью – я ещё расскажу об этом, немного позже – я тебя увидел. И , понял, что тебя уже давно не было. Мне это говорили сотни и тысячи раз уже не один год, но я наивно и глупо пропускал это мимо ушей, как последний баран упёршись в оставшийся в моей голове спасительный образ, уже совсем не твой, лишь идеал, навеянный миом глупым воображением. И я любовался этим идеалом, лелея его и протирая от грязи окружающей правды.

В одном высоком, красивом, роковом здании решалась судьба оставшихся ошметков человечества. Но эта история не об этом, я уже говорил. Этой ночью я лишился семьи. Также я лишился статуса и окончательно потерял окутавшие меня комфортным одеялом иллюзии.

Что будет с человеком, если отобрать у него прошлое? Что будет представлять из себя это существо без памяти? Сотни философов пытались найти ответ на вопрос о сущности человека. Дон Локк, западный философ 17 века, утверждал, что человек рождается «чистым листом», не имея ровно никаких инстинктов и навыков. Доугие считали, что человек по природе своей порочен и дик, и только общество и цивилизация упрощает его, сажая в клетку морали и этики. Кто-то утверждал совершенно противоположное. Что выйдет из человека, очищенного до степени новорожденного ребенка? Дадим ли мы свободу зверю, или же невинной чистоте девственного от пошлости разума? Или же получим чистый холст, на котором будем вольны писать иконы или даже кровавые бойни? К сожалению, господин мэр перестал справляться с ситуацией. Вы будете иметь дело с исполняющим его обязанности.

-Опустили оружие, или я воткну эту вилку в глаз министру! – закричал официант в маске с острым носом.

-Увольте нас от этого зрелища,- брезгливо поморщился Юсиф, раздались выстрелы, и оба человека, заложник и официант, стремительно осели на пол. Их убили. Я бросил взгляд на Кэсси Клер: она продолжала стоять на месте, ничего не предпринимая. Мне не нужно было видеть её лицо, чтобы понять, как она была растеряна. Они были обречены.

И тут мое левое ухо пронзил звук выстрела. Я, как и часть повстанцев, резко обернулся на окно. Что-то происходило снаружи, что-то безумно важное и настолько же ужасное. Я бросил взгляд на мальчишку, чьё лицо словно окаменело. Но для меня в тот момент оно выражало целую гамму эмоций и чувств. Я понял, я вдруг ясно это понял: там, снаружи, возле Акассеи были люди. Его люди, пришедшие с теми, кто стоял в масках. Люди, верящие в то, что их проблемы увидят. Надеющиеся на то, что их поймут. Люди, ждущие признания, пришедшие за него бороться.

Стоящие в зале повстанцы застыли в безысходности. Прямо на них были направлены дула винтовок, а в их руках зажаты те, чья судьба уже никак не волновала угрожающих. Теперь эти заложниками были для них лишь обузой, связывающей руки.

И тут несколько человек резко сорвались с мест. Кто-то резко откинул в сторону министра, один же потащил заложника за собой, укрываясь им, словно щитом. Раздалась череда выстрелов, и тела попадали на пол. Послышались вопли и женский крик, вновь началась суматоха, продлившаяся пять минут. Когда желающие рискнуть своей жизнью закончились, Юсиф поставил бокал на стол и вновь обратился к гостям, прося их вернуться в свои гостевые: завтра всех ждёт тяжёлый, насыщенный день. Тем временем Рэй уже выбрался из-под тела мэра, тот был ещё живой, но уже едва подавал признаки жизнеспособности. Мальчишка наощупь пытался зажать ему рану, из которой всю хлестала кровь. В первую же ночь своего существования Жемчужина мира оросилась кровью.

Кровью, красной, словно яблоки на свежем снегу, словно томатный сок, пролитый на новый пол. Красный-красный-красный.... Я сидел на стуле, пялился в пространство невидящим взглядом, перед которым одна за другой менялись несколько картинок. Кровь на новом полу, бесстрастное лицо воинов Защиты и.... перепуганные глаза матери, на которые я наткнулся прежде, чем нас увели из зала.

Вместе с оставшимися повстанцами нас поместили в переговорный зал. Некоторые почему-то упорно продолжали сидеть в масках, но большинство уже избавились от ставших бесполезными аксессуаров. Кэсси Клер тоже была там, села в углу у стены и молча рисовала что-то пальцем на колене. Даже Генри, словно оглушённый по голове чем-то тяжёлым, молчал. Рэй взгромоздился на стол и лёг, положив под голову окровавленные руки. Казалось, он спал, просто пришёл и лёг поспать после тяжёлого учебного дня. Какое-то время все молчали, лишь широкоплечий мужчина с короткой неаккуратной бородой вскочил и принялся ходить по кабинету, спотыкаясь о чужие ноги и оттаптывая кому-то пальцы. Из него так и исходила энергия, которую ему срочно требовалось куда-то деть. Время от времени он порывался и не переставал мотать головой в поисках груши для битья. Я переключился на него, мечущегося, словно маятник старых часов. Мужчина очень подозрительно бросал в мою сторону неопределенные взгляды. Мой шок крайне резко оставило нахлынувшее безразличие, окутало бальзамом уставший мозг.

Не так должен был пройти этот день. День, который я ждал всю жизнь. Я хотел создать место, свободное от вражды и насилия. И я хотел встретить тебя. И я тебя встретил. И готов на все, чтобы это не случилось снова.

Кто-то может подумать, что самое страшное в этой истории – это кровь и мертвые тела. Но нет, самое страшное – это ужас в родных широко распахнутых глазах и безразличие на лице над дулом нацеленной на человека винтовки.

И что-то в этой истории, кроме всего остального, никак не давало мне покоя. Что-то, что я упустил. Что-то мешающее, совсем не вписывающееся в произошедшее.

Взгляд мой резко наткнулся на ещё одно ранее не замеченное мной лицо. Без огромной потрёпанной куртки и дырявых кроссовок было сложно узнать лопухого мальчугана.

Именно эти уши провожали меня на самую крышу недостроенного здания, где я нашёл...
Ленни.

Что делает передатчик? И если он не дело рук восставших, то чьих? И – самое главное – чем это грозит?

До меня донеслось бурчание. Генри сидел недалеко на стуле и теребил руками свои волосы. Он прижал к себе колени и раскачивался на стуле.

-Что здесь, черт возьми, делает эта кукла?- взорвался маятник. Он ринулся в мою сторону, я вскочил с места, не зная, что ему ответить. Я готов был защищаться, если надо было, даже набить кому-нибудь морду.

-Видеть не могу его противную конфетную морду!

Я шагнул и пихнул мужика в грудь. Тот отлетел назад, свалив несколько стульев. Пусть остынет, ему не мешает немного успокоиться.

-Прекратите! Пожалуйста, прекратите!- завыл вдруг Генри, принявшись колотить по своей голове.

-Ах ты, скотина!- мужик взревел и, гремя стульями, поднялся с места. Но он наткнулся на вытянутую ногу в розовом тапочке.

-Спокойно, ребята

Рэй лизнул окровавленный палец и растянулся на столе

-А ты, щенок, молчи! Это ты во всем виноват! Послушали малолетку, у него в голове только нежности с этим сопляком в шапочке!

Мальчишка резко сел.

-Никто тебя за мной не тащил,- процедил он четко, перебив даже вопли Генри и установившийся галдеж,- ты шел бороться? Чего же ты стоял? Или надеялся вилкой перевернуть мир?

-Прекратите! Хватит! Пожалуйста!

У Генри всю бушевала истерика. Рэй поморщился:

-Вырубите кто-нибудь эту сирену, голова раскалывается.

Заряженный газ, домашние мини электростанции, новые частотные излучатели, приемники, дистанционное управление. Новые модификации, новые гаджеты требовали подзарядки, наполнения. Газовые баллоны, которые резко возросли в цене, стали на вес золота. Вскоре нашлись предприниматели, бюджетные версии, нелегальные распространители. Газ? Покупаем! Что будет не так? Ядовитые испарения стремительно расселялись по округе, появляясь в каждом доме. Бомбы на сигнале нужной частоты остались ждать своего часа в каждом доме города техзоны.

Это произошло утром. Площадь перед Акассеей вновь была полна народа. С неба спускался ветерок и приветливо играл в волосах. Перед зданием в несколько рядов выстроились люди. За ними, подняв оружия и нацелив прямо в затылки, стали солдаты. Юсиф стоял в стороне, из кармана у него торчал ярко-красный платок.

-Я вынужден объявить наипечальнейшее известие,- его лицо выражало крайнюю степень скорби,- этой ночью, на самом важном балу в году, произошло страшное событие. На здание Международного Мира напали мятежники, нарушители спокойствия. Мятеж был подавлен, но нашего уважаемого мэра спасти не удалось. На неопределенное состояние Города я объявляю себя временно исполняющим его обязанности.

Рэй стоял рядом. Его неподвижное лицо словно излучало ненависть.

-Перед вами стоят люди, явившиеся причиной этого происшествия. Мятежники, забывшие историю. Террористы нашего общества. Они неостановимы. При попытке проведения переговоров героически погибли ещё семь человек.

Выкинешь какую-нибудь глупость, и твои бесполезные родители потеряют свободу.

Подставишь мне в колеса палки – они лишатся жизни

Слова Юсифа, произнесенные мне перед церемонией, эхом отдавались в голове. Я сам привет их к нему. Идиот. Какой же я идиот.

Кэсси Клер стояла в первом ряду, смело подняв подбородок. По толпе было сложно понять, как они относятся к этой ситуации. Люди словно ждали, что будет дальше, совершенно не готовые ни к чему. Не понимающие, что происходило перед их глазами.

Солдат открыл дверь в кабинет. Мы прошли внутрь. Кабинет был заставлен цветами во всевозможных горшках. Юсиф стоял перед зеркалом и художественно запихивал в карман сложенный красный носовой платок. Увидев нас, он кивнул.

Я всё ещё был в замешательстве. Прошла ночь, на часах было позднее утро, нас всех вывели из переговорной,

-Добрый день, Алекс,- обратился ко мне Юсиф,- я позвал тебя, чтобы кое-что разъяснить. Он подошёл и принялся поправлять воротник моей рубашки.

-Я прошу тебя не забывать, мой дорогой мальчик, что ты до сих пор жив благодаря мне. Всё, что есть у тебя на данный момент – существует благодаря мне. А также,- он стряхнул пылинки с моего пиджака,- у меня твои папа и мама. Выкинешь какую-нибудь глупость, и твои бесполезные родители потеряют свободу. Подставишь мне в колеса палки – они лишатся жизни.

Я застыл на месте, не в силах пошевелиться. В голове снова всплыли напуганные мамины глаза. Моя рука дёрнулась размокнуть морду этого мерзкого гнома, но он резво отпорхнул в сторону и угрюмо погрозил пальчиком.

-Можешь ступать, тебя проводят.

Я замялся: Рэй стоял на месте. Что будет, если оставить этих двоих наедине?

-Иди,- Юсиф понизил голос, но мальчишка вдруг топнул ногой:

-Пусть остаётся, у меня нет секретов с тобой от этого человека.

-Мне не нужен в кабинете больше этот щенок!

-Уйдёт он – уйду и я.

Отношения этих двоих удивили меня не на шутку. Мальчишка вёл себя с демоном Баггейном, словно капризный принц. Юсиф раздражённо выдохнул, подошёл к нему и приподнял указательным пальцем его подбородок.

-Мне жаль,- сказал он,- в планы не входило...

-Засунь свои извинения сам знаешь куда,- тряхнул мальчишка головой,- я тебя ненавижу!

-Следи за словами, сопляк!

-Я готов ответить за каждое.

Юсиф смотрел на мальчишку яростным взглядом. Казалось, он боролся с желанием схватить ремень и выдрать его по тощей заднице. Обо мне, кажется, все благополучно забыли. Я попытался как можно правдоподобнее слиться с местностью.

-Переоденься. Хватит делать из себя клоуна,- мужчина кивнул на висящий на спинке стула костюм, который раньше я не замечал. Рэй демонстративно поправил подол платья:

-И не подумай.

-Прекращай испытывать моё терпение и сними эту половую тряпку!

Юсиф от ярости начал плевать слюной. Вполне возможно, что ядовитой. На лысине старичка выступила испарина, лицо побагровело. Рэй сложил руки и выплюнул прямо в гномье лицо, словно видел его своими спёкшимися глазными яблоками:

-Ты мне никто.

Глядя на эту картину, я вспомнил, как во времена своих детских капризов убегал в комнату, громко хлопая дверью. Как откапывал в шкафу свой рюкзак с собачкой и начинал собирать вещи, планируя сбежать из дома. Чёрт возьми, а ведь это никак не отличалось от того, что происходило там. Потому что мальчишка и был сыном Юсифа.

Все мы когда-нибудь видели слизняков. Такие противные склизкие жирные куски живого мутировавшего желе, живущие под камнями и на бочке с навозом на даче. Насекомые вообще сами по себе – существа, от которых крайне сложно избавиться. Война, радиация, огонь, землетрясение, наводнение, пришествие дьявола – их только больше. Это произошло из-за исчезновения птиц, эти существа расплодились до устрашающих показателей, вылезали из каждой щели.

Все мы тыкали в слизняков палкой. Его неуклюжее бездействие и беспомощность необъяснимо забавляют, когда в ответ на раздражение ленивая кашка начинает медленно и неуклюже шевелиться.

Меня тыкали палкой, настырно, с азартом маньяка. В ответ я лишь лениво переворачивался на другой бок, упиваясь жалостью к самому себе. У меня в руках были все возможности изменить это. У меня был доступ к ресурсам. У меня были все возможности. Но я предпочел остаться слизняком, безвольной полужидкой массой, не способной даже схватиться и заползти на тыкающую её палку.

Прозвучала команда: солдаты приготовили оружия. А я ненавижу себя.

Невольно мой взгляд изучал приговоренных, одного за другим.

Люди стояли и смотрели. По толпе проносился тихий ропот. Стая растормошенных недовольных слизняков. И я, королевский жирный слизняк. Самый большой. Переложил меня палкой в спичечный коробок и поставил на подоконник.

Генри зажмурился, его нижняя губа дрожала. Но он что есть сил сжал кулаки. Лопухий мальчуган Ванька засунул руки в карманы, но офицер Защиты вдруг подошёл и резко пнул его ногой. Паренёк пошатнулся и чуть не упал, наклонившись к доскам праздничной сцены. Ему приказали встать и опустить руки ровно вдоль тела. Я заметил, как вытянутые костлявые ладони дрожали, а от локтей до запястий выступили вены.

А Кэсси Клер смотрела вперёд. Ровным и уверенным взглядом.

Я думал о родителях, которые были где-то там. Если я сейчас что-нибудь сделаю, они пострадают. Похоже ли это на глупое самоутешение? Да и что бы я сделал? А пока я лишь стоял и смотрел, как становлюсь соучастником убийства десятков человек. Я и огромная толпа, стоящая всего в метре подо мной. Их было больше, гораздо больше, чем вот эти пара выстроенных рядов. Этой ночью, выстрелы, что я слышал из залы Акассеей, повалили гораздо больше. Возможно, целую армию. Даже сейчас я кое-где видел следы крови тех некоторых, кого они настигли на этой площади. За ночь успели убрать трупы – может, свалили на большую помойку или сожгли в одном из крематориев – хотя вряд ли кто-нибудь стал так заморачиваться.

Я едва не упустил роковой сигнал – одно за другим тела упали на деревянную поверхность сцены. Толпа заверещала громче, осознав вдруг суть происходящего на их глазах зрелища. Слизняки превратились в горстку червяков, непрерывно шевелящихся и извивающихся под прямыми лучами солнца. Кто-то выкрикивал одобрения, от кого-то исходили вопли ужаса. Рядом со мной зарычал мальчишка. Он так и не передел розовое платье, подол которого сейчас трепал весенний ветер. На сцене лежали несколько десятков тел, истекающих кровью, которая теперь была на каждом из нас.

Просто стой и смотри. Ты ничего не можешь сделать. Так ведь?

Я опустил глаза: от ненависти к себе я чувствовал, как во рту появился привкус чего-то разлагающегося, умершего внутри вместе со всеми этими людьми. Рэй скрипел зубами, сжав кулаки.

-Где он?- прорычал мальчишка мне чуть ли не в ухо. Я ответил с запозданием, найдя Юсифа на сцене позади развернувшегося действия. Маска сошла с лица Баггейна, неподвижного камня, на котором были едва видны следы стеков удовольствия.

-Северо-запад, напрямую два метра,- выдал я.

Это произошло неожиданно, оставшись в моей памяти лишь чередой обрывистых картинок. Мощный толчок свалил меня с края сцены, ощущение полета и несущаяся куда-то фигура в розовом платье, сопровождаемая чередой выстрелов, и жёсткая поверхность мощенной площади.

Поднялась неразбериха. Кто-то побежал, толпа заштормила, взорвалась и принялась метаться в стороны. В шеренгу продолжали стоять солдаты Защиты. Они вновь подняли свои оружия, нацелив на этот раз на толпу. Кто-то недалеко от меня заверещал.

Словно безвольный слизьяк, я валялся на земле, чувствуя, как в боку расцветает что-то обжигающе горячее. На сцене неподвижно лежала фигура в розовом платье. А чуть дальше – другая, в темно-синем костюме, из кармана которого – я не видел, но хорошо знал – торчал край ярко-красного платка.

Послышался крик, стрельбу вскоре остановили. Люди с каменными лицами опустили руки. А ветер трепал волосы и одежду и разносил кровавый запах смерти на километры вокруг.

Глава 12

Наверное, это случилось перед самым нашим выходом на расстрел, когда у двери мальчишка неожиданно споткнулся и налетел на одного из охранников. Каким-то образом он умудрился незаметно стащить у него нож. Тот самый нож, который впоследствии волшебным образом попадет прямо в голову Юсифу. Я что раз, закрывая глаза и стараясь забыть этот ужасный день, вспоминал череду мелькавших в тот момент событий. Пытался представить, как летящая фигура в розовом наугад метает этот нож в Юсифа. Как ноги подкашиваются от изрешетивших ее пуль, а гном в костюме дёргается от вошедшего в лицо лезвия.

Но все было не так. Каждый раз картинка была слишком неправдopodobной, картонной, натянутой.

А знаешь, больше не буду тебе писать. Твое каменное лицо вряд ли тронет улыбка при прослушивании хотя бы одной моей сопливой записи. Прошло несколько месяцев после кровавого дня. Активно проводилась подготовка к новым выборам, кандидаты в нового мэра были честно выдвинуты из народа. Я не лез в эти дела, но для себя решил обязательно хорошенько ознакомиться с личностью и кампанией каждого. На повестку дня выдвинулась идея о расформировании подразделения Защиты и создании новой системы государственно-городской безопасности.

Разведгруппы по несколько человек с баллонами кислорода и температурами были отправлены в техзону. Мы объездили весь город, таскаясь целыми днями в противогазах и уставая как собаки. Загазованный город был заполнен трупами. Выглядело это крайне печально. Пустынные улицы, наполненные тишиной и покоем. То тут, то там лежали тела людей, собак, кошек, птиц. Целый город заснул, словно устав в конце тяжелого дня. Другие группы вроде нашли несколько выживших, но наши вылазки были все безуспешны.

Огромный, только возродившийся из руин и загрязнения, словно новый, светлый ребёнок, желающий лишь жить и развиваться, новое общество, убитое в одни лишь сутки.

Мать с отцом живут на старом месте, только я к ним больше не хожу: никак не могу себя заставить. Мне предложили квартиру в городе, но я отказался, не хочу покидать этот дом. Он меня принял, здесь я теперь свой. Пришлось, правда, подождать, пока атмосфера там не пришла в норму, но на этот район (позже я узнал, что мне досталась старая дача семьи владельца кондитерской фабрики) атака повлияла не так сильно. Щенок выжил. Его, правда, немного словно контузило, так что иногда я просыпаюсь ночами от грохота и дикого лая, адресованного стене или камину. Я назвал её Дафна. Без каких-либо причин, решил покончить с этой сентиментальной многозначительностью. Она любит рвать мое кресло и жевать морковку.

Она хромала рядом со мной на поводке. Был прохладный день августа. С серого неба моросил дождь, норовя забраться за шиворот дождевика. Вода лилась всё сильнее, и я не нашёл ничего лучше, чем спрятаться под обширной фигурой памятника. Я сидел на корточках на небольшом клочке суши и качался вперёд-назад, голова моя невообразимо трещала. Дафна побегала немного вокруг, обвив поводком мои ноги, после чего отряхнулась от дождевых капель и подбежала ко мне, принявшись лизать руки и лицо. Ногой я нащупал какой-то кабель. Подозрительно. Он вился вокруг пьедестала и уходил внутрь. Я поднял голову на бронзовую фигуру и переключил зрение. По всему новому городу стояли десятки всевозможных статуй и мемориалов. Все они, одна подобно другой, уходили высоко наверх, тькая верхушками в небо. И все, как один, транслировали куда-то волновой сигнал.

«А что будет потом?»- спросил однажды у меня мальчишка,- «Кто, по-твоему, изменит этот мир?»

Я лишь пожал плечами. Тот ухмыльнулся.

«Никто не сможет ничего сделать, пока мы не почешемся сами. Никто, кроме нас».